

**MINISTRY
OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**KAZAN
FEDERAL UNIVERSITY**

**КАЗАНСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**INSTITUTE
OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL
SCIENCES
AND MASS COMMUNICATIONS**

**ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ
НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

**IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
СОЦИОЛОГОВ ТЮРКСКОГО МИРА**

Том 1

**ЕВРАЗИЙСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ДИНАМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Сборник научных трудов

Казань, 20–22 ноября 2025 г.

**IV INTERNATIONAL CONGRESS
OF SOCIOLOGISTS OF THE TURKIC WORLD**

Volume 1

**EURASIAN CONTEXTS OF SOCIAL DYNAMICS:
TRANSFORMATION OF SOCIETIES
IN THE AGE OF GLOBAL CHALLENGES**

Collection of scientific papers

Kazan, November 20–22, 2025

КАЗАНЬ

2025

УДК 316
ББК 60.5
М43

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

*Printed on the recommendation of the council
of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications
of Kazan (Volga region) federal university*

Редакционная коллегия:

Президент КФУ, заведующий кафедрой общей и этнической социологии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ,
доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарипов**;
и.о. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ,
доктор социологических наук, профессор **М.Ю. Ефлова**

Editorial board:

The president of KFU, Head of the department of general and ethnic sociology at the Institute
of social and philosophical sciences and mass communications, Doctor of Sc., Professor

R.G. Minzaripov;

Acting director of the Institute of social and philosophical sciences
and mass communications of KFU, Doctor of Sc., Professor

M.Yu. Eflova

М43 IV Международный конгресс социологов тюркского мира «Евразийские контексты социальной динамики: трансформация обществ в эпоху глобальных вызовов». Т. 1. Сборник научных трудов (Казань, 20–22 ноября 2025 г.) [Электронный ресурс] = IV International congress of sociologists of the turkic world. V. 1. Collection of scientific papers (Kazan, November 20–22, 2025). – Электронные текстовые данные (1 файл: 2,39 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – 182 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_1671920924/00000_Sbornik_Kongress_2025_17.02.pdf. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-939-0 (Т.1)

ISBN 978-5-00130-938-3

В сборнике представлены материалы IV Международного конгресса социологов тюркского мира «Евразийские контексты социальной динамики: трансформация обществ в эпоху глобальных вызовов», организованного Институтом социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета в рамках государственного задания по проекту № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии».

The collection presents the materials of the IV International congress of sociologists of the turkic world “Eurasian contexts of social dynamics: transformation of societies in the age of global challenges”, organized by the Institute of social and philosophical sciences and mass communications of Kazan federal university within the framework of the state assignment for project № FZSM-2023-0022 “Digital socialization and digital competence of young people in the context of global systemic changes: regulation technologies, risks, scenarios”.

**УДК 316
ББК 60.5**

ISBN 978-5-00130-939-0 (Т.1)

ISBN 978-5-00130-938-3

© Издательство Казанского университета, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ «МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАН ЕВРАЗИИ: ОПЫТ УСПЕШНЫХ КЕЙСОВ»	8
1. Виноградова Юлия Владимировна ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН	8
2. Вьюгина Мария Андреевна «МАТЕРИНСКАЯ СТЕНА» КАК МЕХАНИЗМ ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	10
3. Волкова Татьяна Павловна МОЛОДЕЖЬ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗМЕНЕНИЙ	12
4. Галиев Гали Талхиевич, Юлтимиров Рустам Азатович ЕАЭС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	15
5. Давыдова Елена Владиславовна ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВКАХ И ЦЕННОСТЯХ МОЛОДЕЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ	18
6. Ишмухаметов Ильгам Шакирзянович ШКОЛЬНЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯХ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ПРАЗДНОВАНИЮ ДНЯ ПОБЕДЫ)	22
7. Кадер Саркаут Шарееф Кадер НАРКОПОТРЕБЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ	25
8. Коваль Анна Андреевна СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	28
9. Лёзина Людмила Евгеньевна К ВОПРОСУ О КЛУБАХ СЕМЕЙНОГО ПОСЕЩЕНИЯ	32
10. Ломекин Дмитрий Олегович ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	35
11. Мансуров Тимур Зуфарович МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ)	38
12. Мороз Полина Владимировна КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МЕСТА В КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ КАЗАНИ: КАК РЕАЛИЗУЕТСЯ ЗАПРОС НА ЛОКАЛЬНОСТЬ И СОУЧАСТИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	43
13. Низамова Лилия Равильевна МИГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА В РОССИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	46

14	Павлова Виктория Александровна ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН	49
15	Рахимова Расима Миннахметовна ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СРЕДНИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛЬМЕТЬЕВСКА)	53
16	Савельева Жанна Владимировна, Литвинова Алёна Владимировна СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ОЖИДАНИИ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ: ОТНОШЕНИЕ И КРИТЕРИИ ДОСТИЖЕНИЯ	57
17	Файзуллин Фаниль Саитович, Самситдинов Ильфат Закиевич, Самситдинов Ильнур Закиевич СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	60
18	Шибанова Наталья Александровна, Сунгатуллина Карина Робертовна ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: ОСНОВА ДЛЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ИЛИ КОНФЛИКТА?	66
19	Яхина Милана Руслановна, Гизатуллина Диана Наилевна ВЗРОСЛЕНИЕ В СМЕШАННЫХ (РУССКО-ТАТАРСКИХ) СЕМЬЯХ В СОЦИУМЕ ГОРОДА КАЗАНИ И ГОРОДА УФЫ	70
20	Zhusubaliev Abdikaym Rysbaevich, Shaiyldaeva Asel Kokoevna, Zholdosheva Asel Sharipzhanovna GENDER AND INCLUSIVE DEVELOPMENT IN SOUTHERN KYRGYZSTAN: SOCIAL STRUCTURE AND YOUTH	73
СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ БУДУЩЕГО: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»		77
21	Воронович Антон Сергеевич СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА КАЗАНИ)	77
22	Гарипова Регина Рафисовна, Гумерова Дина Дамировна ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	81
23	Ефлова Мария Юрьевна, Абдульязнов Артур Рашидович, Хамитов Данил Динарович СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДА	85

24	Закиров Аяз Маратович ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЛОГИКЕ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ БУДУЩЕГО	88
25	Кокулов Андрей Федорович ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО СТУДЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ: МОТИВАЦИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И БАРЬЕРЫ	91
26	Подгорная Алла Игоревна ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СОАВТОР: ЭТИКА И БУДУЩЕЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ	94
27	Усова Арюна Эдуардовна ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БРАЧНЫХ СТРАТЕГИЙ	96
28	Хурамшина Айгюль Зуфаровна, Рустамова Гульшат Махмудовна, Талибова Фарида Тагировна ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ (ПО ОЦЕНКАМ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА)	98
29	Хуснутдинов Равиль Наилевич ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОНЛАЙН ЛАРДЖ-КЛАССОВ	102
	СЕКЦИЯ «МЕДИА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И НОВАЦИЯМИ»	105
30	Бареев Максим Юрьевич ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТАТАР ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА	105
31	Васильева Диана Вадимовна СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	107
32	Насибуллин Равиль Талибович ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СЕМИНАРСКОМ ЗАНЯТИИ ПО СОЦИОЛОГИИ	110
33	Попов Петр Петрович ШКОЛЬНАЯ МЕДИАСТУДИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	112
34	Рыбакова Оксана Сергеевна РЕГИОНАЛЬНЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ ФОРМАТ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ И МЕДИАПРОИЗВОДСТВА	115
35	Сагдатуллина Альфия Каюмовна ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА НА МИРОВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖИ	119
36	Соколова Екатерина Алексеевна ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА	121

37	Шагидуллин Марсель Тальгатович СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В КОММУНИКАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА	123
СЕКЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ (ПРИУРОЧЕНА К 35-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ КФУ)»		127
38	Авзалова Эльмира Илгизовна МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ	127
39	Асангулова Жайнагул Эсенбековна МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ И СЕМЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ	128
40	Головацкий Евгений Васильевич РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И УНИКАЛЬНОСТИ СЕТЕВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ «СИБИРСКИХ МИРОВ»	134
41	Дегтярева Вера Сергеевна ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	138
42	Дубровин Владимир Юрьевич, Соловарова Юлия Николаевна КОНЦЕПТ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ «НОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»	139
43	Еникеева Ирида Ирековна ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АГЕНТНО-СЕТЕВЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	143
44	Закиров Айдар Робертович, Зарипова Айгуль Раисовна ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СИСТЕМУ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА: ОПЫТ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ	147
45	Заляев Рустем Ильхамович, Заляев Рамиль Ильхамович ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ	150
46	Иванов Андрей Валерьевич, Иванов Глеб Андреевич НОМО LUDENS И НОМО VIRTUALIS: ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИФРОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ	154
47	Игонин Денис Иванович РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	157
48	Дорожкин Юрий Николаевич, Будуева Кристина Сергеевна ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ КИТАЯ В ЕВРАЗИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	161

49	Кукушкина Ольга Юрьевна КЛЮЧЕВЫЕ ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ	165
50	Нятина Наталья Владимировна, Лось Михаил Александрович, Григорик Никита Николаевич СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ФОКУСЕ ЦИФРОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ DATA-MINING: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	167
51	Патина Есения Сергеевна ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТОВ	171
52	Сурыгина Ксения Викторовна ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	173
53	Charles Alfano Wiradhika Hutapea, Fransisca FROM NARRATION TO ACTION: HOW SOCIAL MEDIA SHAPES SOCIAL CONFLICT	178

СЕКЦИЯ «МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАН ЕВРАЗИИ: ОПЫТ УСПЕШНЫХ КЕЙСОВ»

УДК 316.42

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Виноградова Юлия Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Цифровизация нашла отражение в трансформации политических и гражданских институтов, создав различные конструктивные и деструктивные формы активизма в онлайн среде. Молодежь имеет влияние в цифровом пространстве, а также является целевым объектом воздействия деструктивных практик. В связи с этим было проведено исследование, задачей которого стало выявление форм политической и гражданской активности молодежи в онлайн и офлайн пространствах. В рамках исследования был проведен опрос ($n = 1125$), проведенный в рамках гранта «Приоритет – 2030») на тему «Восприятие гражданского активизма в молодежной среде».

Ключевые слова: молодежь, гражданская активность, цифровая среда, формы гражданской активности в сети.

Введение.

С учетом распространения цифровых технологий и обострения социально-политической обстановки гражданская активность молодежи, как одной из активной когорты населения в сети, вызывает исследовательский интерес. Молодежью являются люди от 14 до 35 лет, однако в нашем исследовании будут задействованы учащиеся и выпускники высших учебных заведений, так как именно данная часть молодежи, на наш взгляд, в большей степени подвержена актам гражданского активизма в онлайн-пространстве. Подобная деятельность может создавать позитивные условия для развития социума, а также таит в себе опасность возникновения не только девиантного, но и делинквентного поведения в молодежной среде. Целью исследования является выявление форм гражданского активизма молодежи.

Методы.

В рамках крупного опроса ($n = 1125$), проведенного в рамках гранта «Приоритет – 2030» на тему «Восприятие гражданского активизма в молодежной среде» удалось определить настроения молодежи относительно гражданского активизма, предпочтительные формы участия.

Результаты исследования и обсуждение.

По результатам опроса было выявлено, что только 16,7 % респондентов считают себя активными гражданами, «скорее нет, чем да» – 32 %, «скорее да, чем нет» – 30,1 %. Присутствует высокая доля неопределенности в силу того, что они не видят личной выгоды, а также ссылаются на большие затраты времени и сил, отсутствие достаточного финансирования. Но несмотря на это, они скорее имеют возможность для проявления активной гражданской позиции («скорее да, чем нет» – 48,4 %), 16,7 % считают, что имеют возможность в полной мере.

Респонденты проявляют свою гражданскую позицию чаще всего «иногда» – 38,3 %, а «часто» и «крайне редко» приблизительно в равных долях 17,8 % и 18,3 %. Причем преимущественно делают это лично (38,4 %), дальше в компании (14,9 %) и в социальных сетях (13,2 %). Можно сделать вывод о том, что это переносится в сферу приватного. И это вполне логично, ведь 34,4 % опрошенных так же считают, что гражданская позиция является личным делом каждого, поэтому они не инициируют разговоры о гражданском/политическом активизме. Также интересно, что респонденты готовы обсуждать гражданскую позицию с близкими людьми и друзьям в большей степени, чем с членами семьи (32,7 % и 28,3 %).

По мнению опрошенных, наиболее важными активностями для проявления гражданской позиции являются волонтерство (15,6 %), привлечение внимания к проблемам места своего проживания (13,5 %), участие в выборах (12,5 %).

В рамках активности, позволяющей проявить гражданскую позицию, респонденты наиболее привлекательными считают участие в выборах («занимаюсь» 34 % и «хотел бы заниматься» 31,8 % против 25,9 %), создание сообществ по интересам («занимаюсь» 15,1 % и «хотел бы заниматься» 39,8 % против 36,8 %), а также участие в воркшопах, акциях, флешмобах («занимаюсь» 18,1 % и «хотел бы заниматься» 36,3 % против 37,3 %).

Заключение.

Гражданская и политическая активность имеют свои этапы и формы проявления: участие в выборах, митингах, благотворительных акциях, создании общественных организаций, инициация и организация выставок, перфомансов, фестивалей, движений, открытых лекций, дебатов и т.д. Активность граждан неоднородна по своей структуре, природе и направленности, имеет социальную полярность, конструктивные (патриотические, культурно-спортивные, экологические и иные общественные движения) или деструктивные (революции, бунты, криминальные войны) формы проявления. Признаком конструктивного проявления становится улучшение социальной коммуникации, созидание культурно-значимого произведения, улучшение жизни граждан и экологии среды. Признаком деструктивного проявления становится нарушения общественного порядка, нравственных и социальных норм.

Политическая активность является неотъемлемой частью гражданского активизма, терминальным отличием является причина того или иного действия, а именно политический подтекст.

Политическая активность молодежи в сети представляется еще зарождающимся феноменом, так как электронное голосование, интернет-петиции не вызывают большого доверия в силу легкой манипуляции ботами и хакерскими атаками. Обсуждение политики, создание сообществ и чатов политической направленности, а также интерес к информационным и аналитическим ресурсам является признаком политической осведомленности до тех пор, пока это не переходит в активные формы в оффлайн пространстве.

Для цифрового политического активизма молодежи характерно преобладание пассивного участия над активным, т.е. делается акцент на склонности потреблять политический контент, проставлять лайки, репостить и комментировать посты, но не переносить эту деятельность в более активные формы.

На данном этапе политическая активность в интернете сводится к консолидации сил единомышленников, так как свойства мировой сети позволяют коммуницировать из любой точки мира, собирать не только человеческий капитал, но и финансовый, поэтому цифровая среда служит промежуточным звеном к проявлению политической активности в реальной жизни.

Литература

1. *Ефлова М.Ю.* Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ / М.Ю. Ефлова, Ю. В. Виноградова, А. В. Витушкин // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 6 (57). – С. 52–56.
2. *Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзаринов Р.Г., Нагматуллина Л.К.* Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 266–271.
3. *Абрамова С.Б., Антонова Н.Л.* Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 149–165.
4. *Бродовская Е. В., Хуанг Т.* Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–18.
5. *Покатов Д.В.* Политический онлайн-активизм современной российской молодежи: особенности и современные практики / Д.В. Покатов, Д.А. Киряева // X Дыльновские чтения.

- Социология и современное общество: междисциплинарные подходы исследования: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 10 февраля 2023 года). – Саратов: Саратовский источник, 2023. – С. 155–160.
6. *Негров Е.О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2021. – № 1. – С. 18–30.
 7. *Гусева Н.В.* Деструктивные формы политической активности студенческой молодежи / Н.В. Гусева, С.В. Докучаева // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. – 2016. – № 1-2. – С. 171–187.
 8. *Мухаметшин Р. М.* Государственная молодёжная политика в России как инструмент развития общества: аналитический обзор // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1 (64). – С. 78–86.
 9. *Юлбаев Р.З.* Инструменты региональной молодежной политики для активизации гражданского и политического участия молодежи группы риска в общественной деятельности: стратегии и проблемы (на примере Республики Башкортостан) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 2 (65). – С. 77–95.

УДК 316.42

«МАТЕРИНСКАЯ СТЕНА» КАК МЕХАНИЗМ ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Вьюгина Мария Андреевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Автором исследуется феномен *материнской стены* как ключевого, но недостаточно изученного механизма вертикальной и горизонтальной гендерной сегрегации в системе государственного управления. Целью работы является теоретическое обоснование данного феномена и анализ его специфических проявлений в контексте российского государственного управления. Преодоление *материнской стены* требует не только совмещения женщинами-матерями семейных и профессиональных обязанностей, но и глубинной трансформации управленческой культуры и кадровой политики в трудовой сфере.

Ключевые слова: материнская стена, кадровая политика, гендерные стереотипы, гендерная сегрегация, стеклянный потолок, государственное и муниципальное управление.

В Российской Федерации, как и во многих других странах несмотря на формальное равенство прав и высокую представленность женщин на рядовых и средних должностях государственной и муниципальной службы сохраняется выраженная вертикальная сегрегация на высших управленческих позициях [1]. Исследования данного феномена часто апеллируют к концепциям *стеклянного потолка* (невидимых барьеров в карьере) и *липкого пола* (концентрации женщин в низкостатусных позициях). Однако для сферы госуправления, особенно в российском контексте, значимым, однако латентным механизмом сегрегации выступает так называемая *материнская стена* [2].

В рамках данной работы под *материнской стеной* понимается комплекс социально-институциональных барьеров, неформальных норм и стереотипных установок, которые системно ограничивают карьерные траектории женщин, имеющих детей или планирующих материнство, воспроизводя мужское доминирование на руководящих позициях. В отличие от *стеклянного потолка*, этот барьер возникает не на подступах к высшим управленческим позициям, а значительно раньше – на этапе формирования репутации надежного, *идеального* сотрудника, готового к сверхурочной работе и максимальной вовлеченности в профессиональную деятельность.

Теория гендерного режима Р. Коннелл позволяет рассматривать государственное и муниципальное управление как институт, воспроизводящий элементы патриархального гендерного контракта, где идеальным работником является человек, целиком посвященный государственной службе, не обремененный семейными и родительскими заботами, что в культурном контексте традиционно ассоциируется с мужчиной [3]. Теория двойной нагрузки А. Хокшилд объясняет, как стереотипы о сниженной профессиональной продуктивности сотрудниц-матерей в условиях необходимости выполнения домашней работы становятся основой для дискриминационных кадровых решений [4].

Концепция *материнской стены* развивает идеи гендерной сегрегации, смещая фокус с общего неравенства на специфическую дискриминацию, основанную на родительском статусе женщины. В отличие от корпоративного сектора, где барьеры могут быть обусловлены соображениями прямой экономической выгоды, в публичном управлении они часто латентны и опосредованы стереотипными представлениями.

В данной сфере *материнская стена* может проявляться через следующие практики и установки: восприятие материнства как фактора риска, снижающего мобильность, готовность сотрудницы к сверхурочной работе и командировкам; маргинализация сотрудниц, использующих формальные меры семейной политики – гибкий график и удаленная работа на практике могут восприниматься как признак недостаточной вовлеченности, что может привести к закреплению на периферии карьерных траекторий; оценка профессиональных качеств женщины через призму ее материнства – менее амбициозна, нерешительна, излишне эмоциональна; *штраф за материнство* – реальное снижение шансов на повышение, включение в кадровый резерв или привлекательные проекты после выхода из отпуска по уходу за ребенком; длительный декретный отпуск, особенно при рождении нескольких детей, воспринимается работодателями как профессиональное отставание, утрата актуальных знаний и социальных контактов внутри организации [5].

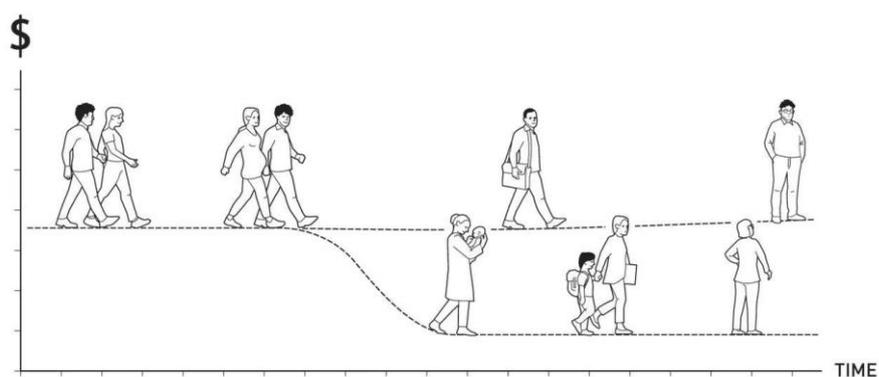

Рис. 1. Цена материнства [6]

На протяжении всего советского и постсоветского периода в отношении матерей действовала устойчивая социальная норма, позиционирующая их как *неидеальных работников* в сравнении с мужчинами и бездетными женщинами. С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы эта норма усилилась, что проявилось в открытых дискриминационных практиках при найме, ужесточении *штрафа за материнство*, углублении гендерного разрыва в оплате труда и вытеснении матерей часто на рабочие места с гибким графиком, как правило, отличающиеся низкой требуемой квалификацией и заработной платой [7].

Таким образом, *материнская стена* приводит к системным потерям не только для самих женщин, но и для институтов публичной власти – утрачивается интеллектуальный и управленческий потенциал квалифицированных кадров, воспроизводится гендерно-однородная модель управления, не отражающая разнообразие социума, и консервируются патриархальные установки в организационных культурах [8, 9, 10]. Ее демонтаж является условием не только

достижения гендерного паритета в трудовой сфере, но и повышения эффективности и адаптивности публичной власти за счет использования всего спектра имеющихся кадровых ресурсов [11].

Перспективы дальнейших исследований, по мнению автора, требуют проведения глубинных интервью с женщинами-руководителями и рядовыми сотрудницами госорганов, а также сравнительного анализа региональных и отраслевых практик для выявления эффективных моделей преодоления *материнской стены*.

Литература

1. *Коростылева Н.Н.* Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // *Женщина в российском обществе*. – 2014. – № 1 (70). – С. 12–18.
2. *Здравомыслова Е.А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
3. *Коннелл Р.* Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / Р. Коннелл; авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. перевода И. Тартаковская; подготовка русской версии примечаний и библиографии О. Ечевской. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.
4. *Хокшилд А.* Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме. – М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2012. – 411 с.
5. *Исупова О.Г.* Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // *Социологические исследования*. – 2015. – № 10. – С. 185–194.
6. *Women in the Workplace-2025*. – URL: <https://womenintheworkplace.com> (дата обращения 02.12.2025).
7. *Женщины в профсоюзах: документы, социология, практика*. – URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/2a4/ny67z3kohn4f759qrjj7fefv17tui1t9/ZHenshchiny_v_profsoyuzakh.pdf?ysclid=mezlzoihm393198895 (дата обращения 02.10.2025).
8. *Общественная палата РФ.* (2025). Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. – URL: <https://report2025.oprf.ru/ru-RU/2025.html> (дата обращения 19.08.2025).
9. *Захаров Ю.А.* Креативное управление: культурная, стратегическая, структурная, функциональная специфика / Ю. А. Захаров, Л. Ю. Логунова // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2025. – № 1 (68). – С. 19–32.
10. *Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г.* Концептуализация феномена социального исключения в социологических теориях // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2017. – № 3 (26). – С. 30–34.
11. *Ефлова М.Ю., Гимадеева Д.Р.* Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2013. – Т. 155. – № 6. – С. 15–22.

УДК 316.455

МОЛОДЕЖЬ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗМЕНЕНИЙ

Волкова Татьяна Павловна

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена трансформационным проблемам подготовки молодежи к будущей профессиональной деятельности, её социально-политической адаптации, оптимизации молодежной политики в транспортном вузе, а также вопросам взаимодействия работодателя и образовательного учреждения в условиях современного социально-экономического развития.

Ключевые слова: молодежь транспортного вуза, цифровые технологии, адаптация, молодежная политика, стратегии.

Обращаясь к вопросам рассмотрения молодежной политики за последние годы, отметим серьезные изменения, происходящие среди молодежи, в этой социальной группе. Более всего интерес представляет студенческая молодежь транспортного вуза, где работодателем выступает крупнейшая организация России ОАО «РЖД», по последним данным здесь трудится более 40 % молодежи.

Уральский государственный университет путей сообщения отмечает в будущем году юбилей – 70 лет со дня образования, в настоящий момент со всеми филиалами обучается 18 тысяч студентов, это единственный важный транспортный вуз УрФО.

Среди современных инновационных программ обучения, используются традиционные методы обследования и работы со студенческой молодежью: социологические опросы, психологические тренинги, конференции и олимпиады. Приоритет отдается интерактивным методам обучения: дискуссиям, проблемным заданиям, блиц-турнирам, учебным фильмам, заданиям с раздаточным материалом и мн. др. Несколько лет подряд успешно используется электронно-образовательная среда Blackboard Lean, необходимая для учебного процесса.

Специфика железнодорожного вуза не только затрагивает практическую направленность обучения и тесное взаимодействие с отраслью, но и подготовку специалистов широкого профиля, интеграцию образования и науки, международное сотрудничество, обширное использование современных цифровых технологий.

Для создания современного портрета студента в УрГУПСе введен постоянный мониторинг, который охватывает исследование студентов с 2011 гг. по настоящий период 2025 год с помощью Яндекс формы, проводимый структурами университета, в частности, Управлением по воспитательной и внеучебной работе, Проректором по молодежной политике, а также кафедрой «Управление персоналом и социология».

Данные о количестве опрошенных, распределении по курсам, представлены в таблицах (табл. 1, 2).

Анкетный опрос, как правило, проводится на очном отделении и охватывает студентов 1 курса, 2 и 3-го курса, выпускников 4 и 5-го курса в разные годы, включая, количество обследуемых от 240 до 1542 человек.

Таблица 1

Численность опрошенных студентов УрГУПС за 2011–2025 гг.

год	2011	2013	2015	2017	2018	2019	2020	2022	2023	2024	2025
чел.	240	746	363	529	1551	1542	1318	1401	806	929	957

Из года в год меняются программы вуза, возникают новые управленческие структуры, преобразуются прежние, происходит дальнейшая модернизация высшего образования. Появляются новые направления для абитуриентов Студент первокурсник и выпускник – это два разных человека, формируемая и сформировавшаяся личность.

Возникают комбинированные форматы обучения, например, очно-заочная форма.

Таблица 2

Распределение опрошенных студентов по курсам, в %

	2011	2013	2015	2017	2018	2019	2020	2022	2023	2024	2025
1 курс	67,0	30,8	38,8	19,3	24,7	34,1	31,9	33,8	33,0	34,2	28,5
2–3курс	–	34,6	27,6	45,3	45,4	44,3	42,7	40,6	49,0	41,3	47,8
4–5курс	33,0	34,6	33,6	35,5	29,9	21,6	25,4	25,6	18,0	24,5	23,7

Вместе с тем, обратим внимание на последние три года, когда проводился социологический опрос, необходимо было выбрать три самых важных варианта жизненных личностных ценностей. Получить ответ на вопрос: «Как Вы считаете, что является наиболее ценным в жизни?». Среди ценностей были предложены следующие варианты: «хорошие, верные друзья», «безопасность и стабильность», «любимый человек», «уважение окружающих», «профессиональные достижения», «вера, духовное развитие» и др.

Студенты на первое место поставили «Материальное благополучие» – 60 % и более на всех курсах обучения. Финансовая стабильность дает уверенность в собственном будущем, как считают респонденты, более спокойное отношение к изменениям и нестабильности в обществе. На втором месте было указано – «Делать то, к чему лежит душа», на третьем – «Семья», на это указали 59 % опрошенных.

Кроме составления портрета студента УрГУПС, с позиций социологии рассматривается значение и роль университета в образовательных и профессиональных траекториях студенческой молодежи [1]. Анализируется молодежь как стратегический ресурс компании, качество подготовки молодежи в вузе в условиях реализации компетентностной модели, стратегия и молодежная политика [2, 3, 4].

Наряду с обозначенными вопросами изучения подготовки студенческой молодежи к профессиональной деятельности, учеными университета предлагаются модели взаимодействия отраслевого вуза с работодателем [5].

Ежегодно проводится международная научно-практическая конференция «Железнодорожный транспорт и технологии. Railway transport and technologies», где обсуждаются технологические вопросы эффективности не только перевозочного процесса, практика внедрения «цифровой железнодорожной станции», но и дискуссионные проблемы цифровизации гуманитарного блока дисциплин, преподаваемых в техническом вузе.

Остановимся на этих вопросах более предметно. Следует подчеркнуть, что цифровизация в высшей школе внесла существенные изменения в методику преподавания, ни одно высшее учебное заведение не осталось в стороне от этого процесса.

Искусственный интеллект вошел не только в нашу повседневную жизнь, но и изменил сегодняшнего студента, молодого человека поколения Z. У современного студента транспортного вуза имеет место: независимость суждений, открытость новому опыту, нежелание действовать по шаблону, большое времяпровождение в соцсетях, Интернете, общение с виртуальными друзьями, чаще, чем с реальными людьми. Всё это накладывает отпечаток и на деятельность преподавателя, связано с мастерством его владения цифровыми технологиями и профессиональным опытом преподавания дисциплины.

Как отмечают отдельные исследователи старшее поколение связывает высшее образование с успешностью карьеры и реализацией цели, молодежь сегодня соотносит высшее образование с возможностью трудоустройства [6].

Цифровые технологии в настоящий момент повышают, на наш взгляд, мотивацию студентов, так как расширяют доступ к знаниям; повышают возможность студенту практически сразу получить обратную связь об уровне своих знаний; сервисы онлайн позволяют поддерживать коммуникацию друг с другом, и использовать учебный материал в удобное для себя время (видеолекции, видеоуроки, мультимедийные презентации).

Интерактивные онлайн платформы помогают студентам обмениваться идеями друг с другом, соревноваться, участвовать в дискуссиях. Большая роль в учебном процессе отводится геймификации и проектному обучению, направленному на решение конкретных задач.

Вместе с тем, отметим и риски всеобщей цифровизации. На наш взгляд, это возникновение феномена многозадачности для студента, переключение внимания; отсутствие разделения переизбытка информации, т.е. ее фильтрации. Далее – зависимость от технологий, снижение межличностного общения, манипуляция подсознанием и поведением, цифровое неравенство студента из сельской местности и города, и др. факторы.

Названные моменты позволяют сделать некоторые выводы для студенческой молодежи транспортного вуза.

На наш взгляд, преподаватель гуманитарных дисциплин, должен выступать наставником, решая проблемы профессиональной адаптации молодежи в условиях социально-экономического развития страны, используя индивидуальный подход, персонализацию обучения.

Важным моментом является недопущение академической прокрастинации, откладывание дела на потом.

Заметим также, что учебную деятельность дополняет и обогащает внеучебная. Это сегодня волонтерская деятельность нашей студенческой молодежи, патриотическое воспитание, встречи с участниками СВО, студенческие отряды РЖД (летний семестр охватил 1180 студентов), отряд проводников «Атлант», строительный отряд «Эшелон», молодежный конкурс проектов «Новое звено», «Аксиомы ответственности», студенческие амбассадоры РЖД и многое другое.

Литература

1. *Шестопалова О.Н., Окунева Т.В.* Роль университета в образовательных и профессиональных траекториях современной молодежи. – Вестник Уральского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 100–107.
2. *Васильцова Л., Волкова Т.* Качество подготовки молодежи в вузе в условиях реализации компетентностной модели // «Экономика и управление: научно-практический журнал». – 2020. – № 4 (154). – С.137–142.
3. *Волкова Т.П.* Молодежь как стратегический ресурс компании: теория и практика управления / Железнодорожный транспорт и технологии: сборник трудов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 29–30 ноября 2023 года) / под науч. ред. С.В. Бушуева, канд. техн. наук; отв. за выпуск В.В. Макаров. – Екатеринбург: УрГУПС, 2024. – Вып. 1 (256). – С. 529–531.
4. *Волкова Т.П.* Методы менеджмента в условиях развертывания молодежной политики / Теория и практика современной науки: материалы III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала ФБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» в г. Южно-Сахалинске (23 ноября 2023 г.). – Москва: Знание-М, 2023. – С. 457–461.
5. *Паршина В.С.* Моделирование экосистемы отраслевого взаимодействия вузов с работодателем // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2025. – № 2 (66). – С. 15–23.
6. *Пронина Е.А.* Динамика образовательных и профессиональных траекторий российской молодежи // Социологические исследования. – 2025. – № 6. – С. 152–155.

УДК 327.7

ЕАЭС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Галиев Гали Талхиевич,
Юлтимиров Рустам Азатович**

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В условиях динамических социальных перемен в мировой практике управления все в большей мере утверждается инновационный метод освоения национального пространства – его технологизация.

Ключевые слова: межнациональные отношения, социальные технологии, национальная политика, социальное управление.

Объектом моих многолетних научных поисков в области межнациональных отношений является управление межнациональными отношениями (МНО): анализ многообразия их

видов и методов; оценка потенциала каждого из них и специфика их использования; потребность и возможность возникновения сегодня новых методов управления, перспективы их признания и включения в систему воспроизводства на правах необходимого элемента культуры МНО в Евразийском пространстве.

Анализ ранее использованных в Евразии форм и методов управления МНО позволяет выделить ряд критериев, на основе которых проводилась оценка их актуальности и эффективности. Основные из них – целевая направленность развития МНО; объективность; комплексность; системность; научность; достаточность ресурсного обеспечения и эффективность его использования; учет последствий и др.

Совокупность возможностей управленческого воздействия при использовании данных критериев составляет внутренний потенциал МНО.

В связи с изменением целей национальной политики Евразии, возможностей ее реализации изменяется и набор методов управления МНО, возможности его потенциала. Ранее активно использовались такие методы, как программно-целевое управление, сферное управление: управление по целям; управление по результатам и др. Сегодня активно разрабатываются методы, которые ранее носили прикладной характер – управление балансирования; управление по отклонениям; антикризисное управление и др. Они, как видим, в наибольшей степени отвечают потребностям сегодняшних реалий в системе МНО.

Опыт исторического развития народов Евразии, практики их взаимодействия дают основание говорить о наличии общепризнанных методов управления МНО – экономических, политических, правовых, социальных, психологических и др.

Проблемы теории, методологии и практики использования каждого из них в системе формирования и изменения состояния МНО (гармоничности или односторонности, стабильности или хаотичности, динамичности или спада и т. д.) отработаны достаточно основательно, причем с учетом вариантов воздействия их на качественное состояние различных сфер жизнедеятельности наций, характера отношений между ними.

Сегодня очевидно, что вектор оценок качественного состояния МНО может быть выбран, исходя из конкретных целей и интересов различных групп населения этносов, политических и иных сил.

Исследования самого процесса управления в сфере МНО дают основание говорить о том, что многие модели управления уже глубоко изучены, разработаны основные его элементы: знание сущности явления и его структура; показатели качественного и количественного состояния; нормы и нормативы; объективные и субъективные аспекты определения цели, выбора методов оценок; процесс достижения поставленной цели; определение ресурсов, требуемых для достижения поставленной цели; методы диагностического состояния процесса и механизмы его целенаправленного регулирования, система информационного обеспечения; профессионально квалификационная характеристика лиц, занятых в процессе управления, особенности организации их трудовой деятельности; сфера и специфика отношений между участниками МНО.

XXI век – время динамических социальных перемен. Без использования инновационных методов в освоении национального пространства в нем возможны новые потрясения, конфликты, не знающие национальных границ.

Достигнутые результаты в разработке теории и методологии управления межнациональными отношениями позволили адаптировать к специфике исследуемых процессов такие научные методы, как целеполагание; диагностика; системный и факторный анализ; прогнозирование; моделирование; планирование; выработка управленческих решений; процесс практической деятельности; социологические исследования, игротехника; коррекция и синергический эффект; метод альтернатив и др.

Использование каждого из них связано с освоением конкретного объема научных знаний, специфических методик освоения и неповторимых методов практической деятельности.

Это дает возможность глубже понять сущность МНО, характер их воздействия на различные сферы состояния общества, проследить возникновение нарушений оптимального

состояния равновесия интересов и потребностей участников МНО и возможные варианты изменения их состояния – от угасания и усиления стабильности до конфликтности различной степени тяжести.

Анализ их использования в практике управления конкретными направлениями национальной политики Евразии за последние десять лет дает основания для некоторых выводов.

Во-первых, используемые порознь названные выше научные методы позволяют углубить наше познание отдельных процессов МНО.

Во-вторых, установить, что процессы МНО испытывают на себе влияние многочисленных и разнообразных факторов внешней и внутренней среды. Без их учета каждый из названных методов может не только оказаться неэффективным в практике управления, а усилить нарушение существующего ранее состояния равновесия в МНО.

В-третьих, используемый автономно каждый из названных методов увеличивает затраты ресурсов, требуемых для решения конкретных проблем национальной политики, и не дает предполагаемого результата.

Например, затраты на проведение социологических исследований МНО, прогнозирование их состояния окажутся напрасными, если отсутствует возможность (правовая, экономическая, организационная и иная) регулирования внутренних и внешних связей и отношений, влияющих на достижение желаемого результата.

В-четвертых, особенности функционирования процессов в системе МНО связаны с тем, что для получения позитивных результатов требуется длительное время, особые условия для их воспроизводства. Научные методы дают возможность не только рассчитать потребности затрат времени, но и процесс формирования качества требуемых состояний, характеристик и т. д.

При частой смене целей и задач национальной политики использование методов, например, прогнозирования, планирования, диагностики, анализа и др. для субъектов управления МНО теряет смысл. В этих случаях приоритет отдается авторитетным методам управления. А при слабости государственного управления или отсутствии авторитарного лидера МНО находятся под влиянием стихийных сил.

В-пятых, проведение позитивной национальной политики в условиях смены приоритетов политического, экономического, социального, духовных ориентиров развития ЕАЭС требует поиска иного механизма использования уже известных достижений в теории, методике и практике управления МНО, использования на эти цели имеющихся сегодня у Евразии ресурсов.

В-шестых, поиск нового метода управления МНО приводит к необходимости анализа процесса формирования этносов, их культуры, традиций. Что способствовало их формированию, устойчивому проявлению? Какой должна быть система управления МНО, при которой не только воспроизводятся желаемые результаты, но и закрепляется качество их состояния?

Таким образом, в кратком обзоре мы ставили перед собой задачу: раскрыть сущность технологического управления в сфере МНО, объективную потребность его возникновения, проследить теоретические и методические аспекты его практического использования.

Автор в технологическом управлении усматривает не новую панацею, которая избавит нас от всех проблем, преследующих в реализации сегодняшней межнациональной политики Евразии. Скорее наоборот: обращение к технологическому управлению как методу гармонизации МНО в Евразии, которая позволит субъектам управления (если они этого захотят, и, если это не будет противоречить их истинным целям деятельности в формировании новой политики МНО в данных странах), во-первых, ставить перед собою реальные задачи; во-вторых, при проведении межнациональной политики избежать напрасной траты ресурсов, требуемых для ее осуществления (политических, социальных, экономических, нравственных, правовых и др.); в-третьих, достигнуть поставленных целей с достаточной степенью эффективности.

Технологический подход в управлении МНО в Евразии, как видим, требует предельного внимания, активности, настойчивости, самоконтроля и самоорганизации всех участников процесса МНО. При ином подходе – будут и иные результаты.

Литература

1. Галиев Г.Т., Бушин Н.И., Никредин Г.Д. Технологическое управление социальными процессами: учебное пособие. – Уфа: Ай, 1997. – 296 с.
2. Галиев Г.Т., Дружинина Т.Г. Технологическое управление межнациональными отношениями: от конфликта до гармонии. – Уфа: АН РБ, «Гилем», 2012. – 21 с.

УДК 316.42

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВКАХ И ЦЕННОСТЯХ МОЛОДЕЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Давыдова Елена Владиславовна

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

Аннотация. Автор рассматривает актуальную современную проблему – брачно-семейные предпочтения современной молодежи. Предметным материалом данного исследования служат проведенные социологические опросы ценностных установок молодежи Ставропольского края (в 2022 году и в 2025 году) относительно брачно-семейных отношений. Автор выделяет особенности социальных свойств и характеристик молодых жителей Ставропольского края (Россия), проводит сравнительный анализ результатов количественных аналитических процедур, которые выявляют определенные изменения в мотивации к заключению брака, разводу, рождению детей и др. Выявлено, что новыми маркерами предпочтительных социальных установок молодых людей, относительно партнерских отношений, в большей степени становятся не экономические факторы или бытовые комфорты, а такие социально-гуманитарные феномены, как как: «правда», «честность в отношениях», «близость взглядов» и «схожесть убеждений».

Ключевые слова: молодежь, брачно-семейные ценности и установки, социологические опросы, ценностные установки, эволюция предпочтений молодежи.

Постановка проблемы. Проблематика заявленной темы, на наш взгляд, актуализируется на разных уровнях и в разных плоскостях.

Первый – *общегосударственный уровень – уровень народонаселения и как следствие, демографическая плоскость проблемы* – сокращение населения РФ, снижение рождаемости в регионах, уменьшение численных показателей детности, многодетности и брачности [6, 5–7]. Детность – среднее количество детей в семье, одна из основных характеристик исторических типов воспроизводства населения. В зависимости от числа детей в расчёте на одну семью выделяют малодетность (1–2 ребёнка), среднететность (3–4 ребёнка) и многодетность (от 5 детей). Брачность – важнейший демографический фактор рождаемости, формирования семьи и изменения семейной структуры населения, он измеряется несколькими способами, например: отношением числа вступивших в брак к численности населения, к числу лиц бракоспособного возраста, не состоящих в браке, специальными коэффициентами брачности и другими показателями [6, 10].

Второй *уровень больших социальных групп или общностей, или страт.* Мы определили для анализа указанной проблематики молодежь как самую важную в исследуемых демографических и ценностных процессах группу, возрастного диапазона 18–30 лет. Считаем, что исследования брачно-семейных предпочтений именно с указанной возрастной группой молодежи может служить прояснению указанной выше проблемы первого уровня, поскольку именно в данном возрастном диапазоне содержатся ресурсы воспроизводства и прироста населения.

Третий – *личностный или индивидуальный.* Не взирая на существенные меры государственной поддержки семьи, возросший в целом общий уровень жизни российского населения, решение о вступлении в брак, о необходимости иметь детей в браке (или вне его) в каждом

конкретном случае принимается индивидами с учетом личностных социальных установок и ценностных предпочтений. Поэтому говоря о личностном, индивидуальном уровне проблемы мы выявляем и интерпретируем такие категории, как: «личные предпочтения», «актуальные тенденции», «теги», «стратегии поведения», «индивидуальные жизненные целеполагания», «жизненный опыт» в соотношении с категориями общественно-значимого порядка.

Мы опирались на материалы исследований – Е.В. Волченковой и О.А. Ворониной, которые в работе «К вопросу о сущности семейно-брачных установок молодежи» определяют категорию «брачно-семейная установка» как систему взглядов и ориентаций личности относительно брака и семьи, обуславливающую поведение молодых людей в данной сфере и способствующую / либо препятствующую семейному благополучию. В структуре семейно-брачных установок они выделяют такие элементы, как: семейные ценности, принятие семейного образа жизни; установки, влияющие на брачный выбор; установки на построение взаимоотношений в семье и с ближайшим окружением; установки на организацию жизнедеятельности семьи; установки на рождение и воспитание детей [5].

Методы и содержание исследования. Автором проведены социологические опросы, позволившие выявить брачно-семейные установки и ценностные предпочтения (2025 год) и причины разводов среди жителей Ставропольского края (2020–2021 годы).

Исследование «Опрос супругов, принявших решение подать на развод». Сроки проведения – опрос проводился в течение июня 2020 – апреля 2021 года. Целевая группа – граждане – жители Ставропольского края, подавшие заявление на расторжение брака, возрастных ограничений не предусматривалось. К процедурам опроса привлекались работники отделов ЗАГС Ставропольского края. Всего опросом было охвачено 266 граждан, проживающих в Ставропольском крае [2, с. 85–86].

Анализ ответов респондентов позволил сделать следующие выводы по группировке полученных ответов.

Большинство пар, переживших развод, сталкивались с конфликтами, и многие были готовы их решать, однако сохранить брак не удалось.

– В большинстве ответов развод представлен как обдуманное решение супругов, хотя респонденты указывали, что могли бы попытаться сохранить семью, однако этого сделать не удалось. Самой популярной причиной развода, по данным опроса, являются *бытовые проблемы* (31,6% опрошенных), неразумное распределение семейных обязанностей (57 %), разница в установках и мнениях различной социальной природы (34 %). В 31 % случаев, респонденты указали на то, что имели место финансовые проблемы. Алкоголизм, наркомания и другие зависимости были отмечены одной из главных причин у 30 % респондентов.

– В ходе опроса установлено, что многие респонденты (51 % опрошенных) не отдают себе отчета, в том, что развод может нанести их детям непоправимую психологическую травму, а те, кто осознает тяжесть этого события для ребенка, надеются, что в результате оно пройдет бесследно.

– Большая часть пар (81 %) испытывая внутрисемейные и личностные трудности, предпочитают не обращаться за помощью к специалистам, что возможно обусловлено такими факторами, как отсутствие качественных и доступных консультационных пунктов, специалистов в области семейных отношений, традиционным неприятием вмешательства в личную жизнь и пространство.

– Констатируем снижение влияния мнения родителей на сохранение или разрушение брака детей, поскольку оно несущественно, по данным нашего исследования.

– Мотивы вступления в брак и выбора партнера для многих респондентов (по результатам текстовой части ответа – самостоятельное заполнение графы) базируются либо на отдельных чертах характера, либо на основе его отношения к опрашиваемому (проявления заботы, внимание).

Социологический опрос, направленный на изучение проблематики брачно-семейных ценностных предпочтений, был проведен в 2025 году. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания современных тенденций в формировании семьи среди

молодого поколения. Исследование основано на данных массового анкетного опроса с возможностью выбора нескольких вариантов ответов. Общее количество учтенных ответов ($n = 4275$). Для обработки данных применялись методы дескриптивной статистики (подсчет частот и процентных долей). Качественный контент-анализ был применен для обработки текстовых ответов респондентов, выбравших вариант «Ваш вариант ответа». Полученные данные позволяют не только зафиксировать текущее состояние общественного сознания, но и являются важной информационной базой для разработки конкретных мер в области государственной семейной и молодежной политики, образовательных и просветительских программ, направленных на укрепление института семьи.

В опросе приняли участие 1424 респондента, преимущественно в возрасте от 18 до 20 лет, что позволяет считать результаты репрезентативными для данной возрастной когорты и делать обоснованные выводы о сложившейся системе брачно-семейных предпочтений молодежи Ставропольского края.

Полученный отчетный материал содержит детализированный анализ собранных данных, их визуализацию и основные выводы, отражающие текущую картину ценностных ориентаций молодого поколения в вопросах семьи и брака. Проведенное исследование позволило определить иерархию ценностей, составляющих, по мнению респондентов, основу семейной жизни. Итоги: 1. Первая группа ценностей отражает доминанту эмоционального партнерства. Современная модель успешной семьи строится, прежде всего, на эмоциональной близости (любовь), преданности (верность) и взаимной поддержке (дружба). Это свидетельствует о глубокой интериоризации ценностей «чистых отношений», где главным критерием является качество эмоциональной коммуникации между партнерами. 2. Вторая группа ценностей образует мировоззренческую общность и материальную стабильность, которые создают необходимый контекст для реализации эмоциональной связи. 3. Третья группа ценностей фиксирует, что дети и сексуальность являются важными, но производными элементами системы семейных ценностей. Их качество и значимость напрямую зависят от здоровья и устойчивости пары.

Таким образом, ценностное ядро современной семьи сместилось от выполнения внешних социальных функций (продолжение рода, хозяйственная единица) к внутреннему, субъективному качеству отношений между двумя автономными личностями, объединенными любовью, дружбой и взаимным уважением.

Семья как социальный институт является первичной ячейкой общества, где формируются и воспроизводятся модели социальных отношений, включая властные. Главенство в семье представляет собой комплексную социально-психологическую и социологическую проблему, отражающую трансформацию гендерных ролей, эволюцию семейных ценностей и конфликт между традиционными патриархальными установками и современными эгалитарными идеалами. Изучение мнений о том, кто должен занимать лидирующую позицию в семейной иерархии, позволяет диагностировать то, что ценностными приоритетами молодежи становятся более глубинные и смысловые процессы, нежели внешне-атрибутивные символические и ролевые.

Основные результаты и выводы.

Первое исследование позволило определить ключевые причины разводов (среди респондентов, принявших участие в опросе). Ими оказались бытовые проблемы, неравное распределение обязанностей, финансовые трудности, зависимости. Часто разводы являются не спонтанным, а обдуманым решением пары супругов, но, как правило, супруги предпочитают не обращаться за помощью к специалистам (психологам, медиаторам и др.). Влияние развода на социальное самочувствие детей недооценивается. Рекомендации: развивать коммуникацию, искать помощь специалистов, готовиться к браку заранее, поскольку данные косвенным образом указывают на то, что половина браков могла бы быть сохранена при повышении социальной ответственности и грамотности супругов.

Второе исследование выявило доминирующие ценности в браке, которыми были указаны: любовь и верность (26 %), поддержка и дружба (21,5 %), взаимные интересы (16,4 %). Результаты свидетельствуют о том, что финансовое благополучие и дети в браке важны,

но не первичны. Качественный анализ выявил актуализированные ценностные тенденции: доверие и уважение супругов по отношению друг к другу. Современная семья строится на эмоциональном партнерстве, и имеет тренд смещения или перехода от традиционных ролей к «чистым, правдивым и искренним отношениям».

Общие выводы: Исследования иллюстрируют переход от материально-центрированной модели к эмоционально-центрированным семьям, где любовь и коммуникация – ключевые желательные качества и чувства. Риски разводов находятся в плоскости социальных, коммуникационных, бытовых и финансовых проблем.

Рекомендации:

– исследование вопросов возможности влияния на формирование брачно-семейных установок молодежи в социально-педагогическом пространстве;

– предметные исследования ценностных предпочтений молодежи различных социальных групп относительно брака и семьи, детности;

– проведение мониторинговых исследований мотивации в отношении брачной и семейной стратегии молодежи в регионах РФ с низкими демографическими показателями;

Исследование репродуктивных установок молодых людей в контексте актуальных для российского государства инициатив: «Не раз говорил: семья, где растут трое и больше детей, должна стать нормой, естественным образом жизни в нашей стране. И здесь огромное, порой решающее значение имеют внутренние ориентиры, убеждения людей, то, как они сами расставляют свои приоритеты», – отметил В. Путин (23 октября 2025 г.) [3].

Литература

1. Белозерова К.С. Образ семьи в представлении молодежи города Ставрополя // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 22–24.
2. Давыдова Е.В., Бухарова Е.Н. К вопросу о формировании семейных ценностей у студентов гуманитарного вуза (опыт взаимодействия органов ЗАГС Ставропольского края и Пятигорского государственного университета) / Университетские чтения – 2023: материалы региональной межвузовской научно-практической конференции (Пятигорск, 12–13 января 2023 года). – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. – С. 85–91.
3. Владимир Путин: семья с тремя и более детьми должна стать нормой в России. Новости. Первый канал. – URL: https://www.1tv.ru/news/2025-10-23/524095-vladimir_putin_semya_s_tremya_i_bolee_detmi_dolzhna_stat_normoy_v_rossii?ysclid=mkl6g44tt4341509209 (дата обращения: 10.10.2025).
4. Вялых Н.А. Социология семьи в России: методологические проекции и современные научно-исследовательские практики // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3 (38). – С. 52–61.
5. Волченкова Е.В., Воронина О.А. К вопросу о сущности семейно-брачных установок молодежи // Наука и образование сегодня. – 2016. – № 8. – С. 47–48.
6. Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н., Ершова Ю.Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 5–16.
7. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 5–16.

ШКОЛЬНЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯХ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ПРАЗДНОВАНИЮ ДНЯ ПОБЕДЫ)

Ишмухаметов Ильгам Шакирзянович

Гимназия-интернат № 13, Нижнекамск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль школьного пространства как ключевого института формирования социальной памяти через коммеморативные практики. На примере празднования Дня Победы анализируется, как школа транслирует коллективные представления о прошлом, способствуя формированию гражданской идентичности старшеклассников. Автор выявляет механизмы интеграции исторического нарратива в индивидуальное сознание, а также обсуждает противоречия и вызовы, связанные с персонализацией памяти и влиянием цифровой среды на восприятие коммеморативных событий.

Ключевые слова: социальная память, коммеморативные практики, школьное пространство, старшеклассники, День Победы, гражданская идентичность, коллективная память, историческое образование.

Социальная память, понимаемая как система накопления, хранения, воспроизведения и передачи коллективного опыта, является фундаментальным элементом общественного сознания и идентичности [1]. Её формирование происходит под влиянием различных социальных институтов, среди которых школа занимает одно из центральных мест. Школьное пространство не только предоставляет знания, но и активно вовлекает учащихся в практики коммеморации – систему обрядов, традиций и символов, направленных на почитание и воспоминание о значимых событиях прошлого [2; 3]. Эти практики становятся «невидимым мостом» между прошлым и настоящим, поддерживая связь с историческим наследием и формируя общие ценностные ориентиры.

Особый интерес в этом контексте представляет изучение отношения старшеклассников к ключевым коммеморативным событиям, таким как празднование Дня Победы. Старший школьный возраст – это период активного становления гражданской идентичности, когда молодые люди находятся на пороге взрослой жизни и особенно восприимчивы к смыслам и ценностям, транслируемым обществом. День Победы в Великой Отечественной войне в современной России выступает не просто как памятная дата, но и как мощный консолидирующий символ, «способствующий объединению и примирению в разделенной политическими противоречиями современной России» [4]. Школа, как агент социализации, играет решающую роль в том, как этот символ усваивается и интерпретируется молодым поколением.

Целью нашей статьи является проанализировать школьные коммеморативные практики, связанные с Днем Победы, как пространство создания и трансляции социальной памяти, и определить их влияние на формирование отношения к этому событию у старшеклассников.

Социальная память обладает тремя ключевыми характеристиками: коллективный характер, субъективность и динамичность [5]. Она формируется группой и аккумулирует знания и ценности, влияющие на оценку прошлого. При этом каждый индивид обладает собственной интерпретацией, обусловленной социальной ролью и личным опытом. Динамичность памяти проявляется в её постоянном изменении и переосмыслении в свете новых общественных вызовов.

Школа является одним из важнейших институтов, опосредующих этот процесс. Через учебные программы, внеклассную деятельность и школьную культуру она структурирует коллективную память, передавая её от поколения к поколению [2]. Учебные предметы, такие как история и обществознание, предоставляют фактологическую основу и исторические нарративы. Однако не менее важную роль играют *коммеморативные практики*, которые

Павлова Ю.В. определяет их как «процессы воссоздания взаимодействия между прошлым и настоящим», основной целью которых является сохранение коллективной памяти, включающей символы, традиции и исторические нарративы [2, 11, 12].

В школьной среде эти практики принимают различные формы:

- уроки памяти,
- тематические классные часы,
- участие в церемониях возложения цветов к памятникам,
- встречи с ветеранами (где это еще возможно) и их родственниками,
- творческие проекты: конкурсы сочинений, рисунков, инсценировок.
- участие в массовых акциях, таких как «Бессмертный полк» и «Георгиевская ленточка».

Через эти практики школа не просто информирует о событии, но и создает эмоционально насыщенное пространство сопричастности, «формируя не только знания, но и общественные ценности» [6].

Великая Отечественная война в национальной памяти России занимает место центрального события, «символа национального единства и героизма» [4]. Любые попытки поставить под сомнение этот символ воспринимаются как угроза общенациональным ценностям. Поэтому формирование «правильного» отношения к Дню Победы становится для школы одной из приоритетных воспитательных задач.

Школьные коммеморативные практики, посвященные Дню Победы, выполняют несколько функций:

1. *Интегрирующая функция.* Совместное участие в акциях, подготовка общешкольных мероприятий (конcertов, стенгазет) создает чувство общности, принадлежности к большому коллективу, разделяющему единые ценности. Это способствует «укреплению общества через общие исторические и культурные ценности» [6].

2. *Воспитательно-патриотическая функция.* Практики направлены на воспитание чувства патриотизма, гордости за страну и благодарности к предкам. Линейки, уроки мужества, вахты памяти призваны сформировать у старшеклассников модель героического поведения и гражданской ответственности.

3. *Эмоционально-идентификационная функция.* Акция «Бессмертный полк» является ярким примером персонализации памяти. Участвуя в ней с портретами своих предков-фронтовиков, старшеклассник соединяет общегосударственный нарратив с семейной историей. Как отмечают исследователи, это ведёт к «индивидуализации памяти о павших и переносу коммеморации из общегосударственного контекста в семейный» [4]. С одной стороны, это усиливает личную вовлеченность, с другой – ставит вопрос о балансе между индивидуальной и коллективной памятью.

Говоря об отношении современных старшеклассников к празднованию Дня Победы, оно не является однородным и формируется под влиянием комплекса факторов, где школа является лишь одним из многих социальных институтов.

Имеются *позитивные аспекты и эффективные механизмы*, связанные с использованием коммеморативных практик:

– *личная сопричастность:* практики, связывающие историю страны с семейной историей (как «Бессмертный полк»), оказывают наиболее сильное воздействие. Они трансформируют абстрактное «прошлое» в лично значимое воспоминание.

– *интерактивность и творчество:* участие в проектах, исследованиях по изучению истории своей семьи или школы в годы войны, создание видеороликов или виртуальных музеев позволяет старшеклассникам быть не пассивными зрителями, а активными создателями социальной памяти. Это соответствует их потребности в самореализации и критическом осмыслении [7].

– *авторитет учителя:* личность педагога, его искренняя вовлеченность и ценности оказывают сильное влияние на учеников. «Поведение учителя, его ценности и отношение к учёбе оказывают сильное влияние на формирование социальной памяти учеников» [8].

Проблемы и риски, связанные с использованием коммеморативных практик:

– *ритуализация и формализм*: зачастую проведение мероприятий может превращаться в формальную обязанность, лишённую для старшеклассников глубокого смысла. Это приводит к протестным настроениям или равнодушию, когда праздник воспринимается как «день отдыха», а не день памяти [9].

– *влияние цифровой среды*: современные старшеклассники – поколение, сформированное в эпоху интернета. Социальные сети и медиа предоставляют альтернативные, а зачастую и противоречащие школьному, точки зрения на историю. «Информация, которая публикуется в Интернете, зачастую бывает искажённой или неполной, что может привести к искажению истории и восприятия прошлого» [10]. Школьный нарратив может вступать в конфликт с информацией, найденной в сети, что требует от учителя развития у учащихся критического мышления.

– *дефицит педагогических ресурсов*: «Ограниченность педагогических и воспитательных ресурсов», загруженность учителей, нехватка часов на гуманитарные дисциплины мешают выстраиванию глубокой и системной работы по формированию социальной памяти [6].

– *конфликт интерпретаций*: коммеморативные практики, как отмечается в тексте, могут выполнять и деструктивную функцию, «освещая исключительно определённые аспекты истории, игнорируя другие» [6]. Старшеклассники, обладая более развитым критическим мышлением, чем младшие школьники, могут задавать неудобные вопросы о «белых пятнах» войны, на которые учитель или школьная программа не всегда могут дать удовлетворительный ответ.

Школьные коммеморативные практики, связанные с Днём Победы, представляют собой сложноорганизованное пространство создания социальной памяти. Они являются мощным инструментом формирования гражданской идентичности старшеклассников, сплачивая их вокруг общего символа героизма и жертвенности. Через интеграцию в учебный процесс, внеклассную деятельность и эмоционально насыщенные акции школа транслирует ключевые ценности и исторический нарратив, обеспечивая связь между поколениями.

Однако эффективность этого инструмента не абсолютна. Она сталкивается с вызовами цифровизации, риском формализации, а также с растущей потребностью старшеклассников в персонализации и критическом осмыслении прошлого. Успех формирования социальной памяти в современной школе зависит от способности педагогического сообщества преодолеть эти вызовы: уйти от формализма, интегрировать новые медиа технологии в образовательный процесс, развивать критическое мышление учащихся и создавать условия для диалога между официальной историей и семейной памятью.

Анализ теоретико-методологических аспектов исследования социальной памяти позволил выявить роль школы в формировании социальной памяти учащихся – как школьная среда оказывает влияние на процессы формирования социальной памяти, способствуя развитию гражданской идентичности. Показано, что современная школа играет ключевую роль в формировании коммеморативных представлений у молодого поколения.

Анализ школьных коммеморативных практик как пространства создания социальной памяти (на примере отношений старших школьников к празднованию Дня Победы), позволили сделать вывод, что празднование Дня Победы в исполнении школьников становится обезличенной обезличенной официальной коммеморативной практикой. Оно представляет собой комбинацию официальных плакатов с государственными и военными символами и современных военных фильмов и видеоигр, созданных для максимальной прибыльности.

Результаты исследования показали, что социальная память старшеклассников, формируемая разными историческими источниками и коммеморативными практиками, не обладает достаточным единством и согласованностью. Школьная история, сфокусированная на событиях государственного масштаба, формирует социальную память, на основе которой может строиться только гражданская идентичность.

Таким образом, школа, оставаясь ключевым институтом коммеморации, должна гибко адаптировать свои практики к изменяющимся условиям, чтобы День Победы и память о войне

оставались для старшеклассников не просто ритуалом, а живой, лично значимой и объединяющей ценностью.

Литература

1. Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 99–106.
2. Павлова Ю.В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Russian journal of education and psychology. – 2015. – № 4. – С. 52–59.
3. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, Клеман К.М. – М: Логос, 2020. – 388 с.
4. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 3. – С. 97.
5. Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 99–106.
6. Храпов А.С. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства // Вестник Тверского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 69–74.
7. Лунин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 3–23.
8. Султанова Т.А. Нормативные детерминанты развития школы как инновационной образовательной системы // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018. – № 11. – С. 208–211.
9. Колесников А. Историческая политика в России: почему она разобщает, а не объединяет. – URL: <http://pmem.ru/index.php?id=5809&ysclid=mhwekmki87220382107> (дата обращения: 22.10.2023).
10. Колин К.К. Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ, 2020. – 270 с.
11. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Матвеева Е.А. Современные сценарии гендерных отношений молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 2 (49). – С. 9–12.
12. Гизатова Г.К. Саморефлексия как способ существования национальной культуры // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 3 (70). – С. 54–59.

УДК 32.019.51

НАРКОПОТРЕБЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Кадер Саркаут Шарееф Кадер

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ статистических данных и тенденции, характеризующие острую социальную проблему – наркопотребления молодежи в Иракском Курдистане. Установлено, что наркопотребление молодых людей подрывает стабильность семьи, важного социального института в обществе с сильными традиционными и патриархальными устоями. Такая форма девиантного поведения молодежи запускает деструктивные механизмы и разрушает личность, вовлекает в криминальную сферу. Проблема является вызовом для современного курдского общества: ослабевают социальная сплоченность и общинная идентичность, растет преступность, подрывается доверие к правоохранительным органам, оказывается дополнительное давление на нестабильную региональную экономику.

Ключевые слова: молодежь, наркопотребление, социализация, кризис, преступность.

Иракский Курдистан – это регион Ближнего Востока со сложной и нестабильной обстановкой. Курдское общество проживает череду вызовов и угроз, находится в системном кризисе. Последствия этого кризиса влияют на развитие экономики, политики, культуры и касаются жизни простых граждан. Однако, не смотря на тяжелую обстановку последних десятилетий, для Иракского Курдистана отличительна положительная тенденция – высокая рождаемость и прирост населения (темпы прироста населения в Курдистане составляют 2,48 %) [1]. В социально-демографическом профиле региона преобладают мужчины (50,24 %), количество женщин 3 170 162 человек, что составляет 49,7 % населения. Среди них, 31,9 % – дети и подростки до трудоспособного возраста (15 лет) и 63,7 % – в трудоспособном возрасте [2]. Иракский Курдистан является регионом молодежи. Молодежь – это социальная группа, которая стоит на перекрестке выбора стратегии своего выживания, самоопределения. Молодежь – это основа настоящего и будущего любого общества. В этой связи актуальность приобретает изучение социальных проблем молодежи. В Иракском Курдистане молодежь – одна из самых уязвимых социальных групп, для которой особо острой стала проблема наркопотребления и наркомании в последние годы.

На республиканском уровне за первые семь месяцев 2024 г. в Ираке было изъято более двух тонн наркотиков, о чем свидетельствуют данные статистики Министерства внутренних дел Ирака. За первые шесть месяцев 2024 г. в Ираке было арестовано 10 783 человека по обвинению в употреблении и торговле наркотиками, из которых 5 500 были приговорены к тюремному заключению [3].

Рассмотрим современное состояние проблемы на региональном уровне. Динамика наркопотребления в Иракском Курдистане с 2019 по 2022 годы выглядит следующим образом: количество арестованных за наркотики и возбужденных уголовных дел составило 5 419 человек. Наркопотребление гашиша с 2019 года увеличилось в 3 раза по состоянию на конец 2021 года. В 2,3 раза увеличилось потребление марихуаны и в 8,5 раз опиума за три года, начиная с 2019 [4].

Около 90 % потребителей наркотиков в Курдистане – мужчины, в том числе 80 % в возрасте 18–35 лет, 6 % старше 35 лет, 4 % моложе 18 лет и 10 % женщин в 2024 г [5]. Статистика свидетельствует о том, что наркопотребление становится эпидемией среди молодежи. В 2024 году в связи с незаконным оборотом наркотиков было арестовано 2200 подозреваемых. За тот же период было изъято более 444 килограммов наркотиков и около 75 килограммов таблеток. По словам представителя Главного управления по борьбе с наркотиками Иракского Курдистана, чаще всего изымались кристаллы, гашиш, опий, марихуана и героин, а каптагон, лексус и трамадол – таблетки [6].

Рассмотрим основные тенденции. Губительные последствия наркопотребления разрушают как личность, так и общество в целом. В случае с Иракским Курдистаном – это угроза стабильности и потеря социального единства. Наркомания разрушает семьи, сообщества, вовлекает их в разногласия. Для Курдистана характерны прочные социальные связи, а такая раздробленность приводит к нестабильности. Эта широко распространённая тенденция среди молодёжи и женщин, которые должны стать опорой будущего общества, подрывает социальную сплочённость и ослабляет коллективную идентичность. Когда люди попадают в ловушку наркозависимости, страдают их отношения, что неизбежно приводит к дальнейшему ухудшению семейной жизни и общества.

Отчаяние толкает наркоманов на преступления, поскольку наркоторговцы эксплуатируют население и уязвимые слои общества. Рост преступности, связанной с наркотиками, не только ставит под угрозу жизни, но и подрывает «общественное доверие» к правоохранительным органам и способствует созданию атмосферы страха и нестабильности.

В экономическом плане последствия наркомании катастрофичны. Ресурсы, расходуемые на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, лечение наркозависимых и ликвидацию последствий наркопреступности требуют значительных финансовых вложений. В регионе Иракский Курдистан, где экономические проблемы значительны, это дополнительное давление может иметь долгосрочные последствия. Потеря человеческого капитала в сочетании с ростом

числа молодых людей, ставших жертвами наркозависимости, представляет собой значительный экономический ущерб, ещё больше ухудшающий перспективы социально-экономического развития. Изъятие 9,9 млн таблеток каптагона в период с августа 2022 года по август 2023 года наглядно демонстрирует масштаб проблемы и масштабы социально-экономической катастрофы, которую она может вызвать [7].

Согласно результатам исследования эпидемиологического профиля наркомании в Ираке, после пандемии число злоупотреблений психоактивными веществами только растёт. Причиной этого, является отсутствие контроля над ситуацией, связанной с торговлей наркотиками и их употреблением, высокий уровень преступности и большое количество людей, пропагандирующих наркотики среди молодёжи и подростков. Есть и другие причины, в том числе слабость географических границ между Ираком и соседними странами, что подталкивает преступные группировки к торговле наркотическими веществами. В первую очередь наркотики употребляют молодые люди и подростки, многие из них прибегают к преступным методам и воровству, чтобы заработать деньги и потратить их на наркотики [8, с. 3].

В настоящий момент перед региональным правительством Курдистана стоит важная задача борьбы с наркопреступностью. Для этого объединяются усилия с соседними странами и с правительством Ирака. Разработана специальная программа, повышающая осведомлённость молодёжи о вреде наркопотребления. Установлено, что рост числа наркозависимых имеет тенденцию увеличения. Поэтому очень важно заниматься профилактикой и реализацией антинаркотической политики. Социология вносит свой вклад в эту практику [9–13]. Анализ деструктивных факторов и дисфункций социальных институтов позволит внести корректирующие меры, устранить негативное влияние средств массовой информации, изменить воспитательную работу в образовательных учреждениях, выработать меры, направленные на снижение влияния криминальной субкультуры в обществе, раннее выявление наркопотребления среди подростков и молодёжи.

Литература

1. Информационное агентство Rudaw. – URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/251120242> (дата обращения 10.11.2025).
2. Информационное агентство Rudaw. – URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/251120242> (дата обращения 10.11.2025).
3. Информационное агентство AvaNews. – URL: <https://www.ava.news/news/12180> (дата обращения 10.11.2025).
4. Управление средств массовой информации Курдского регионального правительства. – URL: <https://gov.krd/dmi/activities/news-and-press-releases/2022/july/> - له-3-سال-دهست-بەسەر- /کیلو-ماددە-ی-هۆشبەر-گیراوه ۱۲۰۰/ (дата обращения 10.11.2025).
5. Информационное агентство ZedPress. – URL: <https://zedpress.krd/news/13705/> (дата обращения 10.11.2025).
6. Информационное агентство Rudaw. – URL: <https://www.rudaw.net/sorani/kurdistan/1311202421> (дата обращения 10.11.2025).
7. Белый террор. Наркотики в Курдистане. – URL: <https://zedpress.krd/economic/12754/> (дата обращения 10.11.2025).
8. *Nasir M.Y., Mahmoud M.A., Haider M.M.* Epidemiological profile of substance abuse in Iraq: Retrospective study // *Journal of education and health promotion*. – 2025. – Volume 14. – P. 1–4.
9. *Аль-Халеди Мухьялдин М.А.* Отношение населения Йемена к наркотикам и наркопотреблению (на материалах эмпирического исследования) // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2025. – № 1(68). – С. 4–10.
10. *Ефлова М.Ю.* Социальное исключение наркопотребителей: социологический анализ // *Власть*. – 2015. – № 3. – С. 112–116.
11. *Ефлова М.Ю.* Опыт русской православной церкви по социальной инклюзии наркозависимых // *Власть*. – 2015. – № 6. – С. 103–106.

12. Степанова Е.А., Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2012. – № 1. – С. 124–131.
13. Ефлова М.Ю. Социальная реабилитация наркозависимых // Власть. – 2010. – № 11. – С. 102–104.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Коваль Анна Андреевна

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и значение социальной активности студенческой молодёжи в современном обществе. Подчеркивается, что студенчество является важным ресурсом общественного прогресса, обладая высоким образовательным и инновационным потенциалом, стремлением к самореализации и участию в социально значимых процессах. Отмечается значимость междисциплинарного подхода, объединяющего социологические, педагогические и психологические аспекты, что позволяет выявить механизмы формирования социальной активности, гражданской идентичности и лидерских качеств студентов. Особое внимание уделяется роли образовательных учреждений в создании условий для развития инициативы и ответственности молодёжи, а также влиянию государственной поддержки и федеральных проектов на стимулирование волонтерской и общественной деятельности. Делается вывод о том, что развитие социальной активности студенческой молодёжи является важнейшим условием устойчивого развития общества и укрепления духовно-нравственного потенциала страны.

Ключевые слова: социальная активность, студенческая молодёжь, междисциплинарный подход, волонтерство, молодёжная политика.

Большое внимание в современной России уделяется воспитанию нового поколения, которое станет основой социального потенциала страны. Президент Российской Федерации подчеркнул в 2024 году, обращаясь к участникам II Международного форума министров образования «Формируя будущее», что ключевыми задачами системы образования являются развитие духовно-нравственных основ и воспитание личности, способной нести ответственность за свои поступки и за будущее страны [1]. Именно в студенческие годы молодёжь, находясь на этапе профессионального и личностного становления, представляет собой важный ресурс социального развития и модернизации общественных институтов. Социальная активность студентов проявляется в разнообразных формах — от участия в волонтерских и благотворительных проектах до вовлечённости в научно-исследовательскую, культурную и гражданскую деятельность.

Исследование феномена социальной активности студенческой молодёжи требует междисциплинарного подхода. Он позволяет не только выявить факторы, стимулирующие или ограничивающие активность молодых людей, но и определить механизмы формирования гражданской идентичности, социальной ответственности и лидерского потенциала в образовательной среде.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления роли студенчества в процессах социального развития, формирования ценностных ориентиров нового поколения и разработки эффективных стратегий поддержки молодежных инициатив. Междисциплинарное изучение социальной активности студенческой молодёжи способствует выработке целостного представления о её сущности, структурных компонентах и социально-практических

проявлениях, что делает данное направление особенно значимым в контексте современной гуманитарной науки.

В Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» прописано, что молодёжь – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Но мы будем рассматривать более узкую группу – студенческую молодёжь, под неё попадают социально-демографическая группа лиц в возрасте от 16 до 24 лет, которые получают среднее специальное или высшее образование [2].

Власенко А.С. отмечает, что студенческая молодёжь представляет собой особую социальную группу, формирующуюся из разных слоёв общества и отличающуюся специфическими условиями жизни, труда, быта, а также характерным образом мышления и поведения. Основным видом деятельности студентов выступает получение образования и профессиональная подготовка в научной и культурной сферах. Однако современная практика свидетельствует о том, что многие студенты стремятся сочетать учебно-познавательную деятельность с практической реализацией своих знаний и навыков [3].

Кон И.С. определял молодёжь как особую социально-демографическую категорию, которая отличается совокупностью возрастных признаков, специфическим социальным статусом и характерными социально-психологическими особенностями [4].

Исследователи Власюк И.В., Савченко И.А. утверждают, что студенчество является одним из значимых ресурсов модернизации российского государства, потенциал и возможности которого в настоящее время используются не в полной мере [5].

Как отмечает А. Корня, современное студенчество представляет собой ведущую социальную силу общества, выступая интеллектуальной и духовной элитой государства. Именно от активности, мировоззренческих установок и гражданской позиции студентов во многом зависит устойчивое развитие общества и поступательное движение страны по пути социального, экономического и культурного прогресса. Приобретение молодёжью опыта практической реализации своей социальной активности становится важнейшей основой формирования гражданской зрелости, ответственности за судьбу Родины и готовности к участию в её преобразовании [6].

Рассмотрев понятие «студенческая молодёжь» и выделив его основные характеристики, перейдём к анализу термина «социальная активность», уточним его содержание и особенности проявления в современном обществе.

Мухина Т.К. в своей работе рассматривает социальную активность личности как целенаправленную, осознанную деятельность индивида, а также как качественную характеристику личности, отражающую степень её воздействия на объекты, процессы или состояния окружающей среды [7].

Советский и российский ученый в области педагогики А.В. Мудрик, подчёркивают особую значимость внешних условий в процессе формирования социальной активности личности. Исследователи отмечают, что активность студента развивается в контексте взаимодействия с социальной средой, где происходит постепенное усвоение норм, ценностей и моделей поведения, признанных обществом. Вхождение молодого человека в систему социальных отношений способствует развитию его субъектной позиции, формированию ответственного отношения к социуму и готовности к самостоятельной социальной деятельности [8].

С точки зрения психологии, В.А. Петровский рассматривает активность как фундаментальное свойство личности, выражающее её способность самостоятельно инициировать, направлять и преобразовывать собственную деятельность. Учёный подчёркивает, что активность представляет собой совокупность внутренних, обусловленных самим индивидом механизмов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и изменение деятельности человека. В этом контексте активность понимается не просто как реакция на внешние воздействия, а как внутренний источник самодвижения и саморазвития личности, определяющий её взаимодействие с окружающим миром [9].

В философско-педагогической литературе понятие «социальная активность» было введено в научный оборот А. Дистервегом, который рассматривал его в социально-культурном и психологическом контексте. По его мнению, социальная активность отражает высокий уровень субъектности личности, её осознанное включение в систему общественных отношений, участие в социально значимой деятельности, а также убежденность в её необходимости и целесообразности [10]. В дальнейшем философы, в частности И.Т. Фролов, связывали данный феномен с превращением личностного интереса в побудительный мотив действия, с целенаправленным преобразованием действительности и активной позицией субъекта в этом процессе [11].

В рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Социальная активность», утверждённый приказом Федерального агентства по делам молодёжи от 15 апреля 2019 года № 118. Основная цель данного проекта заключается в развитии добровольчества (волонтерства), а также раскрытии талантов и способностей детей и молодёжи, в том числе студентов, посредством поддержки общественных инициатив и социально значимых проектов [12].

На законодательном уровне волонтерская деятельность регулируется Федеральным законом «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерство)». Согласно данному закону, волонтером может стать любой гражданин РФ. Несовершеннолетние добровольцы должны иметь согласие родителей, а дети младше 14 лет могут участвовать в волонтерской деятельности только в сопровождении своих законных представителей [13].

Результаты мониторинга ВЦИОМ (июль 2025 г.) подтверждают, что волонтерство и формы гражданской взаимопомощи становятся одним из ключевых направлений социальной активности молодёжи, включая студенческую [14]. Исследование показывает рост вовлечённости россиян в добровольческую деятельность – с 27 % до 36 % за два года, при этом молодёжь в возрасте 18–24 лет демонстрирует наибольшую активность: половина уже имеет волонтерский опыт, а три четверти готовы продолжать или начать участие в будущем (рис. 1).

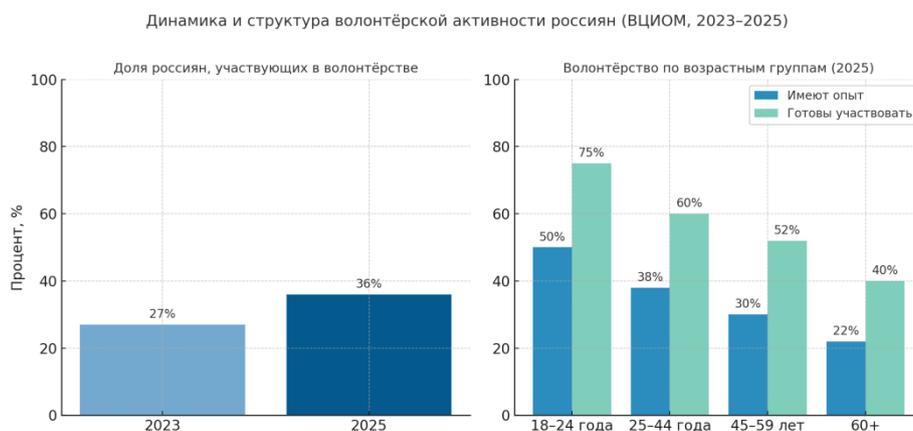

Рис. 1. Динамика и структура волонтерской активности россиян

В совокупности эти результаты подтверждают, что студенческая молодёжь выступает не только объектом воспитательного воздействия, но и активным субъектом общественного развития, способным самостоятельно инициировать социально значимые действия и формировать новые формы гражданского участия. Системное изучение волонтерства в студенческой среде позволяет выявить тенденции формирования социальной ответственности, ценностных ориентаций и новых моделей взаимодействия между личностью и обществом.

В контексте современных социально-политических преобразований в России особое значение приобретает развитие институтов, направленных на поддержку и стимулирование социальной активности молодёжи. Одним из таких институтов является Российское движение

детей и молодёжи, деятельность которого регулируется Федеральным законом «О российском движении детей и молодёжи» [15].

Таким образом, социальная активность студенческой молодёжи выступает важнейшим фактором устойчивого развития современного общества и государства. Именно в период обучения в вузах и колледжах формируются ценностные ориентиры, гражданская позиция, ответственность за происходящее в стране и готовность к участию в общественно значимых процессах. Студенты, обладая высоким образовательным потенциалом, выступают носителями инновационного мышления, социальной инициативы и стремления к созиданию.

Междисциплинарный подход к изучению феномена социальной активности позволяет глубже понять её природу, структуру и механизмы формирования, а также выработать эффективные инструменты поддержки и развития молодежных инициатив. Важно, чтобы образовательные учреждения не только обеспечивали профессиональную подготовку, но и создавали условия для самореализации студентов в общественной, культурной, волонтерской и научной сферах.

Поддержка государства, реализуемая посредством национальных и федеральных проектов, способствует укреплению гражданской идентичности молодёжи, формированию у неё лидерских качеств и активной жизненной позиции. В совокупности это обеспечивает развитие социального потенциала страны, где студенчество становится движущей силой прогресса, модернизации и духовно-нравственного возрождения России.

Литература

1. Путин заявил, что Россия уделяет внимание духовно-нравственному воспитанию молодёжи / ТАСС. 2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21057991> (дата обращения: 09.10.2025).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2025 № 258-ФЗ). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 05.10.2025).
3. *Власенко А.С.* Общественно-политическая активность советского студенчества: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1972. – 24 с.
4. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1987. – 366 с.
5. *Власюк И.В., Савченко И.А.* Молодёжь и студенчество в современном обществе: общие черты и специфические характеристики // Педагогические исследования. – 2021. – № 2. – С. 1–13.
6. *Корня А.Г.* Развитие концептуальных подходов к пониманию феномена социальной активности студенческой молодёжи в российской педагогике и психологии XX века / Актуальные проблемы педагогики и психологии образования: сб. науч. тр. – Курск: Курский государственный университет, 2024. – С. 187–198.
7. *Мухина Т.К.* Сущность социальной активности личности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 1 (127). – С. 1–4.
8. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.В. Мудрик. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2013. – 240 с.
9. *Петровский В.А.* Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2020. – № 2 (102). – С. 20–31.
10. *Дистервег Ф.А.В.* Избранные педагогические сочинения / пер. с нем.; под ред. А.И. Пискунова. – М.: Педагогика, 1956. – 432 с.
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 720 с.
12. Приказ Федерального агентства по делам молодёжи от 15 апреля 2019 г. № 118 «Об утверждении методики расчёта показателей федерального проекта “Социальная активность” национального проекта “Образование”» / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2025).

13. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (в ред. от 28.12.2024 № 554-ФЗ). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 07.10.2025).
14. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Волонтерство в России: мониторинг. Аналитический обзор. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 10.10.2025).
15. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 316.42

К ВОПРОСУ О КЛУБАХ СЕМЕЙНОГО ПОСЕЩЕНИЯ

Лёзина Людмила Евгеньевна

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются пути для решения задач семейной и молодёжной политики через создание и закрепления в более раннем возрасте навыка успешных взаимодействий в формате клубов семейного посещения. Предполагается, что эти встречи будут иметь бюджетную форму занятий и проводиться на постоянной основе.

Ключевые слова: молодёжная политика, семейная политика, организованный досуг, семейный клуб, взаимодействие.

Анализ работы детских и молодёжных пространств – дополнительного образования и сферы досуга города Казани – выявляет определённый разрыв между более ранним опытом ребёнка в рамках семейного воспитания и более поздней востребованностью социализации и самоактуализации в клубных пространствах молодёжной политики. Цель данной статьи – поиск возможных решений для повышения интереса молодёжи к деятельности муниципальных молодёжных клубов.

Специфика молодёжной политики – аудитория с 14 лет. Здесь необходимо напомнить, что самая младшая часть возрастной категории молодёжной политики по сути своей ещё принадлежит детскому возрасту: «ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)» [1]. Традиционно этот возраст мы обозначаем как подростковый и юношеский.

Согласно «Стандарту учреждений молодёжной политики», среди основных потребностей возраста 14–18 лет указываются:

- «возможность попасть на интересные и значимые мероприятия»;
- «содержательный досуг»;
- «поиск друзей и возможность стать частью сообщества»;
- «возможность проявить себя и почувствовать себя успешным»;
- «самореализация» [2, с. 52].

Мы намеренно изменили цитируемый порядок потребностей, усматривая здесь определённую логику в динамике предложенных возможностей – от пассивного присутствия на интересном мероприятии – и до потребности самореализации в пространстве молодёжного клуба, в формате молодёжных проектов.

Проблема видится в том, что недостаточная наполняемость молодёжных учреждений связана с недостаточностью навыков социальных взаимодействий подростков в пространстве таких учреждений, с недостаточной готовностью к работе с той «Базой возможностей» [2, С. 57], которая предоставляется нашей молодёжи на бюджетной основе.

Границы этой проблемы особо очерчиваются в связи с известным фактом, что и в дошкольный период, и в период начальной школы дети с энтузиазмом посещают различные

кружки, секции и объединения. Именно там, как показывают исследования, более 50 % детей «приобретают важные для жизни знания, умения, практические навыки, которым не учат в школе» [3, с. 31]. Но ближе к переходному возрасту интерес подростков к организованному досугу падает.

Для решения данной проблемы целесообразным было бы внедрение в практику молодёжно-подростковых учреждений такую промежуточную форму, как *клуб семейного посещения*. Мы предполагаем, что это должно быть совместное посещение занятий родителем и ребёнком школьного возраста 7–13 лет, на постоянной основе и бесплатно. Согласно «Стандарту учреждений молодёжной политики», среди целей деятельности указаны «Создание условий для самореализации молодёжи и реализации молодёжных инициатив», а также «Создание условий для регулярной продуктивной занятости и досуга» [2, с. 49]. В контексте данной проблемы, ключевыми факторами здесь выступают *реализация* и *регулярность*.

Совместная деятельность позволит родителю транслировать навыки продлённого публичного общения в понятной для ребёнка ситуации. Ребенок, в свою очередь, получает возможность осваивать новые ситуации, выстраивать вместе с родителем новое для себя общение. Это, в свою очередь, развивает навыки семейных интеракций в публичном пространстве, укрепляет семейные ценности. Актуальность этого направления, согласно социологическим исследованиям Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, соответствует интересам современной семьи: респонденты-родители указывали, «в качестве востребованных», в целом, «обучение техникам психологической разгрузки себя и своих детей» [4, с. 144].

В содержательной части таких занятий мы предполагаем *творческие мастерские* любых доступных направлений, своеобразные *лаборатории* широкого профиля. Именно широкий профиль позволил бы детям максимально приобщиться к различным видам деятельности, чтобы и осознать свои интересы, и протестировать свои возможности.

На территории Российской Федерации точно встречаются такие семейные клубы, с посещением на бюджетной основе. Но они, в основном, встречаются на уровне дошкольного образования. Часть из них носит целевой характер, такие как семейный клуб выходного дня «Логопедический час» в МБДОУ № 5 посёлка Северо-Енисейский [5] или семейный фольклорный клуб «Умырзая» в МБДОУ «Детском саду № 369» города Казани [6]. Часть – клубы, закладывающие навык социальной интеграции в процессе многопрофильных взаимодействий, как например «Клуб выходного дня» в МБДОУ «Детский сад № 144» города Магнитогорск [7]. Встречаются и семейные клубы, организованные взрослыми для самих себя – для общения семейных пар, например «Клуб замечательных людей» в Сызрани [8].

Но здесь мы говорим о детском возрасте начальной школы и чуть старше. В условиях распространяющейся телефонной зависимости клубы семейного посещения видятся весьма актуальными. В частности, для детей 7–13 лет это дало бы устойчивый навык продуктивной деятельности в учреждениях молодёжной политики – с наступления 14 лет – с ожидаемым развитым опытом конструктивных взаимодействий, и уже в подростково-молодёжной среде. Кроме того, этот опыт мог бы способствовать смягчённому, более комфортному преодолению кризиса подросткового возраста.

Существенной чертой семейного клуба должно быть условие свободного посещения. С одной стороны, мы не вправе требовать от взрослых участников клуба – у родителей – обязательного посещения всех занятий. Всё-таки это – не работа, а досуг. С другой стороны, частичное отсутствие уменьшит нагрузки на присутствующих, что позволит соблюдать нормы СанПиНа по количеству присутствующих на занятии.

В целом, такие семейные клубы в форме творческих занятий не противоречат «Стандарту учреждений молодёжной политики» – там среди прочих типов аудиторий указывается также и «широкий формат любого возраста» [2, С. 55].

Относительные подходы к решению этой проблемы наблюдаются и в других социальных институтах:

- библиотеки семейного чтения с мероприятиями для всей семьи;

- парки с семейными программами;
- музеи с семейными занятиями.

Но все они проводятся либо нерегулярно, либо на платной основе.

Пожалуй, ближе всего к формату клуба семейного посещения находится проект «Вместе», который уже несколько лет осуществляет МБУ «Подросток» города Казани. Здесь необходимо отметить, что в данном учреждении дети до 13 лет включительно, как правило, имеют возможность регулярно заниматься в кружках и объединениях только на платной основе. Но на проект «Вместе» и дети, и подростки, и молодёжь приходят на бесплатные творческие мастер-классы с родителями или с друзьями. И опять же эти мероприятия, приуроченные к праздничным и значимым датам, не имеют постоянного (еженедельного) графика проведения.

Таким образом, мы обозначаем назревающую социальную потребность для семей со школьниками 7–13 лет: открыть в учреждениях молодёжной политики двери для организованных на постоянной основе семейных взаимодействий в формате семейного клуба. Сформированная привычка регулярно посещать клуб в дальнейшем сохранит подросткам этот ресурс в трудный период переходного возраста.

Кроме того, мы бы предложили произвести своеобразную «рокировку» в локализации учреждений дополнительного образования и досуга для детей до 13 лет включительно. Крупные хорошо отремонтированные Молодёжные центры, могли бы стать *в масштабах района* (большого микрорайона) знаковыми, стильными местами притяжения для молодёжи и подростков с 14 лет. В свою очередь, в небольших клубах *по месту жительства* целесообразно было бы выделить определённую часть бюджетного времени на совместные занятия родителя с детьми 7–13 лет. Это особенно важно для семей с маленькими детьми, у которых нет возможности возить детей школьного возраста на занятия в Центры внешкольной работы и Центры детского творчества. Эти Центры для детей школьного возраста, относящиеся к сфере дополнительного образования, предлагают бесплатные кружки, но до них надо ехать, а такие поездки всё-таки небезопасны. Поэтому в молодёжно-подростковые клубы по месту жительства было бы целесообразно ввести форму семейных клубов для посещения детьми 7–13 лет вместе с одним из родителей.

Литература

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/8ecbe3314ad9e500bfb90273b6c736f7e0e78429/ (дата обращения: 13.11.2025).
2. Стандарт учреждения молодёжной политики: методическое пособие для руководителей и учреждений в сфере молодёжной политики / М.С. Аверков, Н.В. Бажитов, Е.Е. Богомаз, Е.А. Вишневская и др.; Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь); под общей редакцией Н.В. Бажитова. – М.: Институт молодёжной политики – Институт молодёжи, 2022. – 168 с.
3. Давлетшина Л.А., Хураמיшина А.З. Деятельность детских общественных объединений в общеобразовательных организациях как направление реализации государственной молодёжной политики в Татарстане / Л.А. Давлетшина, А.З. Хураמיшина // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2022. – № 2. – С. 30–35.
4. Хайруллина Ю.Р., Хураמיшина А.З. Самочувствие детей в российских семьях (на материалах Республики Татарстан) // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2024. – № 26. – С. 139–146.
5. Семейный клуб выходного дня «Логопедический час» / МБДОУ № 5 гп Северо-Енисейский. – URL: <https://ds5-severoenisejskij-r04.gosweb.gosuslugi.ru/metodicheskaya-rabota-v-dou/semeynyu-klub-vyhodnogo/> (дата обращения: 13.11.2025).

6. *Шакирзянова Л.И.* Семейный клуб в ДОУ, как инновационная модель этнокультурного воспитания. текст: электронный / Энциклопедия социологии. – URL: <https://edu-time.ru/pub/145859?ysclid=mhy25nk47r980393522> (дата обращения: 13.11.2025).
7. *Бахмина М.И.* Семейный клуб выходного дня. текст: электронный / Образовательная социальная сеть nspotal. – URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/materialy-dlya-roditeley/2024/01/17/prezentatsiya-semeynyy-klub-vyhodnogo-dnya-v> (дата обращения: 13.11.2025).
8. *Суглоб Н.И.* Интересно всем в клубе замечательных людей. – URL: <https://www.syzran-small.ru/pages-4496?ysclid=mhy1avweic225898393> (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 316.42

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ломекин Дмитрий Олегович

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена определению патриотического сознания современной молодежи, а также проблем, касающихся его формирования. Рассмотрены понятие «патриотическое сознание», определению патриотизма в современном обществе, проблемы формирования патриотического сознания, а также предложены примерные варианты преодоления указанных проблем в молодежной среде.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, патриотическое воспитание молодежи, ценности, общество.

На социальном уровне патриотическое сознание предстает как многогранная совокупность разнообразных проявлений общественного сознания, включая политические, правовые, моральные, эстетические, религиозные и другие аспекты. Оно формирует комплекс идей, убеждений, обычаев, эмоций и расположений, присущих классам, нациям, социальным группам и отдельным личностям, которые стимулируют патриотическую активность, направленную на прогресс и защиту своей страны.

Патриотическое сознание, будучи частью политического сознания, представляет собой взаимосвязанное единство, отражающее политическую обстановку в стране, с одной стороны, и выражающее определенное отношение к ней со стороны граждан и общества – с другой. Оно отражает отношение людей к государственному порядку и другим элементам политической структуры [1, с. 34].

Патриотическое сознание во многом определяется патриотическим поведением, которое выступает в качестве морального компаса во взаимодействии человека с окружающим миром в рамках его патриотической активности. Оно регулирует нравственные аспекты этого взаимодействия, задавая нормы и принципы. Это сознание формирует основу для оценки поступков и принятия решений, направленных на благо страны [2, с. 177]. Осознание себя патриотом подразумевает понимание человеком важности своей страны и его стремление прилагать усилия для охраны ее национальных приоритетов. Отличительные особенности патриотического мировоззрения человека тесно связаны с самим определением "патриотизм". Изучение роли психологических аспектов и условий, влияющих на становление патриотизма, подводит к заключению, что патриотизм – это итог развития социального чувства и метод эмоционально-ценностного восприятия окружающего мира.

Патриотическое сознание проявляется в гармоничном сочетании духовного развития, чувства гражданской ответственности и активной социальной позиции индивида, который глубоко ощущает свою неразрывную связь со страной и стремится к максимальной

реализации своего потенциала, работая на ее благо. Основа патриотического мировоззрения тесно переплетается с эмоциональными переживаниями человека и формируется на базе устойчивых исторических представлений, моральных устоев и ценностей, принятых в российском обществе, по отношению к своей стране. Суть патриотического сознания наиболее ярко проявляется в переломные моменты истории и находит отражение в таких важных качествах личности, как чувство долга, достоинство, храбрость и героизм [3, с. 144].

Сущностная характеристика патриотического сознания личности зависит от определения понятия «патриотизм». Под «патриотизмом» понимается устойчивое качество человека, проявляющееся в любви к Родине, высоком патриотическом сознании, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины, патриотически направленной деятельности.

Российский патриотизм отличается следующими особенностями:

- ощущение собственного достоинства и самоуважения, не требующее подтверждения извне;
- для него характерны стойкость в жизни и храбрость, качества, поддерживающие силу духа в периоды испытаний для Родины;
- российского человека отличает глубокая любовь и сильная привязанность к родной земле и природе, что особенно остро ощущается теми, кто находится за пределами страны [4].

Формирование патриотического сознания у молодого поколения – задача многогранная и требующая времени. Поэтому, важность этого аспекта в образовательной деятельности среди молодежи должна быть признана и поддержана на уровне государства. Развитие патриотических чувств и активной гражданской позиции у молодого поколения подразумевает формирование четкого понимания своей роли в обществе. Молодежь – это залог процветания и стабильности страны, следовательно, работа с ними является приоритетным направлением развития [5, с. 85].

В современном обществе образ патриота становится размытым. Деидеологизация общественных отношений в связи с отсутствием общих нравственных ценностей, объединяющих различные социальные слои и социальные группы населения, вместо ожидаемых положительных процессов приводит к противоположному результату, к социальному нигилизму, а порою и к утрате у некоторых категорий граждан чувства государственного патриотизма или подмене его ложным пониманием.

В наши дни понятие патриотизма утратило четкие очертания. Отсутствие единой идеологии и общих моральных ориентиров, сплачивающих разные слои населения, вопреки ожиданиям, ведет не к прогрессу, а к социальному нигилизму. Это, в свою очередь, приводит к ослаблению чувства патриотизма у части граждан или к его искаженному восприятию. Современное общество сталкивается с проблемой размытости образа настоящего патриота. Утрата идеологической составляющей в социуме и дефицит общепринятых нравственных принципов, консолидирующих различные социальные группы, вместо позитивных изменений вызывают социальное безразличие и, в некоторых случаях, потерю патриотических чувств либо их замену на ложные представления.

В текущей ситуации, когда мир сталкивается с дефицитом четких идеологических ориентиров, Россия имеет возможность представить свою оригинальную концепцию, базирующуюся на общечеловеческих ценностях и любви к Родине. Данный подход способен стать своего рода ответом на процессы глобализации, несущие угрозу исчезновения культурных и идеологических особенностей. В условиях современных мировых проблем понятие патриотизма в России требует нового осмысления. Патриотизм может рассматриваться не только как способ отстаивания национальных интересов, но и как средство приспособления к переменам, происходящим в мире. Он становится важным элементом сохранения идентичности в эпоху глобальных перемен [6, с. 15–16].

Значимое место в процессе становления патриотического сознания молодежи занимает содержание образования. В частности, изучение отечественной истории знакомит с богатыми патриотическими и интернациональными традициями народов России, а также раскрывает

цели реформ политической системы, создавая условия для развития гражданской инициативы [7, с. 65].

Таким образом, для сохранения и формирования патриотического сознания, в условиях стремительно изменяющегося современного общества, необходимо предпринять следующие шаги:

- развитие и реализация учебных курсов, акцентирующих внимание на истории, культуре и обычаях страны;
- проведение и содействие проведению культурных событий, праздников и экспозиций, демонстрирующих национальные ценности и творчество, с целью укрепления чувства национальной идентичности молодого поколения на мировой арене;
- поддержка молодежных объединений в деле сохранения и популяризации национальных обычаев и форм культурного выражения;
- обеспечение платформ для общения между различными этническими, конфессиональными и культурными группами внутри государства для улучшения взаимопонимания и единства;
- разработка инициатив для молодежи, нацеленных на формирование патриотических убеждений, в том числе посредством добровольческой деятельности, спортивных соревнований и культурно-массовых событий;
- представление средств для научных работ, анализирующих изменения патриотизма в эпоху глобализации, с тем чтобы определить наиболее действенные методы его усиления;
- создание общенациональной медиаплатформы в качестве ключевого ресурса для ответа на глобальные информационные воздействия.

Механизм формирования высокого патриотического сознания у молодежи представлен проведением тематических смен форумов, всероссийских конференций, выпуском методической литературы по данной тематике, конкурсов дипломных проектов, посвященных вопросам патриотических ценностей. Акторами реализации механизмов формирования патриотических ценностей в сознании молодежи являются государственные органы, система образования, некоммерческие организации, семья, средства массовой информации. Успешность в формировании патриотических ценностей в сознании молодежи зависит от активного взаимодействия всех перечисленных акторов на каждом из этапов становления молодежи. Также, стоит отметить, что в рамках взаимодействия данных акторов должна осуществляться обратная связь, что позволит формировать патриотическое сознание в молодежной среде и избегать кризисных состояний российского общества [8, с. 32].

Исходя из сущностной характеристики патриотизма, патриотическое сознание личности представляет собой сложное образование, базирующееся на любви к Родине, включающее в себя совокупность глубоких знаний об истории своего Отечества, традициях и обычаях своего народа, собственных генетических корнях, окружающей социальной и природной среде, а также убеждений, ценностных ориентаций и мотивационных установок по личностной активности в служении Родине и готовности к ее защите.

Литература

1. *Абрамов А.* Патриотизм как явление политического сознания постсоветской России: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2000. – 165 с.
2. *Кортуца Л.Н.* Формирование патриотического сознания учащихся в условиях современной школы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. – 2007. – № 3. – С. 176–183.
3. *Сорокин С.А.* Патриотическое сознание современной молодежи: содержание и преемственность // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 3 (27). – С. 142–148.
4. *Лутовинов В. И.* Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *Studia humanitatis*. – 2013. – № 2. – С. 18–25.

5. Корж Н.В., Каримова Л.Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 80–89.
6. Яркова Т.А. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 4 (24). – С. 62–65.
7. Наимов И.Н. Проблемы формирования патриотических установок у современной молодежи / Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, традиции, инновации: международная молодежная научно-исследовательская конференция (Екатеринбург, 25 октября 2023 г.): сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2023. – С. 8–20.
8. Головань С.А. Формирование патриотических ценностей в сознании современной молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 30–34.

УДК 316.48

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ)

Мансуров Тимур Зуфарович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ механизмов влияния межпоколенческого конфликта на формирование деструктивных поведенческих моделей в молодежной среде Республики Абхазия. Актуальность исследования обусловлена значением внутрисоциальной динамики в условиях постконфликтного состояния, частичной международной изоляции и геополитической идентичности республики, которые способствуют обострению противоречий между поколениями. В работе систематизированы проявления межпоколенческого разрыва в Абхазии – ценностно-мировоззренческий, коммуникационно-поведенческий и стратегический. Теоретическая значимость статьи заключается в развитии положений социологии конфликтов, социальной психологии и теории международных отношений применительно к анализу внутренней социальной устойчивости частично признанных и посттравматических сообществ. Практическая ценность состоит в выработке направленных рекомендаций, нацеленных на трансформацию деструктивного межпоколенческого конфликта в продуктивный диалог через целенаправленные образовательные, культурные и институциональные стратегии. По результатам исследования разработана модель, раскрывающая причинно-следственные связи между состоянием незавершенной постконфликтной трансформации, кризисом легитимности традиционных институтов социализации и ростом таких форм деструктивного поведения молодежи, как социальная аномия и криминализация, политическая радикализация, культурный нигилизм и трудовая миграция как форма пассивного протеста.

Ключевые слова: межпоколенческий конфликт, деструктивное поведение, постконфликтное общество, ценностный разрыв, международная изоляция, идентичность, социализация.

В современном глобальном мире, переживающем эпоху транзитивности и турбулентности, вызовы внутренней социальной устойчивости обществ выходят на передний план международно-политической и исследовательской повестки. Межпоколенческий конфликт перестает восприниматься как естественная и приватная возрастная динамика, определяющая потенциал национальной консолидации, вектор политического развития и, в конечном счете, безопасность целых регионов. Особую остроту и специфику данная проблема приобретает в обществах, переживших травматический опыт вооруженного конфликта и существующих в условиях частичного или оспариваемого международного признания. Республика Абхазия

представляет собой модель для исследования этого феномена, где разрыв между поколениями уходит корнями в трагические события войны 1992–1993 годов и предшествующую сложную историю.

Молодежь Абхазии – первое поколение, чья социализация пришлось на период послевоенной «независимости *de facto*». Если идентичность старшего поколения («поколения войны») сформирована коллективным опытом мобилизации, жертвы и борьбы за суверенитет, то младшее поколение («поколение тупика») вынуждено ежедневно сталкиваться с прагматичными и часто безрадостными реалиями этого суверенитета: ограниченными возможностями для международной мобильности, узкими экономическими перспективами, демографическими проблемами и чувством неопределенности будущего. В условиях резких социальных трансформаций и институциональных кризисов прежние нормы, иерархии и механизмы передачи культурного опыта теряют свою эффективность. Деструктивное поведение молодежи является фактором, подрывающим внутренний баланс, истощающим человеческий капитал и в перспективе влияющим на стабильность всего Кавказского региона.

Целью статьи является проведение многоуровневого анализа структуры, причин, механизмов и социальных проявлений влияния межпоколенческого конфликта на формирование деструктивных практик в абхазской молодежной среде.

Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи, направленные на определение специфики межпоколенческого конфликта в условиях традиционного общества, пережившего вооруженный конфликт и находящегося в состоянии незавершенной модернизации и внешней изоляции, а также выявление форм деструктивного поведения, интенсифицируемых данным конфликтом, и установление их связи с феноменом социальной безысходности и утраты будущего.

Материалами для исследования послужили научные статьи в сборниках, журналах и материалах конференций. Исследование проводит синтез данных источников, выстраивает теоретическую модель и концептуализирует проблему.

Анализ природы межпоколенческого конфликта как социального феномена базируется на исследованиях, раскрывающих его ценностное и структурное измерения. А.С. Ефремова и И.В. Федякин рассматривают конфликт поколений как столкновение различных аксиологических систем [3]. О.А. Семиздралова и А.Ю. Плотников акцентируют внимание на институциональных и коммуникационных особенностях конфликта, подчеркивают революционную роль цифровизации и кардинального изменения каналов производства и передачи знания [8].

Исследование Е.С. Ежик и Д.А. Пхазария раскрывает эволюцию морально-этического кодекса абхазов в диалектике традиций и современности, предоставляет ключ к пониманию той строгой системы норм и предписаний (абсолютное почитание старших, значимость коллективного мнения), которую старшее поколение стремится сохранить и транслировать как основу выживания нации [2].

Л.И. Ростовцева и В.П. Щербакова исследуют микроуровень взаимоотношений в семье, анализируя условия и факторы, способствующие переходу от деструктивного конфликта к конструктивному контакту и преемственности [7]. Н.Б. Москвина, С.П. Машовец и В.Г. Москвин предлагают взгляд на межпоколенческое взаимодействие как на целенаправленный социальный проект, требующий институциональной поддержки, методического обеспечения и интеграции в образовательные и культурные стратегии для успешной реализации [4].

Специфика макроконтракста, в котором существует Республика Абхазия, раскрывается в исследованиях ее международного статуса и внутренней политической динамики. В.В. Дегоев в своей статье помещает кавказские конфликты в основу международных отношений и «большой игры» держав и рассматривает современное положение Абхазии как результат долгосрочных геополитических процессов и коллизий [1]. К.А. Пурен анализирует дискурс и сценарии развития, обсуждаемые в среде абхазских элит, показывает, как внутренние политические ориентиры и идентификационные векторы формируются в условиях внешней изоляции и поиска баланса между суверенитетом и безопасностью [6]. Исследование А.И. Шмаковой, посвященное факторам межпоколенческой трансмиссии моделей партнерских

отношений в семье, позволяет связать макросоциальные исторические травмы и политические стрессы с микропрактиками семейного воспитания и коммуникации [9].

Методологическая основа исследования является междисциплинарной и сочетает несколько взаимодополняющих методов. Системный метод показывает межпоколенческий конфликт в Абхазии как систему, детерминированную и формируемую социокультурными, экономическими и геополитическими факторами. Социально-философский и аксиологический анализ применяется для осмысления ценностных оснований конфликта, раскрытия содержания сталкивающихся мировоззренческих парадигм «отцов» и «детей». Институциональный анализ помогает оценить роль и трансформацию основных институтов социализации в обострении или сглаживании противоречий. Контекстуализация предполагает помещение наблюдаемых поведенческих паттернов абхазской молодежи в среду существования в непризнанном государстве с ограниченным суверенитетом и экономическими перспективами.

Основой современного острого противостояния является радикально разный исторический опыт и разные «социальные задания» поколений. Старшее поколение (условно, люди старше 45–50 лет) – это «поколение мобилизации и победы». Их идентичность, социальный капитал и моральный авторитет сформированы прямым участием в войне 1992–1993 годов, переживанием коллективной жертвы, лишений и военного успеха, приведшего к фактической независимости. Их основная задача – сохранить, защитить и легитимировать это достигнутое ценой огромных потерь государственное образование [5; 8]. Их мировоззрение сформировано в позднесоветский и перестроечный периоды, отмечено борьбой за национальные права и часто несет в себе черты травматического опыта.

Молодежь Абхазии – это первое «поколение мирного времени», но также и «поколение стагнации и тупика». Они вынуждены жить в условиях непопулярных последствий: международной непризнанности, ограничивающей возможности для путешествий, образования и карьеры за рубежом, а также экономики, сильно зависящей от внешней помощи и туризма. Их экзистенциальный вызов – поиск места для самореализации в этом государстве или за его пределами. Разрыв между героическим прошлым и прагматичным настоящим образует почву для коллективного ресентимента (вытесненной обиды и неудовлетворенности) молодежи.

Накладываясь на общий травматический контекст, противоречия проявляются по нескольким идентифицируемым направлениям:

1. Ценностная система старшего поколения строится на приоритетах коллективизма, служения нации, почитания памяти о войне как священной и объединяющей скрепы, примата национального выживания над личными амбициями [2; 3]. Для молодежи, социализировавшейся в эпоху глобального интернета, социальных сетей и культуры потребления, эти ценности зачастую воспринимаются как архаичные, риторические и сковывающие. Их идеал смещен в сторону индивидуальной самореализации, профессионального и материального успеха, личной свободы и глобальной подключенности.

2. В традиционной кавказской культуре, к которой принадлежит Абхазия, авторитет старшего по возрасту и статусу является непререкаемым, а механизмы передачи опыта имеют строго вертикальный, нисходящий характер [7]. Однако цифровая революция привела к тому, что молодежь обладает актуальными, востребованными в современном мире знаниями и навыками (свободное владение цифровыми технологиями, доступ к глобальным информационным потокам, знание иностранных языков). Подобный кризис легитимности авторитета может подтолкнуть молодежь к поиску альтернативных, внесемейных авторитетов, которыми могут выступать радикальные идеологии онлайн-сообществ, лидеры криминальных группировок или харизматичные популисты.

3. Поколение, отстоявшее свою землю в кровавом конфликте, психологически и идеологически ориентировано на ее сохранение, защиту и передачу потомкам в неизменном, «очищенном» виде. Молодежь, сталкиваясь с хронической безработицей (особенно среди образованных специалистов), ограниченным доступом к качественному высшему образованию внутри страны и ощущением «жизни в резервации», все чаще рассматривает стратегии миграции как единственно рациональный жизненный сценарий.

Непродуктивный, хронический и эмоционально заряженный межпоколенческий конфликт создает в Абхазии питательную среду для конкретных, социально значимых форм деструктивного поведения молодежи. Эти формы можно классифицировать следующим образом:

1. Чувство отрыва от ценностей старших при одновременной невозможности реализовать собственные идеалы в легитимном социальном поле ведет к росту состояния аномии – безнормности, когда старые правила не работают, а новые не приняты. Происходит рост бытовой и экономической преступности, вовлечении молодежи в теневые и криминальные схемы как в единственно доступный канал быстрого достижения материального успеха и социального статуса. «Цифровизация играет двойную роль: с одной стороны, открывает окно в мир альтернативных возможностей, с другой – облегчает вовлечение в киберпреступность и потребление деструктивного контента» [9, с. 539].

2. Разочарование в официальных политических институтах и нарративах, которые ассоциируются со старой элитой и поколением «отцов», ведет к двум полярным, но одинаково деструктивным для общественного договора реакциям. Первая – тотальная политическая апатия, неучастие в выборах и общественной жизни, воспринимаемое как бессмысленное. Вторая – запрос на радикальные, «очистительные» перемены, симпатии к популистским или националистическим силам, обещающим сломать существующую систему.

3. Отрицание «устаревших», с точки зрения молодежи, традиций и норм (таких как строгий этикет общения со старшими) при отсутствии сильных, привлекательных современных культурных альтернатив ведет к культурному вакууму. Часть молодежи уходит в глобальные или маргинальные субкультуры, демонстративно нарушает традиционные табу.

Таблица 1

Система межпоколенческого конфликта
и его деструктивных последствий в Республике Абхазия

Линия конфликта	Позиция и идентичность старшего поколения («Отцы»)	Позиция и идентичность молодого поколения («Дети»)	Риски и формы деструктивного поведения
Ценностно-мировоззренческая	Коллективизм, жертвенность, память о войне как святыня, приоритет национального строительства и сохранения.	Индивидуализм, прагматизм, стремление к личному успеху, профессиональной реализации, глобальной интеграции.	Социальная аномия, криминализация, маргинализация, поиск альтернативных (в т. ч. криминальных) путей к успеху.
Коммуникационно-поведенческая	Авторитет возраста, иерархия, уважение к опыту и традиции, вертикальная трансмиссия знания.	Авторитет компетенции и актуального знания, горизонтальные сетевые связи, цифровая социализация.	Взаимное отчуждение, уход в виртуальные сообщества, поиск деструктивных авторитетов (радикальные идеологии онлайн).
Стратегическая (взгляд на будущее)	Охранительный консерватизм, сохранение достигнутой независимости и земли любой ценой, фиксация на прошлом.	Стратегия индивидуального выживания и успеха: трудовая миграция, адаптация, поиск возможностей вовне.	«Утечка мозгов», демографический кризис, ослабление человеческого потенциала, дезинтеграция семей.

4. Массовый отъезд наиболее активной, образованной и амбициозной молодежи в поисках работы и самореализации – форма молчаливого голосования ногами против предложенного обществом жизненного сценария, акт пассивного протеста и социального самоисключения. «Данный процесс наносит двойной удар: он ослабляет человеческий капитал республики и лишает ее прогрессивного потенциала на будущее» [1, с. 17].

Система межпоколенческого конфликта и его деструктивных последствий в Республике Абхазия представлена в таблице 1.

Межпоколенческий конфликт в Абхазии носит тотальный характер, пронизывает основные сферы взаимоотношений между поколениями. Каждая линия разрыва (ценностная, коммуникационная, стратегическая) взаимно усиливает другие, создает замкнутый круг непонимания и взаимных претензий.

Деструктивное поведение абхазской молодежи (криминализация, радикализация, миграция) является закономерным следствием и симптомом социального заболевания – кризиса преемственности и коллективного будущего [4; 6]. Молодежь реагирует доступными и негативными способами на предлагаемые обществом условия: ценностный вакуум (когда старые идеалы не работают, а новые не сформированы), институциональную беспомощность (когда легальные пути к успеху заблокированы) и коммуникационный коллапс (когда диалог с предыдущим поколением заменяется взаимными монологами осуждения).

Таким образом, проблема выходит далеко за границы частных вопросов семейного воспитания или молодежной политики. Она упирается в вопросы о том, какой проект будущего может предложить современная Абхазия своему молодому поколению, как совместить священную память о прошлом с практическими потребностями построения жизни в настоящем и будущем, и каким образом можно реинтегрировать молодежь в процесс созидания национального проекта как соавторов. Без ответа на эти вопросы любые точечные меры по борьбе с проявлениями девиантности будут иметь лишь временный и поверхностный эффект.

Таким образом, как показал анализ, межпоколенческий конфликт в Абхазии порожден травмой войны и усугублен международной изоляцией. Данный конфликт выражается в столкновении идентичностей «поколения войны и мобилизации», ориентированного на коллективную жертву и традиции, и «поколения стагнации и поиска», стремящегося к индивидуальной самореализации в условиях отсутствия возможностей. Симптомами этого кризиса преемственности стали социальная аномия, политическая апатия, культурный нигилизм и массовая трудовая миграция молодежи, ищущей выход из фрустрации. Преодоление конфликта требует включения молодежи как полноправного субъекта в общественный диалог о будущем страны, интеграции ее ценностей и создания реальных социальных лифтов и экономических перспектив внутри республики.

Литература

1. *Дегоев В.В.* Кавказ и международные коллизии XX века // Кавказский сборник. – М.: Аспект-Пресс, 2021. – С. 10–28.
2. *Ежик Е.С., Пхазария Д.А.* Морально-этический кодекс абхазов: традиции и современность / Вглубь разрыва: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 21 декабря 2024 года). – Краснодар, 2025. – С. 175–182.
3. *Ефремова А.С., Федякин И.В.* Ценностный аспект межпоколенческого конфликта // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2024. – № 1 (102). – С. 37–42.
4. *Москвина Н.Б., Машовец С.П., Москвин В.Г.* Межпоколенческое взаимодействие: от идеи к опыту реализации // Образование и общество. – 2022. – № 6 (137). – С. 11–20.
5. *Попкова С.В.* Межпоколенческие конфликты: влияние цифровизации // Социальные практики и управление: новые направления интеграции в условиях многополярного мира: материалы VII Сиб. социол. форума с междунар. участием (Новосибирск, 1 ноября 2024 года). – Новосибирск, 2025. – С. 332–335.

6. *Пурен К.А.* Сценарии международного развития Республики Абхазия: опыт анализа дискурса абхазских элит // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2024. – № 1 (2). – С. 22–33.
7. *Ростовцева Л.И., Щербакова В.П.* Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт? // Философия хозяйства. – 2024. – № 3 (153). – С. 195–210.
8. *Семиздралова О.А., Плотников А.Ю.* Межпоколенческий конфликт: современное состояние вопроса // Мир психологии. – 2024. – № 4 (119). – С. 78–88.
9. *Shmakova A.I.* Parenting and family relationships factors in the intergenerational transmission of partnerships: a research review // Perspectives of science and education. – 2023. – Volume 2. – Issue 62. – P. 536–548.

УДК 316.455

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МЕСТА В КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ КАЗАНИ: КАК РЕАЛИЗУЕТСЯ ЗАПРОС НА ЛОКАЛЬНОСТЬ И СОУЧАСТИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Мороз Полина Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Превращение старых или заброшенных зданий в современные публичные пространства – распространенная тенденция в российских городах. Бывшие фабрики, хозяйственные постройки дореволюционного и советского периода становятся местами притяжения горожан, особенно молодежи. В этих случаях по-разному может использоваться исторический контекст места: проговариваться, замалчиваться, становиться частью эстетики или бренда. В этом принимают участие как организаторы, сотрудники пространств, так и их аудитория, посетители. На примере нескольких пространств Казани, находящихся в исторических зданиях, будут рассмотрены практики интерпретации культурного наследия этих мест. В статье представлены результаты авторского качественного исследования по стратегии кейс-стади. «Историчность» здания, культурный контекст места становится преимуществом – есть материал для креативного осмысления. Но и без такой работы в определенной степени уже невозможно обойтись: причинами этому – запрос на локальность и креативность у аудитории, недоступность зданий, кроме ревитализированных, и сформированность алгоритмов и техник по созданию креативных пространств.

Ключевые слова: культурное наследие, публичное пространство, ревитализация, молодежь.

С развитием города многие промышленные предприятия переместились к окраинам, какие-то здания сменили владельцев, возможно, приобрели статус культурного наследия, и теперь требуют иного подхода. В качестве примеров можно привести несколько кейсов в городе Казань: центр современной культуры «Смена», Фабрика Алафузова, Особняк Демидова, Галерея «Окно» (Дом Сапугольцева) и другие. Исследование проводилось в марте 2025 года при помощи метода включенного наблюдения и экспертных интервью с сотрудниками и организаторами пространств ($n = 10$).

В современном городе можно наблюдать различные пространственно-временные разрывы и наслоения, пространства переосмысливаются, но это часто основано на исходном значении и культурном контексте места. Рассмотрение повседневных практик и смыслового наполнения пространства совместно с материальными аспектами основано на подходе пространственного воплощения культуры [1]. В ситуации разрыва повседневности формируются новые практики или же старые практики включаются в изменившиеся повседневные структуры [2]. Это может быть концептуализировано в рамках исследований наследия и памяти

[3, 4, 5]. Опыт взаимодействия с «реинтерпретированными» пространствами может представляться как более аутентичный [6, 7] и формирующий локальную идентичность [8].

На аутентичность опыта работает тот факт, что некоторые пространства долгое время были закрыты для посещений публики. Определенная часть городского ландшафта видима для жителей города, они повседневно встречают какие-либо исторические постройки на своем обычном пути, но не все помнят эти места в рабочем состоянии, это воспринимается как руины, как заброшенные здания, в социальной памяти не осталось их первоначального предназначения. Подобную ситуацию описывает М. Де Серто, называя это *присутствием отсутствий*, «то, что можно увидеть, обозначает то, чего больше нет». Собственно определение места формируется из смещений и взаимодействий различных подвижных слоев времени [9]. В процессе ревитализации то, что отсутствовало, снова актуализируется в опыте людей. К примеру, фестиваль «НУР» объединяет несколько таких локаций в городе: на несколько дней закрытые здания становятся доступными для посещения, в этом – уникальность опыта, в этом – выстраивание взаимосвязи между старым, повседневным и современным.

Еще одной чертой креативных публичных пространств можно назвать их включенность в общую городскую среду. Сами здания зачастую являются переформатированными в процессе ревитализации – использования не востребовавшей недвижимости: старых заводов или фабрик, других сооружений, опустевших в результате деиндустриализации или иных исторических процессов [10]. Либо большая территория завода состоит из опустевших построек разного исторического периода и формирует собственную целостную топографию (пример Фабрики Алафузова, Фабрики «Адонис»), либо здание связано в той или иной степени с городским историческим центром и воспринимается в контексте времени (Галерея «Окно» – Дом Сапугольцева, Присутственные места Казанского Кремля). В связи с этим в нескольких случаях можно заметить уже современные новые здания, жилые комплексы, выполненные в стиле лофт: в районе ЦСК «Смена», прямо напротив Фабрики Алафузова. Можно сделать предположение, что таким образом поддерживается единый облик района, хотя для проверки этой гипотезы необходимо дальнейшее исследование.

Стиль «лофт», элементы которого использованы в оформлении почти каждого из рассмотренных нами пространств, задействует индустриальную эстетику, минимализм, вторично использованные материалы, чтобы в первую очередь снизить затраты на оформление и ремонт помещений [10]. Этот стиль вписывается в окружающее пространство, изменяя в нем как можно меньше, избегая конфликта с оригинальным стилем [11]. Основными элементами дизайна часто являются стены из голого или окрашенного кирпича, открытые металлические или деревянные конструкции, сооружения из бетона. Важным оказывается не только преобразить пространство при помощи современных граффити, мебели, арт-объектов, но и сохранить исторические артефакты, которые создают атмосферу, «дух места», привлекающий аудиторию. Ассоциация с внешним и внутренним видом креативного пространства нередко возникает именно в стиле «лофт», эта нарочитая небрежность, неаккуратность – будто бы признак самой креативности как нового и современного явления. Такой образ, вместе с тем, становится типичным, а не оригинальным, потому что его можно наблюдать во многих пространствах, в том числе, как уже упоминалось, и на материалах данного исследования.

Нарратив об истории, на наш взгляд, наиболее полноценно сформулирован на Фабрике Алафузова: во внутреннем дворе фабрики вывешена достаточно подробная историческая справка о месте. Что характерно, история фабрики завершается 2013-м годом и связывается с именем основателя креативного пространства (Информант № 1). По другую сторону на плакатах уже можно наблюдать перечень событий последних лет – сформулирована современная история пространства. Так как эти плакаты практически встречают посетителей фабрики, занимают много места, можно предположить, что создание целостного нарратива об истории и преемственности играет важную роль для организаторов. Эту гипотезу подтверждает, например, бюст первого владельца предприятия – И. И. Алафузова, находящийся прямо на входе на фабрику и контрастирующий с современным искусством внутри.

Исторический нарратив представлен также на территории Казанского Кремля и Присутственных мест: навигационные стенды, информационные таблички. Это кажется, в целом, закономерным для официального, государственного пространства, но Присутственные места, конечно, нельзя в полной мере отнести к креативному сектору, хотя это несомненно публичное пространство в историческом здании с измененным предназначением. Стоит отметить, что изначальное название, в котором отражается принадлежность исторического здания, зачастую, сохраняется или реактуализируется в современном названии и бренде пространства. Можно привести пример как Присутственных мест, так и Дома Остермана (под именем которого объединены несколько площадок). В Особняке Демидова использовано имя первого владельца, хотя большую часть времени там находился банк и городской ЗАГС. В случае же галереи «Окно» название «Дом Сапугольцева» задействовано не было, и, хотя в здании проводятся краеведческие экскурсии, первостепенная задача раскрыть именно историческое наследие места таким образом не стоит.

Можно говорить о нескольких слоях, пластах культурного наследия, которые оказываются вовлечены в организацию пространства: это дореволюционная эпоха (отраженная, в частности, в названиях, как показано выше), советский период и современное переосмысление (тем не менее, стиль лофт, хотя и ассоциируется с современностью, был сформулирован в 1970-е в США). Нередко встает необходимость выбрать какой-либо из периодов или же объединить несколько: в случае, например, Фабрики «Адонис» более удачным, по мнению одного из информантов, будет использование позднего, советского наследия швейной фабрики на этом месте, чем отсылка к травным или москательным (так называли товары бытовой химии) рядам до революции:

«Но слово не звучит – москательные ряды. Сейчас вот назови так, вот, ну, как бы – замучаешься объяснять людям, что такое москательные товары, и москательные, там, ну, там, ряды. <...> Может быть, поэтому, например, история более поздняя, как раз – была швейная фабрика – мне кажется, она понятнее» (Информант 1, м., организатор).

Таким же образом можно проинтерпретировать отсылки к советскому визуальному коду в Доме Остермана и на Фабрике Алафузова – это настенные ковры, музыкальные проигрыватели, телевизоры, чемоданы в роли кашпо для растений. Товары массового производства (прежде всего ковры, которые используются как в оригинальном предназначении, так и как материалы для арт-объектов) переосмысливаются и становятся ностальгической отсылкой к советскому прошлому и постсоветскому настоящему. Дом Остермана позиционируется в соцсетях как «ретро-бар», и это именно универсальное ретро, то есть, все, чему есть 15–20 лет, даже плакаты из 2000–2010-х, уже относятся к этому стилю.

В целом, такую типичность и универсальность можно проследить во многих местах, мы уже упоминали о распространенности лофт-дизайна, кирпичных стен, граффити и росписей в украшении креативных пространств. Возможно, этот облик и позволяет посетителям считать пространство как «креативное» или молодежное, как современную городскую площадку. Можно сделать вывод, что креативные публичные пространства, несмотря на ассоциацию креативности с чем-то необычным, неординарным, новым, имеют очень много общего в организации. Несмотря на то, что формат и типичные черты публичных пространств более или менее установлены, наполнение пространств все-таки может быть индивидуализированным, сильнее связанным с локальной спецификой и восприятием горожан.

Работа была сосредоточена на том, каким образом культурное наследие интерпретируется в городских публичных пространствах и повседневных практиках горожан. В этой теме особое внимание уделяется совокупности материальных факторов и смыслового наполнения пространств, вслед за пространственным поворотом в социальных науках и возрастанием роли коммуникаций, совместного опыта и практик соучастия в общественной жизни [12, 13]. Взаимодействия людей вписаны в городскую, материальную среду, но и сама среда имеет свой историко-культурный контекст: забытый или еще сохраняющийся в социальной памяти, реинтерпретированный в духе прошлых лет или при помощи современных методов, в различной степени встроенный в целостный нарратив об истории места и представленный публично.

Литература

1. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 400 с.
2. Петухов, А.С., Пирогов, С.В. Теории практик как методология изучения повседневности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 41. – С. 159–167.
3. Halbwachs M. La memoire collective. – Paris: Presses universitaires de France, 1950. – 304 p.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
5. McDonald S. Is 'Difficult heritage' still 'difficult'? Why public acknowledgment of past perpetration may no longer be so unsettling to collective identities // Museum international. – 2015. – № 67. – P. 6–22.
6. Зукин Ш. Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19. – №1. – С. 62–91.
7. Bendix R. In search of authenticity: the formation of folklore studies. – Madison: University of Wisconsin Press, 1997. – 308 p.
8. Мусиездов А.А. Территориальная идентичность в современном обществе // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – №5. – С. 51–59.
9. Де Серто, М. Изобретение повседневности. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
10. Журавлева Т., Токарев И., Ярмошук Я. Сносить нельзя ревитализировать: практическое руководство по созданию креативного кластера. – М.: Флаконт Икс, 2019. – 112 с.
11. Zhu, Q, Wang, K. Research on the space language of loft mode design in the reconstruction of old buildings // Academic journal of architecture and geotechnical engineering. – 2023. – № 5. – P. 50–53.
12. Гарифзянова А.Р. Роль креативных городских пространств в процессе самореализации молодежи (на примере г. Казани) / А. Р. Гарифзянова, А. А. Кладова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1(64). – С. 44–50.
13. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Матвеева Е.А. Современные сценарии гендерных отношений молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 2 (49). – С. 9–12.

УДК 316.454

МИГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА В РОССИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Низамова Лилия Равильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье раскрываются изменения миграционных процессов в евразийском пространстве и миграционной политики России в связи с принятием Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. в сопоставительном с предшествующим периодом ракурсе. Рассматриваются проблемные и противоречивые стороны миграционной динамики, особенно отчетливо проявляющиеся в высоком уровне антимигрантских установок среди населения и части депутатского корпуса, неоднозначных решениях по аккомодации детей и молодежи из числа мигрантов в системе образования, рассогласованности планируемых результатов и фактических инструментов миграционной политики.

Ключевые слова: Российская Федерация, государства СНГ, миграционный приток, молодежь, дети-мигранты, миграционный дискурс.

Уже почти три десятилетия Российская Федерация относится к странам со значительным миграционным притоком и является территорией, по которой проходят несколько миграционных коридоров Евразии. Миграционная политика страны непрерывно корректировалась и совершенствовалась, что получило отражение в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (принята в 2018 г., последняя редакция от 12.05.2023). Она учитывает исторические и культурные связи народов стран СНГ, учреждение Евразийского экономического союза, предполагает возможность безвизовых поездок в Россию для граждан некоторых стран ближнего зарубежья. В политике последних лет учитывается, что «миграционный приток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики», хотя и считается вспомогательным средством решения демографических проблем [1].

В октябре 2025 г. принята новая Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 гг. [2], в которой отражены новые вызовы и угрозы национальной безопасности. В предшествующий период 2019–2025 гг. основными целями миграционной политики страны были обеспечение ее экономического развития, безопасности, сохранение межэтнического и межрелигиозного мира, культурного наследия народов России посредством осуществления программ содействия переселению соотечественников из-за рубежа, социально-экономической и культурной адаптации иностранных граждан, пресечения нарушений миграционного законодательства. В перспективе же планируются цели связаны с созданием миграционной ситуации, обеспечивающей безопасность государства, с развитием страны и защитой национального рынка труда, с сохранением русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России как основы ее «культурного (цивилизационного) кода» [2]. Прежняя общая установка на адаптацию и интеграцию мигрантов переосмысливается и конкретизируется. Прагматически и в инструменталистском ключе признается присутствие в стране мигрантов, которые временно находятся в стране и «не намерены полностью интегрироваться в российское общество» (ст. 22) – приехавших для временного проживания и на работу, туристов, студентов. Поэтому ведущие принципы миграционной политики связываются с возможностями цифровизации государственного управления, применения персонального биометрического контроля и технологий искусственного интеллекта, обеспечения простоты и прозрачности процедур въезда, условий пребывания и работы в отношении многочисленных категорий приезжих: соотечественников, претендентов на российское гражданство из числа разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности, иностранцев, развивающих межгосударственные и межкультурные связи, трудовых мигрантов и других за исключением не вовлеченных в общественно-полезную деятельность и нарушителей миграционного законодательства. Как и ранее, осознается значимость противодействия формированию этнических (полиэтнических) анклавов и пространственной сегрегации. Так как в России преобладает миграционный приток из стран СНГ, как с визовым, так и безвизовым порядком въезда (при этом «значительную долю составляют низкоквалифицированные работники» [2]), особое внимание уделяется ответственности работодателей и переходу к целевому организованному набору иностранных работников, особенно прибывающих в рамках безвизового порядка въезда, предполагающих работу на конкретном месте на основании трудового договора.

Международное сотрудничество РФ в сфере миграций составляет отдельный раздел Концепции, свидетельствующий о значимости этого вопроса. Узаконены реализация действующих законов в этой сфере и заключение новых, обеспечение взаимных интересов сторон – стран-членов Евразийского экономического союза, противодействие незаконной миграции, продвижение интересов России, мониторинг ситуации в иностранных государствах.

По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., было учтено 260768 чел., временно находившихся на территории страны, из них подавляющее большинство – это выходцы стран СНГ (211609 чел.), среди которых преобладали граждане Узбекистана (83187 чел.), Таджикистана (39233 чел.), Кыргызстана (22593 чел.), заметно превышавшие по численности

граждан иных иностранных государств. Вместе с тем, по данным Росстата, фактическая численность мигрантов не менее, чем в 10 раз выше: так в 2021 г. было зафиксировано 2128,4 тысяч иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу России, помимо уже имевших их, и других категорий въехавших. Распределение по странам выезда, являющихся лидерами в списке, аналогично вышеприведенному: в нем преобладают выходцы из стран СНГ, прежде всего Узбекистан и Таджикистан, однако в перечне Кыргызстан не занимает высшие строчки [3], что показательно. Большую часть мигрантов составляют молодые люди в возрасте 20–39 лет.

Если в предшествовавший период одним из основных направлений миграционной политики в области содействия адаптации иностранных граждан было создание условий для успешного освоения русского языка и социокультурных норм территории проживания, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе благодаря российской системе образования, то в настоящее время и в будущем приехавшие могут быть приняты на обучение только после успешного прохождения тестирования на знание русского языка при приеме в учебное заведение и законно находящиеся в стране (С 1 апреля 2025 года в России действует федеральный закон №544–ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). То есть, если ранее система образования служила постепенной интеграции и включению детей мигрантов в российское общество в ходе социализации в принимающей стране, то теперь уже «на входе» претенденты должны подтвердить достаточное владение государственным языком и принятие базовых российских ценностей; узаконены отсеивающие процедуры.

Такие перемены и введение первичного тестирования потенциальных учеников, как показала практика первой волны 2025 г., привели к отказам в приеме в школу большинству детей из семей-мигрантов, желавших обучаться в российской школе. По данным Рособнадзора в СМИ, подавляющее большинство не было допущено к экзамену, т. к. родители не смогли предоставить документы, подтверждающие законность их пребывания в стране. С апреля по август 2025 г. это сделали только 34,8%, остальные были отсеяны [4]. Экзамен не прошли почти 90 % от общей численности претендентов и около половины из числа сдававших (49,9 %), что свидетельствует о серьезности ситуации и обоснованности беспокойства нарушением прав ребенка, признанных главой президентского Совета по правам человека [4]. В результате численность детей-мигрантов в российских школах в некоторых регионах снизилась многократно – в 7–8 раз. Показатели прошедших проверку на знание русского языка заметно варьируются по регионам. Если в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге доли сдавших экзамен составляют около трети (27,2 и 32 %), то в Татарстане – существенно больше – 89,9 %, как и в Краснодарском крае – 60,7 % [4], что, видимо, в немалой степени связано с особенностями региональной политики и территориальных установок в отношении приезжих.

Тем не менее, антимигрантские установки преобладают среди россиян. По данным ВЦИОМ лета 2024 г., более половины опрошенных (52 %) считают, что следует ограничивать въезд в Россию для членов семей трудовых мигрантов, которые приехали по временным контрактам [5]; примечательно, что доли сообщающих о неприязни к мигрантам россиян вдвое выше среди молодежи в возрасте 18–24 года, чем в поколении старше 60 лет [6]. Мигрантофобский дискурс, являющийся носителем «языка вражды» и убеждающий в том, что от мигрантов исходят угрозы благополучию россиян и славян, устойчиво воспроизводится в российских сетевых сообществах [7]. Он включает обвинения в геноциде русских в 1990-е гг. в государствах ближнего зарубежья и призывы к ответным действиям, продвигаются ксенофобские суждения о растущей конкуренции местных и мигрантов за места в детских садах, школах, вузах и прочие конфронтационные идеи. Носителем антимигрантских настроений выступают не только широкие слои простых граждан, но и политики, с одной стороны, озвучивающие в публичном поле алармистские настроения части населения, а с другой стороны, продвигающие мигрантофобию в публичную повестку дня и принимаемые политические решения.

Анализ политического миграционного дискурса свидетельствует об имеющихся в нем противоречиях. Так, установка на «обеспечение открытости РФ для обучающихся»,

присутствовавшая в редакции Концепции миграционной политики на период до 2025 г., теперь не распространяется инклюзивно на начальную и средние ступени образования, т.к. вводится требование хорошего владения государственным русским языком уже при поступлении ученика в школу. Это может стать барьером для достижения некоторых из планируемых результатов миграционной политики на период до 2030 г.: при увеличении доли иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования, сократится доля детей иностранцев младшего возраста, находящихся на территории России и посещающих при этом школу. Не осознаются в достаточной мере угрозы и последствия роста числа детей, не вовлеченных в социализацию в пространстве русскоязычной культуры, и даже формирования в таких условиях делинквентных сообществ и субкультур. Достижение такого планируемого результата, как увеличение доли граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности и переселившихся на постоянное место жительства [2], этим явно сдерживается. Возникшая рассогласованность в декларируемых задачах, принципах, планируемых результатах, с одной стороны, и характере их реализации на практике в разных сферах жизни – бизнесе, образовании, культуре и общественной безопасности – требует пристального внимания ученых, экспертного сообщества и серьезной аналитической проработки в интересах успешного социально-экономического и социокультурного развития страны.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы». – URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-31102018-n-622/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 180 с.
4. *Габдуллина Э.* Со школой не нашли общего языка. Почти 90 % детей мигрантов не смогут учиться после введения теста по русскому // Коммерсантъ. – 2025. – 11 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8025458> (дата обращения: 17.10.2025).
5. ВЦИОМ. Новости: Запрет мигрантам на въезд семей в Россию. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapret-migrantam-na-vezd-semei-v-rossiju> (дата обращения: 23.10.2025).
6. ВЦИОМ. Новости: Межнациональные отношения и проблема иммиграции. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnosheniya-i-problema-immigracii> (дата обращения: 23.10.2025).
7. *Махмутов З.А.* Мигрантофобский дискурс этнических виртуальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 935–940.

УДК 371.378

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Павлова Виктория Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Данная статья предлагает рассмотреть актуальные проблемы в образовании, связанные с развитием технологий искусственного интеллекта, особенно в преподавании социально-гуманитарных дисциплин. Одна из центральных проблем связана с развитием ИИ-

грамотности среди всех акторов образовательного процесса, а также с разрывом в использовании новых технологий студентами и преподавателями. Для более полного рассмотрения проблемы был использован SWOT-анализ, а также предложены рекомендации по преодолению внешних угроз и внутренних слабых сторон.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, социально-гуманитарные дисциплины, SWOT-анализ.

ВУЗы, как любая другая система, обладают характеристиками относительной автономности, но при этом испытывают на себе влияние общего социального климата, экономических, политических, культурных, правовых и других изменений. ВУЗы сейчас проходят процесс цифровой трансформации, и это может иметь противоречивый характер, возникает множество методологических и этических вопросов. В том числе возникают опасения, связанные с проблемой самостоятельного выполнения заданий студентами и их добросовестностью.

Противоречие подтверждают данные опроса Высшей школы экономики (ВШЭ), проведенного в марте-апреле 2025 года среди более 4 тыс. студентов 10 ведущих вузов. Согласно исследованию 87 % респондентов применяют искусственный интеллект (далее ИИ) в образовательном процессе, из них 36 % используют ИИ больше одного раза в неделю, 33 % – несколько раз в месяц, а 10,7 % – ежедневно [1].

Мониторинг Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС показал, что ИИ использует 16 % преподавателей российских вузов при подготовке к занятиям со студентами [2]. И около 10 % вузов применяли ИИ для своих целей, согласно статистике 2023 г. [3].

Согласно пилотажному исследованию Томского государственного университета лишь 21,5 % преподавателей полностью поддерживали внедрение генеративного ИИ в свою работу до прохождения курса повышения квалификации, после – 48,7 %.

По представленным данным мы видим, что разрыв существенен: почти в 4 раза больше студентов по сравнению с преподавателями обращаются к использованию ИИ в рамках образовательного процесса.

Деятельность профессорско-преподавательского состава в высшей школе имеет несколько векторов, мы остановимся именно на педагогической сфере. Таким образом, объектом исследования является образовательный процесс в высшем учебном заведении, а предмет – внедрение технологий искусственного интеллекта в преподавание социально-гуманитарных дисциплин.

Целью данного исследования является анализ внедрения технологий искусственного интеллекта в преподавание социально-гуманитарных дисциплин, выявление преимуществ и трудностей, а также способов преодоления данных ограничений.

В качестве методов будут использованы анализ научной литературы, анализ, синтез, обобщение, конкретизация и SWOT-анализ.

SWOT-анализ – это метод неформализованной систематизации знаний, в основе которого лежит сбор, анализ и оценивание информации о сильных и слабых сторонах, возможностях и ограничениях объекта изучения, с целью всестороннего исследования и структурирование данных [4]. Если рассматривать внедрение ИИ в образовательный процесс, как инновацию, то применение SWOT-анализа можно считать оправданным, что позволит с разных сторон рассмотреть выбранную тему.

Использование данного метода предполагает следующие этапы: выявление сильных (S) и слабых (W) сторон, возможностей (O) и угроз (ограничений) (T) организации, проекта, инновации.

S – Strengths – сильные стороны, внутренние характеристики образовательного процесса и преподавания.

– Индивидуализация обучения. По мнению А.В.Резаева обучающие материалы можно индивидуально адаптировать под конкретного студента, исходя из их успехов и уровня знаний [5].

– Автоматизация процессов. Е.П. Климов указывает на возможность анализа и классификации письменных работ студентов [6]. Тем не менее алгоритмам пока не доступна адекватная оценка оригинальности аргументации и стиля изложения [7].

– Создание интерактивных учебных материалов: презентаций, тестов, упражнений, примеров, симуляций, виртуальных лабораторий, учебных планов и т.д. [8]

– Экономия времени. Дж. Смит отмечает важность использования чат-ботов с ИИ, которые помогают обучающимся самостоятельно получать быстрые ответы на вопросы, связанные с учебным процессом [9]. А преподаватели благодаря тому, что ИИ освобождает время от рутинных задач, могут сосредоточиться на более творческих и сложных задачах.

– Развитие навыков XXI века, как студентами, так и преподавателями. При грамотном использовании ИИ можно развить аналитическое мышление, цифровую грамотность [8].

– Повышение интереса и вовлеченности. Так согласно исследованиям у студентов, которые использовали ChatGPT, был более высокий уровень внутренней мотивации, эмоциональной вовлеченности и уверенности в своих силах, нежели у студентов, которые не использовали ИИ [10].

W – Weaknesses – это слабые стороны, внутренние ограничения, риски, связанные с субъектами и процессом обучения.

– Разрыв самооценки студентов в отношении своих навыков при использовании ИИ и их реальными возможностями. Об этом говорят как зарубежные исследования, так и исследование, проведенное Высшей Школой Экономики [11].

– Снижение когнитивных способностей. Об этом свидетельствует исследование 2025 года Массачусетского технологического университета «Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task» [12]. Так у выборки студентов, использовавших ИИ, обнаружили снижение памяти, вовлеченности и оригинальности текстов. В исследовании «The Impact of Generative AI on Critical Thinking: Self-Reported Reductions in Cognitive Effort and Confidence Effects From a Survey of Knowledge Workers» [13] выявили, что частое использование ИИ в рабочих задачах уменьшает проявление критического мышления и снижает усилия, направленные на осмысление и проверку информации.

– Уменьшение проявления критического мышления при частом использовании ИИ.

O – Opportunities – это возможности, внешние условия, всё, что связано с внешней средой.

– Расширение доступа к знаниям.

– Расширение доступности в системе образования. Появляется больше возможностей для поддержки студентов с особыми образовательными потребностями, например, ИИ может предлагать текстовые и голосовые подсказки для людей с нарушениями зрения или слуха [14].

– Расширение цифровой трансформации вузов в России.

– Появление курсов повышения квалификации для преподавателей по работе с ИИ.

– Развитие исследований об ИИ и обучение преподавателей на основании эмпирических данных.

– Расширение доступности цифровых инструментов и сервисов ИИ.

T – Threats – угрозы, внешние риски и барьеры.

– Противоречия процесса цифровой трансформации. Скорость изменений, когда внешние регуляторы могут не поспевать за ростом проблемы.

– Существенный разрыв в использовании ИИ студентами и преподавателями.

– Неточность работы ИИ. Об этом говорит В. Дорожный, отмечая также возможную необъективность при автоматизированном анализе текста [15].

– Недостаточная точность инструментов для проверки авторства текстов, написанных с помощью ИИ.

Если мы видим следующие ограничения, то целесообразно рассмотреть методы преодоления данных ограничений, которые стоит разделить на 2 подгруппы: методы преодоления внутренних слабых сторон (W) и методы преодоления внешних угроз (T).

Методы преодоления внутренних слабых сторон (W). Можно отметить, что это те методы, которые не требуют институциональных решений и их можно самостоятельно использовать в преподавании:

– Развивать ИИ-грамотность студентов. Исследование делегирования обучения автоматизации при сравнении разных ИИ систем показало, что студенты с высокой компетентностью в использовании ИИ применяли модель стратегически, что снижало когнитивное напряжение, в то же время сохранялась глубокая вовлечённость в материал. А учащиеся с низкой ИИ грамотностью часто полагались лишь на ответы ИИ с минимальными вовлечением таким как иное формулирование или синтез материала [16]. Следовательно, повышение ИИ-грамотности способствует более вдумчивому использованию ИИ и преодолению части опасений, рассмотренных ранее. В этой связи возможно создание рекомендаций по “осознанному использованию ИИ” для студентов и обучение навыкам проверки достоверности ответов ИИ [19].

– Развивать ИИ-грамотность преподавателей.

– Обращать внимание на формат использования ИИ. В исследовании Массачусетского технологического университета студентов делили на группы: первая- писала самостоятельно эссе и потом редактировала с помощью ИИ; вторая – редактировала текст, написанный ИИ; третья – полностью писала самостоятельно, четвертая – писал только ИИ. У участников первой группы наблюдалась высокая нейронная связность. Также эти студенты испытывали высокое чувство авторства и вовлечённости [12]. Получается результат зависит от распределения когнитивной нагрузки и от формата использования ИИ. Следовательно, возможно, стоит формировать задания, которые предполагают комбинированное использование ИИ и собственного анализа, а также использование методов, активирующих самостоятельные поиск и работу в рамках семинаров.

Методы преодоления внешних угроз (Т) направлены на внешнее регулирование:

– Развивать систему обучения преподавателей основам применения ИИ в образовательной и научной деятельности [9] и, возможно, создание систем методической поддержки преподавателей.

– Делать акцент на социогуманитарные дисциплины, так как они способствуют формированию критического мышления и мягких навыков [17].

– Формирование новых правовых и этических норм, регулирующих использование ИИ в образовательном процессе [18].

Таким образом, на сегодняшний день мы можем наблюдать разрыв, связанный с использованием ИИ преподавателями и студентами.

Литература

1. Новости образования в НИУ ВШЭ. ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений – URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Каждый шестой преподаватель вузов использует ИИ при подготовке к занятиям. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/07/1066835-kazhdii-shestoi-prepodavatel-vuzov-ispolzuet-ii?from=cory_text (дата обращения: 17.11.2025).
3. Стрельцова Е.А., Попов Е.В., Гершман М.А. Искусственный интеллект в науке. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1015931860.html> (дата обращения: 17.11.2025).
4. Демидова М.В. Постнеклассическая аналитическая методология социальных наук: SWOT-анализ, PEST-анализ, дискурс-анализ // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 11. – URL: <https://human.snauka.ru/2016/11/17422> (дата обращения: 24.09.2025).
5. Резаев А.В. Искусственный интеллект в гуманитарном образовании: возможности и вызовы. – М.: Наука, 2021. – 256 с.
6. Климов Е.П. Анализ текстов с применением NLP: современные технологии и перспективы. – Казань: Университетская книга, 2022. – 278 с.
7. Жонсон Л. AI-based essay scoring: potential and challenges // Journal of educational technology. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 150–165.

8. *Везетиу Е.В.* Использование искусственного интеллекта в преподавании гуманитарных дисциплин // Проблемы современного педагогического образования – 2025. – № 86-1. – С. 57–59.
9. *Смит Дж.* AI chatbots in humanities education. – Нью-Йорк: Academic Press, 2020. – 198 с.
10. *Ibrahim F., Münscher J.C., Daseking M., Telle N.T.* The technology acceptance model and adopter type analysis in the context of artificial intelligence // Frontiers in artificial intelligence. – 2025. – Volume 7. – № 1496518.
11. *Иванова А.Е., Тарасова К.В., Талов Д.П.* Между интересом и умением: как студенты воспринимают и применяют ИИ // Высшее образование в России. – 2025. – № 8-9. – С. 9–32.
12. Your brain on ChatGPT: Accumulation of cognitive debt when using an ai assistant for essay writing task. – URL: <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (дата обращения: 17.11.2025).
13. The impact of generative ai on critical thinking: self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers. – URL: https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2025/01/lee_2025_ai_critical_thinking_survey.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
14. *Ким Дж.* AI in education: opportunities and challenges // Education and technology review. – 2020. – Volume 15. – Issue 3. – С. 45–56.
15. *Дорожный В.* Автоматизированные системы оценивания текстов: перспективы и ограничения. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 312 с.
16. We delegate learning to automation? A comparative study of llm chatbots, search engines, and books. – URL: <https://arxiv.org/abs/2410.01396> (дата обращения: 17.11.2025).
17. *Воробьева С.В.* Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в эпоху искусственного интеллекта: причины усиления позиций // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы: сборник статей XXII научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (31 марта 2025 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук). – Минск: БГУ, 2025. – С. 82–86.
18. *Константинова Л.В., Ворожжихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А.* Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. – 2023. – № 2. – С. 36–48.
19. *Maximova A.O., Eflova I.M., Ermolaev P.O.* Digital transformation as the factor of the generation dynamics in the information society // Quid: Investigación, Ciencia y Tecnología. – 2017. – Volume 28. – P. 1624.

УДК 316.44

ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СРЕДНИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛЬМЕТЬЕВСКА)

Рахимова Расима Миннахметовна

Альметьевский государственный нефтяной институт (АГТУ-ВШН), Альметьевск, Россия

Аннотация. Город Альметьевск обладает самодостаточным социокультурным потенциалом. Он способствует развитию высокой социальной активности горожан, созданию локальных креативных сообществ людей разных поколений. Это формальные и неформальные объединения, в которых реализуется творческий потенциал людей разного возраста, решаются задачи реализации амбиций, отсроченных целей, организации досуга. Они, иногда, совпадая по форме, различаются по алгоритмам функционирования. Информационное общество накладывает свой отпечаток на правила и механизмы действия этих сообществ. Все большее место занимают сообщества, регулируемые через сети. Они, как правило, носят дуальный характер –

среди них много сообществ, инициированных «сверху», которые, постепенно приобретают «народный» характер, когда активное население перехватывает инициативу, создает свои «модификации» сообществ. И, напротив, в городе существует практика, когда официальные власти «дублируют» варианты сообществ, которые уже успешно существуют как «народные».

Ключевые слова: Средние города, локальное сообщество, социокультурная среда, цифровая культура, пожилые люди, молодежь, цифровая социализация, информационное общество, межпоколенные связи.

Средние города – городские поселения от 50 тыс. до 150 тыс. чел., которые обладают агломерационным потенциалом. Всего в России насчитывается около 140 средних городов.

Альметьевск – средний город на юго-востоке Татарстана. Его численность составляет 163 тыс. человек (по данным 2021 года). Из них: дети – 9 %, подростки – 18 %, молодежь – 11 %, взрослое работоспособное население – 42 %, пожилые люди – 20 %. Город является центром добычи и переработки нефти и газа; крупнейший бюджетобразующий, градообразующий хозяйствующий субъект – ПАО «Татнефть», расположен в городе. В столице нефтяников действует современная городская инфраструктура: дороги, комфортабельное жилье, школы, колледжи, вузы, современные общественные пространства, спортивные сооружения, парки и скверы, кинотеатры, рестораны и кафе. В городе действует кампус АГТУ-ВШН, который соответствует мировым стандартам организации учебного, научно-исследовательского, воспитательного процессов в системе высшего профессионального образования. На базе университета, в аудиториях кампуса, действует Университет третьего возраста для пожилых людей.

Социокультурный ландшафт города составляют Альметьевский татарский государственный театр, Картинная галерея, Краеведческий музей, Диджитал академия, Школа анимации, Камерный оркестр, ансамбль старинных этнических инструментов «Кадим Альмет», уличный театр «Легкие крылья», театр горожан (социальный театр) «Аулак». Концерты звезд классической музыки, театра, фестивали, выставки, выступления творческих коллективов горожан, программа летних уличных концертов «Культурная среда», которую реализует Благотворительный фонд ПАО «Татнефть», стали яркой частью культурной среды города.

Средние города отличаются высокой степенью социального контроля, регламентированностью социального поведения, тесными социальными связями, в т. ч. межпоколенными. Этому способствует то, что представители разных возрастов учатся (учились) в одних и тех же школах, средних, высших профессиональных учебных заведениях, работают на одних предприятиях. Их объединяют дружеские, семейные связи, событийная, информационная среда.

Согласно ВОЗ, зрелые и пожилые люди – группа населения в возрасте 55/60 – 75 лет. Представители этой группы, сегодня, как правило, сохраняют хорошее здоровье, устойчивые социальные связи, у них много свободного времени, которое они хотят и могут посвятить себе, своим интересам, различным формам активности. Вместе с тем, люди пожилого возраста ощущают сокращение социальных функций, психологическую изоляцию, снижение доходов, размытость социальных ролей. Как правило, они сложно воспринимают подобные изменения в своем статусе. Кроме того, российское общество, нередко, формирует образ пожилого человека как иждивенца, ретрограда. Сегодня “зрелость” в нашем обществе уже не ассоциируется с понятием «мудрость», как писал когда-то Э. Эриксон.

Молодежь – группы населения, согласно ВОЗ, в возрасте от 18 до 44 лет. В России возраст молодежи определяется с 18 до 35 лет. Внутри молодежи можно выделить, по крайней мере, 2 группы: молодежь в возрасте 18–25 лет и 26–35 лет. Эти группы молодежи различаются степенью полноты их социального статуса: уровнем образования, наличием семьи и детей, профессиональной карьерой, степенью автономизации от родительской семьи. Сегодня важным признаком полноты социального, профессионального статуса молодого человека является уровень его цифровой культуры, цифровой социализации. От этих факторов зависит его успех в работе, образовании, бизнесе, отношениях, качество жизни.

Понятие «локальное сообщество» было введено в научный оборот в нач. XX в. в США Ллойдом Уорнером [1, с. 273]. Локальные сообщества – группы людей, которые живут на одной территории, объединяются общими интересами, ценностями и нарабатывают социальные связи. Сегодня самоорганизованные сообщества – предмет изучения экономистов, социологов, психологов, урбанистов и культурологов. Как формируются подобные сообщества? Первый группообразующий фактор – сходный возраст, т. к. людям комфортно находиться среди ровесников. Наличие общих интересов, возможность обмениваться информацией, схожесть культурных запросов, доверие – второй фактор. Важное условие успешного развития группы – наличие у ее членов ресурсов, которые будут способствовать достижению, поставленных сообществом, целей. Это не только материальный достаток членов сообщества, но и уровень образования, компетенции и т. д. Четвертый фактор, который формирует устойчивость группы – нахождение членов сообщества в одном «социальном» времени и пространстве.

Существует общее и особенное в формировании, структуре, целях, механизме действия локальных сообществ различных возрастных когорт жителей среднего города. Поколения выросли в разных культурно-исторических, экономических условиях, у них разный жизненный опыт, мировоззрение, жизненные ресурсы, виды на личную самореализацию. Младшее поколение выросло в реалиях пост-трансформационного российского общества, старшее поколение пережило сложный период ресоциализации, адаптации к постсоветской действительности [2, с. 47, 52] Пожилые и молодые пользуются разными СМИ, у них различаются эстетические и этические нормы, уровень и качество образования, они имеют неравный доступ к новым информационным технологиям, различные траектории достижения жизненных целей, адаптации к социальной реальности. У молодежи, наряду с неопределенной социальной жизненной ситуацией, существует ценность «быстрого» образования, стремительного профессионального успеха, они не боятся менять свою жизнь, местожительство, идти на социальные риски, увеличивая свои жизненные шансы.

Пожилые люди склонны к консервативной модели адаптации к жизненным условиям, они дистанцируются от непредсказуемых, грозящих дискомфортом, социальных изменений. Они стремятся сохранить относительную стабильность своего положения, состояния здоровья, нередко сопротивляются возможным изменениям в стране, городе, в собственной жизни [4, с. 126].

За последние 30 лет в Альметьевске сложилась следующая практика возникновения и деятельности локальных сообществ:

- локальные сообщества являются результатом развития городской социокультурной среды: уровень развития сообществ определяется, уровнем развития социокультурной среды, приоритетными формами ее функционирования;

- Локальные сообщества оказывают влияние на развитие городской социокультурной среды, т. к. его участники обладают значительным образовательным, культурным потенциалом, компетенциями и через свою деятельность «конструируют» городскую среду, влияют на ее развитие;

- внутри локальных сообществ формируется внутренняя социокультурная среда, происходит их «институционализация» – возникает система норм, ценностей, целей, которые актуальны для всех участников сообщества. Как правило, сообщества активно используют сетевые коммуникации, ведут чаты, используют фото и видео – контент, пишут комментарии.

- локальные сообщества в своем развитии проходят несколько этапов: возникновение, развитие-адаптация, распад либо коллаборация, интеграция с новыми сообществами. Эти этапы развития связаны с процессами, протекающими в городской среде и субъективистскими процессами – изменениями в настроениях членов сообщества, достижением поставленных ими целей и др. [4, с. 312–317]

В результате, в городе сложилось несколько моделей локальных сообществ:

- большие сообщества, деятельность которых регулируется муниципальными органами, общественными организациями промышленных предприятий, учебных заведений. Это

Молодежные организации ПАО «Татнефть» и др. предприятий, городское объединения ветеранов АМР, Лига студентов и т.д.;

– самоорганизованные сообщества, которые действуют по правилам «малой группы» – члены группы эмоционально близки, у них общие интересы. У молодых людей этот касплейные сообщества, объединения увлеченных стритспортом, велоспортом, любители компьютерных игр (геймсообщества) и др. У пожилых – читательские клубы при городских библиотеках, самоорганизованные туристические группы, благотворительные сообщества при религиозных общинах, сообщества завсегдаев театральные постановки, концерты, фестивалей, любители ЗОЖ и др. Эти формы социальной и индивидуальной активности сопровождаются использованием информационных ресурсов: электронных библиотек, бронирования гостиниц, заказа театральные билеты, выстраивания маршрутов путешествий;

– сообщества, которые действуют как симбиоз формальной и малой группы. Эти сообщества поддерживаются органами муниципальной власти, предприятиями, они в кругу их интересов. Но в этих сообществах действуют те, кто самостоятельно принял решение участвовать в них. Это танцевальные, беговые объединения, «пассивные» участники проектов резидентов «Открытых мастерских» Благотворительного фонда ПАО «Татнефть», социального театра горожан, волонтеры СВО, слушатели Университета “третьего возраста” и т. д.

– сообщества, которые, благодаря информационным технологиям, «преобразовываются» из формальной в самоорганизованную форму.

Эти модели активно существуют в социокультурном пространстве города, взаимодействуют друг с другом. На наш взгляд, они носят креативный характер: не ставят задачу преобразования городского социального пространства, тем более, политические задачи, а преобразовывают жизнь членов сообществ, которые становятся субъектами своего творческого, индивидуального развития, «добирая» навыки и умения, компетенции, которые они, в силу ряда причин, не смогли получить в школе, университетах, на производстве.

При этом, существует разница в деятельности сообществ населения разного возраста, имеющих одну и ту же направленность. Это можно продемонстрировать на примере читательских клубов: «взрослые клубы» читают и обсуждают книги после их прочтения в культурном, историческом контексте их создания. В молодежные клубы, для участия в обсуждении, не обязательно прочитывать книгу, встреча носит «побудительный к чтению» характер.

В сообществах, созданных для освоения цифровых технологий, взрослое население выступает «неофитами», а молодежь – «мэтрами» ИТ-технологий. Опыт взаимодействия людей разных поколений в рамках курсов Университета «третьего возраста», действующего по инициативе ПАО «Татнефть» на базе АГТУ-ВШН, демонстрирует то, как успешно студенты 2–4 курсов ВШН становятся «преподавателями» и обучают ветеранов города основам блоггерства, фотоискусства, работе на компьютере, раскрывают, неизвестные пожилым людям, возможности смартфонов и айфонов, ведут занятия по английскому языку для начинающих.

Подобная практика позволяет смягчить последствия цифровой инклюзии старшего поколения, а молодежи – проявить себя проводниками в мир новых технологий. Этот опыт демонстрирует возможность позитивного общения людей разных поколений, следовательно, создания комфортной среды в городе, сокращения социальной дистанции между поколениями, интеграции локальных сообществ людей разного возраста.

Литература

1. Bell C., Newby H. *Sociology of community: a selection of readings*. – L.: William clowes and sons. LTD, 1974. – 273 p.
2. Рахимова Р.М. Особенности социализации и ресоциализации провинциальной городской молодежи в постсоветском российском обществе: на материале Республики Татарстан. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. – 264 с.
3. Дидковская Я.В., Вишневецкий Ю.Р., Нотман О.В. Молодежные креативные сообщества как объект социологического исследования // Социс. – 2025. – № 3. – С. 54–64.

4. Горшков М.К., Шереги Ф.И. Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 435 с.
5. Иванов Е.В. Пожилые сообщества: диалог поколений и развитие местного сообщества // Теория и практика современной науки. – 2022. – № 6. – С. 312–317.

УДК 316.42

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ОЖИДАНИИ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ: ОТНОШЕНИЕ И КРИТЕРИИ ДОСТИЖЕНИЯ

Савельева Жанна Владимировна,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Литвинова Алёна Владимировна

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен перехода к взрослости в сознании студенчества на основе анкетирования и фокус-группового интервью, в котором принимала участие студенческая молодёжь в возрасте от 18 до 27 лет. По результатам опроса было выявлено отношение к взрослению и оценки доминирующих критериев. Кроме традиционных критериев взрослости, таких как брак, рождение детей, трудоустройства рассматриваются индивидуально-психологические и экономические – трудоустройство, самореализация, принятие ответственности за себя. Обнаружена амбивалентность отношения к взрослости: сочетание наличия тревоги и привлекательности взрослой жизни.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, взрослость, критерии взрослости, отложенное взросление.

В современном обществе происходят культурные, экономические, демографические, политические трансформации, что влечет за собой перемены во взрослой жизни, многообразие её критериев и вариативное к ней отношение. Дж. Арнетт вводит термин «формирующаяся взрослость», который характеризуется отложенным вступлением в брак и рождением детей, пролонгацией образования и нестабильной трудовой деятельностью. Особенно это применимо для развитых индустриальных обществ, допускающих дополнительный период на поиск собственной идентичности [1].

Для выявления доминирующих маркеров зрелости/незрелости среди студенческой молодёжи были рассмотрены трудовые, образовательные, гражданские, экономические, семейные практики.

В отношении трудовой сферы данные демонстрируют следующую структуру предпочтений – 58 % респондентов выбрали или приблизились к варианту «постоянная, стабильная работа», 15% к варианту «непостоянная работа, частая смена деятельности», 28 % не определились с выбором. Такие распределения позволяют интерпретировать доминирующую ориентацию студенческой молодёжи на стабильность как стратегию минимизацию рисков на контрасте с частой сменой деятельности. В контексте фокус-групповых интервью частая смена деятельности ассоциировалась среди молодёжи с незрелостью. Однако, стоит отметить, что стабильная работа тоже может быть таким атрибутом, если она сопровождается стагнацией профессионального роста и сопротивлением изменениям.

Относительно подходящего возраста для первого трудоустройства распределение ответов было следующим: 45 % опрошенных указали – 18 лет, 43 % – 19–22 года, 5 % – 23–26 лет. Предполагается, что при ответах респондентами учитывалась любая форма занятости,

независимо от сферы или графика. Данное распределение указывает на выраженное стремление к обретению собственного дохода, получению опыта и финансовой независимости.

Получение образования и саморазвитие в ходе интервью неоднократно упоминались студентами как индикаторы достижения зрелости. При оценке необходимости высшего образования в анкетном опросе 31 % опрошенных выбрали вариант, что оно необходимо и 28 % вариант приближенный к нему (семантический дифференциал по шкале от 1 до 5). 26 % выбрали средний вариант. 16 % считают, что высшее образование не нужно. Такие результаты демонстрируют устойчивое позитивное отношение к высшему образованию как институциональному маркеру зрелости. Вместе с тем пролонгация образовательной траектории иногда интерпретируется как форма отложенного взросления.

Дополнительно фиксировался предпочтительный возраст завершения образовательной деятельности: большинство опрошенных считает, что получение образования должно заканчиваться в 23–26 лет (40 %), что соответствует типичному в России окончанию магистратуры; 27 % респондентов указали 19–22 года.

Самообразование и саморазвитие оценивалось посредством семантического дифференциала (шкала от 1 до 5, где 1 приоритет саморазвития, 5 – приоритет развлечений): 44 % опрошенных выбрали нейтральный вариант, 44 % саморазвитие или близкие к нему позиции, 13 % развлечения. Высокий уровень неопределенности обусловлен тем, что полный отказ от развлечений представляется нереалистичным и не всегда функциональным, однако преобладание ориентации на саморазвитие свидетельствует о большей склонности к зрелости, усиливая индивидуалистические критерии перехода к зрелости.

Гражданская ответственность выступала менее значимым маркером зрелости, но всё-таки упоминалась информантами. Её интерпретация преимущественно сводилась к готовности оказывать помощь ближним и преодолению эгоцентризма. В анкетном опросе были четко сформулированы дихотомические позиции: гражданская активность (волонтерство, участие в общественных мероприятиях) либо забота о себе. Методом семантического дифференциала было получено распределение: 33 % затруднились с ответом, 15 % студентов выбирали позиции, приближенные к гражданской активности, для 51 % приоритетной являлась забота о себе. Такие результаты в отсутствии контекстуализации конкретными ситуациями затруднительно интерпретировать как однозначные индикаторы зрелости или незрелости, поскольку как гиперактивность в общественной жизни, так и чрезмерный эгоцентризм могут выступать дисфункциональными стратегиями в зависимости от социального контекста.

В рамках анализа экономических практик большое внимание уделялось отношению к покупкам, поскольку импульсивные приобретения традиционно ассоциировались с чертами незрелости и безответственности, тогда как ответственность выступала наиболее частой характеристикой взрослого в нарративах студенчества.

В анкете указывались варианты: покупки по необходимости или покупки для удовольствия. 47 % опрошенных выбрали средний вариант, 35 % позиции, близкие к покупкам ради удовольствия, 21 % – покупки по необходимости. Полученное распределение показывает преобладание неопределенности или умеренной склонности к гедонистически ориентированному потреблению, что указывает на смешанность покупательских практик. В контексте маркеров зрелости/незрелости ключевым параметром выступает не дихотомия «необходимость vs удовольствие», а частота импульсивных трат, степень их осознанности и уровень финансовой грамотности.

Семейные практики традиционно рассматриваются в социологической литературе как нормативные атрибуты зрелости, однако информантами в качестве определяющих маркеров они описывались далеко не всегда.

Наличие детей, партнера не делает взрослым (Информант 6, женщина, 27 лет).

На вопрос о предпочтительном возрастном интервале вступления в брак, 57 % опрошенных указали на период с 23 до 26 лет как наиболее подходящем, 20 % – 27 и старше, 12 % – 19–22 года, 8 % – сочли возраст нерелевантным.

Аналогичная структура наблюдалась в отношении возраста рождения первого ребенка: 23–26 лет выбрали 47 %, 39 % опрошенных указали вариант 27 и старше. Сходство распределений свидетельствует о рациональности и внутренней согласованности ответов, отражая последовательные жизненные сценарии: в 23–26 человек вступает в брак и примерно в это же время или позже заводит детей. Дополнительно с использованием семантического дифференциала оценивалась институциональная форма партнерства: 62 % респондентов придерживаются официального брака или приближенный ответ, 25 % не определились, 8 % совместное проживание без заключения брака.

Помимо традиционных маркеров зрелости есть внутренние психологические критерии, которые описываются личностными характеристиками или образом жизни. Одним из ключевых противопоставлений выступает дихотомия долгосрочного планирования и ориентация на «здесь и сейчас», где последнее часто интерпретируется как маркер незрелости. На вопрос о наличии четких жизненных планов распределение ответов составило 38 % и 32 % – респонденты выбирали варианты «да» и «скорее да» соответственно, 19 % и 8 % «скорее нет» и «нет». Дополнительно оценивалась ориентация на настоящее: 57 % – подтвердили, что живут здесь и сейчас, 20 % – отрицали, 23 % – затруднились с ответом. Таким образом можно говорить о смешанной стратегии – комбинации целеполагания с фокусом на текущем моменте, что может отражать либо краткосрочное планирование в условиях неопределенности, либо гибридный адаптивный стиль.

Другими атрибутами незрелости были несамостоятельность, неосознанность, неумение принимать решение и прочее. Чтобы измерить распространенность таких качеств методом семантического дифференциала было задано несколько вопросов. При выборе между наличием цели в жизни и следованию текущим желаниям, 56% в совокупности двух ответов выбирают наличие цели, 28 % опрошенных выбрали среднюю позицию, 16% студентов ответили «следовать желаниям».

У респондентов спрашивалось насколько самостоятельно они принимают решения или согласуют с близкими, друзьями. 56 % говорили о самостоятельном принятии решений или близкий к нему, 27 % выбирали средний вариант, 17 % указывали на практики согласования с близкими.

Также задавался вопрос о необходимости начала отдельного проживания. 43 % считают, что подходящим является возраст 18 лет, 41% – 19–22 года, 10 % – 23–26 лет, 5 % указали, что нет четких ориентиров.

Также ставился вопрос о выборе между принятием взвешенных и продуманных решений и доверия своим чувствам. 32 % указали, что важно и то, и другое. 12 % полагаются на чувства, а 56 % принимают взвешенные решения.

По результатам выделяемых в научной дискуссии и молодежью в ходе проведения фокус-групп критериев взросления и их оценок в рамках анкетного опроса можно говорить о доминировании характеристик, ассоциируемых с психологической зрелостью – самостоятельность, рациональность принятия решений, ответственность за свою жизнь, преобладание целеполагания.

Эмоционально-оценочное отношение к предстоящей взрослой жизни измерялось посредством группы вопросов. Один из них был сформулирован следующим образом: «По Вашему мнению, жизнь взрослого человека...». Вариант «привлекательна» выбрали 23 % респондентов, «скорее привлекательна» – 43 %, «скорее не привлекательна» – 19 %, 7 % указали, что не привлекательна, 8 % – затрудняюсь ответить. Такие результаты свидетельствуют об умеренно позитивной оценке. Респондентам предлагалось прокомментировать свой выбор в открытой форме. Наиболее частыми нарративами в фокус-группах выступали дихотомии – рост возможностей, но обязательства, ответственность:

Больше возможностей выбирать как жить, меньше ограничений со стороны учебных организаций, семьи и общественного мнения.

Очень большая нагрузка и много нервов, большая ответственность.

Полученные данные созвучны мнению А. Макаренцевей, которая выделяет главный парадокс в состоянии современной молодёжи – одновременное стремление к взрослости и паническое бегство от неё. С одной стороны, появление кидалтов – сознательно избегающих ответственности, с другой стороны, культ и монетизация образов успешного и состоятельного взрослого [2].

Одной из доминирующих эмоций, связанной с взрослением, по мнению информантов, выступала тревога, поэтому соответствующий вопрос формулировался так: «Вызывает ли у Вас тревогу наступающая взрослая жизнь?». У 17 % вызывает, 33 % ответили скорее да, 28 % скорее нет и 17 % нет. Данное распределение может интерпретироваться как отражение структурной неопределенности этапа взросления в условиях общества риска. Тревога детерминруется восприятием неизвестности, новых рисков и быстрых социальных изменений. Вместе с тем она подчеркивает значимость индивидуальных ресурсов адаптации: личностных качеств, социальных сетей поддержки [3, 4].

Студенческая молодежь конструирует взрослость преимущественно через призму индивидуальной автономии, финансовой независимости и психологической зрелости, отодвигая традиционные демографические маркеры на второй план. Переход к взрослости осмысливается как длительный, амбивалентный процесс, сопровождаемый, как ожиданием роста возможностей и свобод, так и тревогой, страхом перед ответственностью. Полученные результаты практически значимы для проектов сопровождения студентов, молодежной политики. Появляется необходимость развивать навыки жизненного планирования в условиях неопределенности и эмоциональной регуляции. Дальнейшие исследования целесообразно проводить в лонгитюдном формате, отслеживая влияние макроуровневых изменений на процессы взросления.

Литература

1. *Arnett J.J.* Presidential address: the emergence of emerging adulthood: a personal history // *Emerging adulthood*. – 2014. – Volume 2. – Issue 3. – Pp. 155–162.
2. Отложенное взросление: какие жизненные сценарии выбирает современная молодежь: семинар / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/1087232890.html> (дата обращения: 11.11.2025).
3. *Шмелева Н. В.* Привлекательность мегаполиса для профессиональной самореализации молодежи на примере Нижнего Новгорода (на материале социологического исследования) / Н. В. Шмелева, А. А. Павликов, М. М. Абрамычев // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2024. – № 4(67). – С. 34–43.
4. *Шиняева О.В.* Развитие инновационного потенциала студенческой молодежи в социальном пространстве высшей школы / О. В. Шиняева, Д. В. Емелин // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2025. – № 1 (68). – С. 51–59.

УДК 316.44

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

**Файзуллин Фаниль Саитович,
Самситдинов Ильфат Закиевич,
Самситдинов Ильнур Закиевич**

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматривается значение социальной мобильности как одного из ключевых факторов, влияющих на политическую стабильность в региональном измерении на примере Республики Башкортостан. Проведён анализ теоретических подходов, раскрывающих взаимосвязь между социальными перемещениями и политическими процессами,

а также представлены результаты эмпирического исследования, основанного на обработке статистических данных и материалов социологических опросов. Особое внимание уделяется институциональным и культурным особенностям региона, формирующим специфику социальной мобильности и её влияние на политическую активность. Установлено, что высокий уровень социальной мобильности способствует укреплению политической стабильности, усиливая социальную интеграцию и расширяя механизмы гражданского участия. Сделанные выводы могут быть использованы при формировании региональной политики, ориентированной на устойчивое социально-политическое развитие.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, социальная мобильность, политическая стабильность, региональный анализ, институциональные факторы, социальные перемещения, политическое участие, эмпирическое исследование.

В современном обществе непрерывно происходят процессы социальной мобильности, которые сопровождаются изменениями в положении личности и её участием в различных социальных объединениях. В подобных условиях человеку необходимо обладать способностью оперативно приспосабливаться к трансформациям в социальной иерархии, а также к новым общественным ожиданиям и требованиям. Однако чрезмерная интенсивность таких перемещений способна дестабилизировать как общество в целом, так и его отдельные слои, приводя к нарушению социальной структуры. Это негативно отражается на качестве человеческого потенциала и общем уровне жизни. Иллюзия бесконечно ускоряющегося социального прогресса оказалась несостоятельной. В связи с этим перед государственными органами и институтами гражданского общества встаёт задача разработки эффективных инструментов, направленных на урегулирование возникших противоречий.

Современное общество сталкивается с необходимостью одновременно сохранять устойчивость социальной структуры и обеспечивать её обновление. Эти направления служат фундаментальными условиями поддержания стабильности и интеграции. В советскую эпоху регулирование социальной мобильности осуществлялось посредством централизованного планирования, при котором функционирование социальных институтов подчинялось государственному заказу. С переходом к рыночной экономике, ориентированной на интересы личности и социальных групп, контроль над процессами мобильности вышел за рамки государственного регулирования и стал сферой влияния множества акторов. Особенно отчётливо эта динамика проявилась в системе образования, где возникло несоответствие между получаемыми квалификациями и актуальными запросами рынка труда – феномен, обозначаемый как «расхождение установок с объективными потребностями» [1, с. 224]. За последние десятилетия изменилась не только совокупность факторов, воздействующих на мобильность, но и структура их взаимосвязей и иерархии [2].

В ходе социологического исследования, проведённого авторами в 2024 году на территории Республики Башкортостан, было выявлено следующее распределение значимости факторов, влияющих на социальную мобильность в оценках городского населения: наивысшую позицию занимает личностный фактор, далее следуют межличностные связи и коммуникативные ресурсы, за ними – влияние семьи, затем – особенности социального капитала населённого пункта, и замыкает перечень система государственного управления. Подобная иерархия подчёркивает растущую роль внутренней мотивации и ответственности индивида за свою жизненную стратегию, а также стремление самостоятельно формировать собственный путь в социальной структуре. Тем не менее, данные опроса указывают на низкий уровень удовлетворённости потребности в самореализации, возникающей в процессе вертикальной мобильности. Одновременно с этим прослеживается усиливающаяся дистанция между населением и институтами государственной и муниципальной власти. Итоги исследования позволяют сделать вывод о наличии дисбаланса и рассогласованности между личностными, поселенческими и управленческими компонентами социальной мобильности.

Эмпирическую базу настоящего исследования составили данные социологического опроса, проведённого авторами в партнёрстве с Государственным автономным учреждением

«Центр гуманитарных исследований», действующим при Министерстве культуры Республики Башкортостан, а также при поддержке Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Полевой этап работы был реализован на территории Республики Башкортостан в период с апреля по июль 2024 года и охватил основные социально-экономические зоны субъекта. Общая численность выборки составила 1000 человек. Отбор респондентов осуществлялся на основе принципов репрезентативности с учётом таких характеристик, как пол, возраст, этническая принадлежность и тип населённого пункта (город Уфа, другие городские поселения и сельская местность). Гендерная структура участников выглядела следующим образом: 42,2 % – мужчины, 57,8 % – женщины.

Современная социология испытывает дефицит интегральных исследований, охватывающих весь спектр форм социальной мобильности. Такие её разновидности, как информационная, интеллектуальная, политическая, этническая и духовная, нередко остаются вне поля самостоятельного анализа и не рассматриваются как автономные социокультурные феномены. Личностная мобильность преимущественно изучается сквозь призму субъективных и ценностно-культурных детерминант. При этом в научном дискурсе встречаются термины, требующие концептуальной ясности, например, «мобильность как состояние культуры», содержание которого целесообразно уточнять с учётом духовно-ценностных аспектов, охватывающих не только материальные, но и символические компоненты культуры [3, с. 56]. Учитывая, что субъективные измерения охватывают как личностные, так и духовные характеристики, представляется обоснованной необходимость различения категорий личностной и духовно-ценностной мобильности. Их смешение в существующей классификации затрудняет как теоретическую рефлексию, так и проведение эмпирических исследований в данной сфере.

В ходе эмпирического исследования социальной мобильности населения Республики Башкортостан были выделены два базовых направления анализа: потенциальные перемещения в социальной структуре, определяемые через уровень готовности индивидов к социальным изменениям, и реальные перемещения, произошедшие в течение последних 5–10 лет. Потенциальная мобильность, как правило, соотносится с префигуративными ориентациями, тогда как фактические социальные сдвиги отражают реализацию постфигуративных ценностей. Эти параметры – потенциальный и эмпирически подтверждённый — представляют собой взаимодополняющие индикаторы, позволяющие установить взаимосвязь между экономическим статусом и ценностными установками личности. Согласно данным социологического опроса, представители высших социальных страт значительно чаще демонстрируют ориентацию на ценности, связанные с личной инициативой, открытостью к инновациям и стремлением к самореализации (69%). В то же время среди индивидов, принадлежащих к нижним слоям, данный показатель составляет лишь 42%, что свидетельствует о доминировании установки на стабильность и консервативный жизненный уклад, а также об устойчивом неприятии социальных изменений. Напротив, представители среднего слоя проявляют положительное отношение как к личным преобразованиям, так и к общественным реформам. Это формирует механизм социального самовоспроизводства, при котором ориентация на пониженные жизненные стандарты способствует закреплению бедственного положения и ограничивает возможности восходящей социальной мобильности.

Экономическая мобильность населения Республики Башкортостан демонстрирует выраженные взаимосвязи с ценностной и экологической составляющими социальной динамики. Представители среднего зажиточного слоя придают существенно большее значение качеству окружающей среды и экологическим параметрам места проживания по сравнению с малоимущими группами [3, с. 88–94]. Установлена зависимость между уровнем образовательного капитала и интенсивностью трудовой мобильности: повышение квалификации расширяет возможности социально-профессиональных перемещений, тогда как низкий уровень образования ограничивает трудовую активность [4, с. 65]. Анализ данных показывает, что значительная часть интеллектуалов ориентирована не на вертикальное продвижение, а на формы образовательной, духовной и когнитивной мобильности, которые не всегда способствуют росту материального благосостояния [5, с. 9]. При этом работники умственного труда зачастую

воспринимают свою роль как миссию просвещения, духовного сопровождения и интеграции общества на основе универсальных ценностей [6, с. 146–157].

Одной из устойчивых черт массового сознания в российском обществе является восприятие государственной власти как ключевого детерминанта, определяющего вектор социальной динамики и индивидуальные траектории социального продвижения. При этом наблюдается тенденция к смещению ответственности за преодоление структурных социальных проблем с индивида на внешние институциональные силы. В данном контексте концепция личностной мобильности строится на представлении об индивидууме как субъекте, обладающем свободой выбора и несущем ответственность за собственную жизненную стратегию. Однако доминирующая ориентация на авторитарные модели управления и фигуру «сильной власти» нередко выступает ограничителем, способствуя формированию иждивенческих установок и снижению уровня индивидуальной инициативности в преодолении жизненных трудностей и реализации потенциала саморазвития.

Далее рассмотрим вопрос динамики ценностей и их иерархии. Для этого сделаем анализ данных в таблице.

Таблица 1

Иерархия ценностей населения Республики Башкортостан и их динамика

Ценности	Очень важно		Довольно важно		Не очень важно		Совсем не важно	
	1	2	3	4	5	6	7	8
	2010	2024	2010	2024	2010	2024	2010	2024
Повышение уровня своей образованности	40.2	40.9	43.2	31.5	15.1	16.3	1.5	7.4
Забота о своем здоровье	60.5	77.9	34.0	18.8	5.3	1.7	0.2	0.2
Работа, обеспечивающая существование	71.4	54.7	27.5	29.3	1.1	4.6	1.2	6.3
Дружеские отношения	56.5	50.6	34.8	36.5	8.0	4.9	0.7	0.9
Семья	88.6	77.3	9.1	16.5	1.7	1.8	0.6	0.4
Все, что позволяет получать больше денег (в рамках закона)	42.2	41.2	44.3	36.6	11.1	11.4	2.4	5.0
Досуг, развлечения	13.5	20.4	30.1	40.5	50.9	29.5	5.5	4.5
Религия	10.3	18.6	34.7	31.3	37.9	32.0	17.1	13.7
Бескорыстная, безвозмездная помощь нуждающимся	17.0	27.3	36.8	49.2	35.8	14.3	10.4	2.8

Анализ статистических данных, отражённых в таблице, демонстрирует снижение относительной значимости ряда базовых ценностей – таких как образование, труд, межличностные отношения, семейные связи и материальное благополучие – среди населения Республики Башкортостан в течение последних 14 лет. Одновременно зафиксировано усиление приоритетности ценностных ориентаций, связанных с физическим и психическим здоровьем, альтруистическим поведением, религиозной верой, а также досуговой активностью. Несмотря на то, что задачей исследования не являлось проведение типологического социологического анализа, выявленные эмпирические тенденции позволяют говорить о нарастании роли гуманистически ориентированных трудовых ценностей и снижении влияния установок, характерных для либерально-прагматической парадигмы. Указанные изменения в структуре ценностных предпочтений свидетельствуют о поступательном характере трансформации ценностного сознания, акцентируя внимание на сдвиге в сторону идеалов коллективного блага и гуманизма.

Особое внимание заслуживает усиливающееся влияние религиозного компонента, которое особенно чётко прослеживается среди женщин. Результаты анализа перекрёстных

группировок показывают, что наибольшие возможности для социальной мобильности демонстрируют не те, кто строго придерживается религиозных норм, и не те, кто полностью от них отстранён, а респонденты, занимающие сбалансированную и умеренную позицию в вопросах вероисповедания. При этом религиозная мобильность как отдельный фактор не обладает существенным весом в процессе социального продвижения: в рейтинге девяти проанализированных показателей она занимает лишь восьмое место. Это даёт основание утверждать, что, несмотря на определённое ценностное значение, религиозные установки не играют определяющей роли в формировании социальной мобильности на территории Республики Башкортостан.

Политическая мобильность в структуре социального поведения населения Республики Башкортостан характеризуется низким уровнем значимости. При этом сравнительный анализ эмпирических данных указывает на более выраженную политическую активность среди мужчин, респондентов в возрасте 50–59 лет, а также представителей русской национальности. В противоположность этому, минимальную политическую вовлечённость демонстрируют женщины, представители малообеспеченных слоёв, старшие возрастные группы, а также респонденты башкирской этнической принадлежности. Среди факторов, препятствующих достижению жизненного успеха, мужчины значительно чаще, чем женщины, акцентируют внимание на политико-экономической ситуации в стране, что может быть косвенным индикатором их более высокой степени информационной включённости в процессы, происходящие в общественно-государственной сфере. В то же время, среди женской части выборки фиксируется более высокая представленность интерналов – индивидов, ориентированных на автономное преодоление жизненных трудностей и не склонных к внешней атрибуции ответственности, включая ожидания поддержки со стороны институтов государственной или социальной поддержки.

Развитие гражданского общества в Республике Башкортостан проходит этап эволюции, начиная с экологически направленных общественных организаций и региональных средств массовой информации, и переходя к доминированию объединений национально-культурной и религиозной направленности. Одновременно происходит формирование модели государственного управления, в которой усиливается влияние федерального центра. В таком контексте самостоятельная организация общественных движений постепенно трансформируется в формальную имитацию, осуществляемую под жёстким контролем со стороны государственных структур [7, с. 15].

Косвенным индикатором роста влияния политических и властных факторов, ограничивающих социальную мобильность, является сравнительный анализ результатов авторского социологического опроса населения Республики Башкортостан за 2010 и 2024 годы. Если в 2010 году всего 3,5 % участников опроса указывали на политическую ситуацию как на препятствие для достижения жизненных целей, то к 2024 году этот показатель увеличился до 11,3 %. Уровень политической мобильности напрямую связан с восприятием политической власти в регионе, её эффективностью и степенью доверия к государственным институтам. В целом гражданское общество в России и её регионах остаётся недостаточно развитым, что приводит к преобладанию государственной российской идентичности над гражданской. Кроме того, оценки работы политической власти тесно переплетаются с социально-экономическими особенностями региона и его субрегионов.

Отдельные формы социальных перемещений не всегда способны в полной мере отражать реальные трансформации, происходящие в социальной структуре общества. В связи с этим учёные подчёркивают важность использования комплексных индикаторов социальной мобильности, которые учитывали бы многоаспектность факторов и измерений. Интегральный социальный статус не может быть адекватно выражен одним лишь показателем, даже таким значимым, как доход, что обуславливает необходимость разработки многомерных параметров либо совокупности индикаторов, обеспечивающих всестороннюю оценку динамики социального продвижения как отдельных индивидов, так и социальных групп. Концепция многомерной мобильности базируется на сочетании различных характеристик и видов социальных перемещений. Традиционные статистические методы, основанные на вычислении среднего

уровня мобильности по отдельным видам стратификаций, в данном случае оказываются недостаточно информативными и неприменимыми. Важным ограничением служит иерархическая структура различных типов мобильности: социальные перемещения, обусловленные экономическими, политическими, духовными или интеллектуальными факторами, обладают разным социальным значением и весом, которые варьируются в зависимости от особенностей общества, региона и организационного контекста. Поэтому крайне важно определить иерархию видов мобильности, а также их взаимные связи и соподчинённость в рамках комплексного анализа [8, с. 15].

В рамках представленной концепции авторов, духовно-интеллектуальная, информационная и культурная мобильность зачастую рассматриваются как производные от экономической и политической мобильности, что свидетельствует о наличии объективной иерархии между различными типами мобильности. В частности, уровень интеллектуальной мобильности во многом обусловлен социальным продвижением, выраженным через показатели дохода, власти и профессионального статуса. Следовательно, экономическая и политическая мобильность выступают в роли фундаментальных базисов для более комплексных форм социальной мобильности, таких как интеллектуальная и культурная, оказывая на них как непосредственное, так и опосредованное влияние.

В иерархической структуре видов социальной мобильности, характерной для Российской Федерации и её субъектов, наивысшее значение приписывается политической мобильности, отражающей положение индивидов в системе властных и государственно-бюрократических институтов. На следующем уровне располагается экономическая мобильность, связанная с изменениями в доходах, владением материальными ресурсами и профессиональными перемещениями на рынке труда. В последние годы духовная мобильность заняла третью позицию, соотносясь с официальной идеологией, религиозной практикой и государственной образовательной системой, ориентированной на традиционные ценностные установки и военно-патриотическое воспитание. Личностный аспект мобильности характеризуется значительной противоречивостью: с одной стороны, наблюдается рост автономии, самостоятельности и независимости субъектов, а с другой – укрепление роли государственной власти и преобладание консервативной идеологии за последние два десятилетия создали существенные препятствия для личностной самореализации и самовыражения [9, с. 65–76].

Таким образом, применение комплексного и системного подхода к изучению социальной мобильности обеспечивает возможность учёта не только количественных изменений в структуре общества, но и качественных характеристик, формирующих вектор социальных трансформаций. В перспективе особое внимание социологического анализа должно быть направлено на выявление взаимозависимостей между различными типами и детерминантами мобильности с целью реализации принципов системного исследования. Социальная мобильность представляет собой целостное и многогранное явление, в рамках которого наличие регрессивных тенденций в одном из её компонентов способно вызвать искажения в других формах социальных перемещений, что, в конечном итоге, может привести к деформации динамики общества как единой социальной системы.

Литература

1. *Чередниченко Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). – М.: ЦСП и М, 2014. – 560 с.
2. *Самситдинов И.З.* Факторы мобильности в социально-экономическом и культурном развитии региона // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 5 (71). – С. 50–56.
5. *Епихина Ю.Б., Мاستикова Н.С., Попова И.П., Терин Д.Ф., Черныш М.Ф.* Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. – 112 с.
6. *Файзуллин Ф.С.* Социальная структура и социальная стратификация. – Уфа: Гилем, 2009. – 288 с.

7. *Калинина Ю.* Бедность не COVID // МК-24.06-1.07.2020 г. – С. 9.
8. *Гуленко В.В., Тыщенко В.П.* Соционика идёт в школу. Педагогам, родителям, детям о типах и отношениях. – М.: Чёрная белка, 2010. – 280 с.
9. *Антошкин В.Н.* Интегральные ценности и социальный потенциал регионов / Многонациональный регион: социальные технологии устойчивого развития (к 80-летию Ф.С. Файзуллина): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: Аэтерна, 2022. – С. 146–157.
10. *Котова Е.А.* Этапы и особенности становления гражданского общества в РБ: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.А. Котова. – Уфа, 2009. – 24 с.
11. *Круль А.С., Антошкин В.Н.* Типологический анализ как метод исследования информационной структуры социальных систем // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2012. – № 3. – С. 65–76.

УДК 316.48

ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: ОСНОВА ДЛЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ИЛИ КОНФЛИКТА?

**Шибанова Наталья Александровна,
Сунгатуллина Карина Робертовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье исследуется роль современных медиа в конструировании образов поколений и анализируется их влияние на характер межпоколенческих отношений. Показано, что медийные репрезентации не являются нейтральным объективным отражением реальности, а представляют собой сложный конструкт, создаваемый в рамках дискурсивных практик, экономических, политических и иных интересов. Основное внимание уделяется двум противоположным тенденциям. С одной стороны, выявляются конфликтогенные образы, проявляющиеся как «война поколений», стереотипизация и символическое размежевание, что способствует разрыву поколений. С другой стороны, рассматриваются интегративные медийные стратегии, такие как объясняющая журналистика, проекты, ориентированные на диалог, и саморепрезентация в социальных сетях, которые могут служить основой для взаимопонимания. Особое внимание уделяется трансформации роли медиа в условиях цифровизации, когда пользовательский контент способствует созданию плюралистической картины поколений. Делается вывод об амбивалентной природе образа поколений в медиа, как поля символической борьбы, итог которой зависит от выбора медиаакторов и их интересов, уровня медиаграмотности аудитории и общественного запроса на кооперацию или конфронтацию.

Ключевые слова: образ поколений, межпоколенческие отношения, современные медиа, конфликт поколений, стереотипизация, цифровизация.

Проблема межпоколенных отношений, «отцов и детей» не теряет актуальности в современных условиях ускоренного технологического и социокультурного развития, приобретая новое звучание. Цифровые и традиционные медиа выступают ключевым агентом производства, распространения и закрепления смыслов, играющих решающую роль в формировании публичного образа различных поколенческих когорт. Эти медийные репрезентации не являются простым отражением реальности, но представляют собой конструкт, создаваемый в рамках определенных дискурсивных практик, идеологических установок, политических и экономических интересов [1, с. 6]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа того, каким образом медийные нарративы конструируют образы поколений (условно обозначаемых как «бумеры», «иксы», «миллениалы», «зумеры» и альфа-поколение) и какую функцию эти образы выполняют в общественном диалоге – служат ли они платформой

для взаимопонимания и преемственности или же становятся инструментом символического размежевания, борьбы и конфликта.

В классической социологии понимание поколения не просто как совокупности сверстников, но как общности, объединенной историческим и социальным опытом, обладающей сходными тенденциями в способах поведения, мышления, чувствования было заложено еще К.Мангеймом, который подчеркивал значимость данного феномена для динамики социального и исторического развития [2, с. 25, 55]. В современном мире феномен поколения имеет медийное воплощение – образы поколений, которые активно производятся медиа для своей аудитории. В пространстве медиа сложный социально-исторический феномен поколений подвергается существенной трансформации, как правило, принимающей форму редукции и типизации. Все многообразие теоретических подходов к феномену поколений сведено к теории поколений Штраусса и Хове [3]. Именно эта теория, вызывающая острые дискуссии и критику в научной среде, доминирует в медиапространстве. Опираясь на эту теорию и ее российскую адаптацию, выполненную проектом RuGenerations, под руководством Е.Шамис [4], медиа создают упрощенные, часто гротескные собирательные образы бумеров (поколение X), миллениалов (поколение Y), зумеров (поколение Z) и поколения альфа, которые легко «упаковываются» в формат новостного сюжета, мема, развлекательного контента, а реже – аналитической статьи. Ключевыми маркерами такого медийного конструкта становятся: отношение представителей поколения к цифровым технологиям, ценностные ориентации, потребительские практики и языковые коды. Таким образом, медиа активно создают, воспроизводят, используют и популяризируют поколенческие ярлыки, стереотипы, которые, будучи взяты на вооружение массовым сознанием, начинают восприниматься как некая объективная данность, научный факт, а не как интерпретативная рамка. О востребованности теории поколений в медиа говорит и тот факт, что согласно справочно-информационному portalу «Грамота.ру» словом 2025 года стало существительное «зумер» [5].

Создаваемые медиа образы поколений обладают потенциалом диалога и конфликта, как внутри генерации, так и между поколениями. В сегментах, ориентированных на вовлечение и виральность чаще распространены конфликтогенные образы поколений и межпоколенческих отношений. Отметим несколько наиболее ярких инструментов создания межпоколенческих размывов и конфликтов. Во-первых, это построение дискурса «войны поколений». Медиа часто представляют социальные, экономические, политические противоречия (например, на рынке труда, в сфере пенсионного обеспечения, в вопросах экологии или политических предпочтений) как противостояние возрастных групп. В фокусе оказываются не проблемы экономики или институциональные изъяны, а взаимные претензии: «бумеров» обвиняют в монополизации ресурсов и консерватизме, «зумеров» – в инфантилизме и чрезмерной чувствительности, «миллениалов» – в трудоголизме и идеализации прошлого. Такое представление выгодно медиа, так как конфликт обладает высокой драматургией, привлекает внимание аудитории, в том числе благодаря легкости восприятия за счет упрощения сложных причинно-следственных связей.

Во-вторых, медиа активно используется инструмент стереотипизации и создания карикатурных образов. Поколение «бумеров» может изображаться как косное, ностальгирующее по советскому прошлому и технологически неграмотное. «Миллениалы» позиционируются как обладатели устаревших цифровых привычек, устаревшего стиля и «кринжового» юмора. «Зумеры» (поколение Z) рисуются как радикальные активисты с клиповым мышлением, не способные к концентрации и чрезвычайно ироничные. Эти стереотипы, тиражируемые в юмористических шоу, мемах, ток-шоу и даже в псевдоаналитических материалах, закрепляют упрощенные и часто уничижительные образы, затрудняя восприятие другого поколения как разнородной группы индивидов, обладающего набором позитивных качеств и схожими чертами с другими поколениями.

В-третьих, конфликт поддерживается через языковое и культурное размежевание. Медиа фиксируют и гиперболизируют различия в коммуникативных практиках (от используемого лексикона до выбора платформ для коммуникации), преподнося их как свидетельство

«непонятности» и отчужденности молодежи или, наоборот, безнадежной архаичности старших, создавая барьеры между поколениями [6, с. 2]. Таким образом, медиа, эксплуатируя конфликтную модель образов поколений, часто выполняют функцию не столько информирования, просвещения, сколько социального позиционирования для своей целевой аудитории, предлагая ей простые и эмоционально заряженные объяснительные модели. Подобная стратегия чревата переводом традиционного и естественного конфликта отцов и детей, как точки роста и развития, в реальный разрыв поколений; переводу конфликта из плоскости частного опыта в пространство публичной, медиатизированной вражды, нарушающей связь поколений, двустороннюю передачу опыта, знаний, умений, что лежит в основе прогресса.

Несмотря на распространенность конфликтных нарративов, в медиапространстве присутствуют стратегии, обладающие потенциалом к формированию взаимопонимания между поколениями, способствующие диалогу поколений. Они менее заметны в силу меньшей сенсационности, но выполняют важную социальную функцию.

Одну из таких стратегий можно назвать жанр «медиации» или объясняющей журналистики. Ряд качественных изданий и аналитических программ обращается к теме поколений не для разжигания противоречий, а для их деконструкции. В таких материалах объясняются различные подходы к феномену поколений, исторические корни ценностей бумеров, социально-экономические условия, сформировавшие прагматизм ихсов, психологические последствия тотальной цифровизации для зумеров. Такой подход способствует замене эмоционального осуждения на рациональное понимание мотивов и ограничений другого поколения, критического осмысления распространенных стереотипов.

Другой важной тенденцией можно считать возникновение нишевых и трансляционных медиаплатформ, которые сознательно ориентированы на межпоколенческий диалог. Это могут быть проекты, где представители разных возрастов совместно создают контент (например, подкасты, в которых родители и дети обсуждают актуальные темы), или исторические проекты, использующие цифровые форматы для передачи личного опыта старших поколений. Цифровые архивы устной истории, документальные сериалы, основанные на семейных хрониках, позволяют представить прошлое не как абстрактный учебник, а как живую, эмоционально насыщенную ткань, связывающую эпохи. Такие проекты помогают преодолеть ограничения стереотипов, увидеть общее, что объединяет разные поколения.

Определенный интеграционный эффект имеют сами медийные форматы, ставшие общим культурным полем. Сериалы, фильмы, музыкальные тренды, интернет-мемы зачастую потребляются и интерпретируются представителями разных возрастов, хотя и с различной степенью вовлеченности, различными направлениями интерпретаций. Обсуждение этого общего контента может создавать точки соприкосновения, пусть и поверхностные. Более глубокий потенциал заключается в медиапродукции, которая тематизирует преемственность, взаимозависимость и общие вызовы, стоящие перед обществом вне зависимости от возраста (экологические угрозы, глобальные пандемии, вопросы этики технологий и др.). В этом случае акцент смещается с различий на общность судьбы и коллективную ответственность поколений, важность вклада каждого поколения в решение общих проблем.

Особого внимания заслуживает феномен социальных сетей и пользовательского контента, который трансформирует традиционную медийную иерархию. Если раньше образы поколений конструировались преимущественно профессиональными журналистами и продюсерами, то сегодня сами представители поколений активно участвуют в этом процессе через саморепрезентацию и трансляцию своего виденья других поколений. Это создает более полифоничную и противоречивую картину. С одной стороны, в социальных медиа процветают различные сообщества, укрепляющие внутреннюю солидарность через противопоставление «себя» другим поколениям (что усиливает конфликтогенный потенциал). Широкое распространение получают жанры иронии и сарказма (например, аккаунты в духе «Boomer remover» во время пандемии или мем «ok, boomer»), которые скорее обостряют противоречия, а не смягчают. С другой стороны, социальные медиа дают возможность для непосредственного диалога представителей разных поколений. Прямые эфиры, открытые дискуссии, совместные

челленджи, флешмобы или хештег-акции, коллаборации между блогерами разных возрастов позволяют разрушать монолитность медийных стереотипов. Пользователи видят не карикатуру, а многогранность опыта каждого поколения: патриотичных зумеров, прогрессивных бумеров, активистов-иксов. Эта сложная многогранная картина поколений способна подорвать основы упрощенных поколенческих мифов и создать основу для более адресного, личностно-ориентированного взаимодействия.

Анализ репрезентаций поколений в современных медиа позволяет сделать вывод об амбивалентной природе этого феномена. Медиа выступают создателями поколенческих стереотипов, как мощный усилитель и катализатор существующих в обществе тенденций, обладающих значительным потенциалом как для разжигания конфликтов, так и для наведения мостов взаимопонимания. Доминирующей в настоящее время, особенно в массовых и коммерчески ориентированных сегментах, остается конфликтогенная стратегия, основанная на упрощении, стереотипизации и нарративизации «войны поколений». Эта стратегия соответствует созданию эмоционального и сенсационного контента, эффективно привлекающего и удерживающего аудиторию в экономических, политических, идеологических и иных интересах создателей контента.

Одновременно существуют и развиваются интегративные медийные практики, направленные на объяснение, диалог и поиск общих оснований. Их эффективность зачастую ограничена размером аудитории, но они выполняют критически важные социальные и культурные функции: социализации, сохранения и поддержания социального диалога, обеспечения преемственности поколений, передачи опыта и обеспечение социальных связей. Развитие цифровых платформ, социальных сетей способствует не только созданию межпоколенческих разрывов, но и их преодолению, реализации человека в современном обществе [7, с. 90] через преодоление стереотипов, создание более плюралистичных и сложных репрезентаций поколений на основе культурных кодов. Согласно данным исследований ведущих социологических центров, более 50% россиян позитивно оценивают взаимопонимания и сотрудничества поколений [8, с. 85], что дает возможность смотреть на будущее диалога поколений с определенным оптимизмом.

Образ поколений в медиа представляет собой поле символической борьбы, содержание и итог которой зависят от выбора конкретных медиаакторов (от крупных корпораций до индивидуальных блогеров) и их интересов, от уровня медиаграмотности и критического мышления у аудитории, и, в конечном счете, от общественного запроса. Формирование запроса на кооперацию, а не на конфронтацию – это вызов не только для медиасреды, но и для образовательных институтов, гражданского общества и каждого участника социального взаимодействия.

Литература

1. *Рябова Т.Б., Рябов О.В.* «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // *Женщина в российском обществе.* – 2020. – № 4. – С. 5–13.
2. *Мангейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / отв. ред. Л.В. Скворцов. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.
3. *Howe N., Strauss W.* Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. – New York: William morrow & company, 1991. – 538 p.
4. Проект «RuGenerations – российская школа Теории поколений». – URL: <https://rugenations.su/> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». – URL: <https://slovogoda.gramota.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
6. *Гуцина Л.В., Агапова Е.А.* Конфликт поколений в современном обществе: основные причины, характеристики и вызовы // *Международный научно-исследовательский журнал.* – 2023. – № 1 (127). – С. 1–6.
7. *Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х.* Конфликт поколений через призму социальных сетей // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2022. – № 3. – С. 90–92.

8. Цалко Е.О. Возрастная стереотипизация ценностей поколений // PolitBook. – 2024. – № 3. – С. 83–95.
9. Липатова А.В. Авторский подход к нарративному анализу медиаконтента, потребляемого молодежной аудиторией / А. В. Липатова, Ю. В. Андреева // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 3 (60). – С. 4–8.
10. Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Ефлова М.Ю., Котляр П.С. Медиаобразование в высшей школе: особенности, перспективы, риски // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 208–213.

УДК 323.11

ВЗРОСЛЕНИЕ В СМЕШАННЫХ (РУССКО-ТАТАРСКИХ) СЕМЬЯХ В СОЦИУМЕ ГОРОДА КАЗАНИ И ГОРОДА УФЫ

**Яхина Милана Руслановна,
Гизатуллина Диана Наилевна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс социализации детей в межэтнических семьях. Определяются основные этнические идентичности личности.

Ключевые слова: межэтническая семья, социализация, этническая идентичность.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что институт семьи является важнейшим институтом по первичной социализации подрастающего индивида, то есть его дальнейшего развития и становления как личности. Из этого следует, что институт семьи является одной из неотъемлемых, базовых ступеней в формировании, развитии и интеграции любого человека в жизнь современного социума. Именно поэтому и в наше время изучение института семьи не потеряло своей актуальности. Нужно отметить, что в современной традиции исследования существует дифференциация семьи на различные виды. В данной работе мы рассматриваем межэтническую семью. По данным Росстата в г. Казани на 2023 год каждый третий брак является межэтническим и именно поэтому исследования межэтнических семей и поныне являются актуальными. Здесь нужно отметить, что в полиэтничных регионах, где проживают представители различных народов, и, соответственно, возникают межэтнические семьи, индивиды с ранних лет начинают усваивать определенные модели и стратегии поведения для поддержания межкультурного диалога в межэтнической и межконфессиональной среде. В процессе социализации происходит формирование норм и установок, которые ведут к пониманию культурного разнообразия других народов. Следовательно, с малых лет происходит формирование этнической идентичности ребенка, что и является ключевым механизмом, который способствует развитию этнокультурной социализации. Однако этнокультурные различия родителей в межэтнических семьях отражаются в аспектах повседневной жизни, например, таких как языки, традиции, обычаи, что приводит к возрастанию уровня конфликтности в отдельно взятой семье и следствием чего является возникновение конфликта. Развитие конфликта на межнациональной основе в процессе взросления и социализации индивида является причиной формирования различных психологических травм, приводящих к определённым проблемам таким, как незавершённая социализация, девиантное поведение, социальная изоляция, буллинг, анклавность, различные фобии, нарциссизм, перфекционизм, стресс, апатия, депрессия, суицидальные наклонности.

Роль института семьи в формировании и становлении личности: выстраивание стратегии поведения и методов воспитания.

Семье как базовому социальному институту принадлежит роль формирования морально – нравственных норм и установок, и жизненных принципов ребенка. Посредством института

семьи происходит формирование и развитие личности ребенка на первых этапах взросления его как индивида. Однако, институт семьи может функционировать деструктивно, например, во время чрезвычайных ситуаций, формирования конфликтов или началом бракоразводного процесса, что приводит к разрушению индивида, так как во власти членов семьи как функции укрепления, так и функции подрывания психологической целостности индивида.

Влияние института семьи на начальной стадии жизни ребенка во многом превышает все другие последующие воспитательные процессы. Родители-первые воспитатели ребенка. Еще Ж-Ж. Руссо утверждал, что каждый последующий воспитатель оказывает на ребенка меньшее влияние, чем предыдущий. Родители являются предыдущими по отношению ко всем остальным; воспитателю детского сада, учителю начальных классов и учителям-предметникам. Обеспечение семейного воспитания, его содержательные и организационные аспекты являются вечной и очень ответственной задачей человечества.

Социализация в межэтнических семьях: особенности механизмов коммуникации.

Межэтническая семья представляет различные этнические и культурные аспекты, которые являются достаточно конфликтогенными факторами в социализации детей.

Стоит выделить некоторые особенности межэтнических семей:

– Межэтнические семьи часто сталкиваются с негативными суждениями со стороны социальной группы, наиболее критичны представители старшего поколения, т.к. старшее поколение привыкло к консервативным этнокультурным установкам своей этнической группы.

– Межэтнические семьи имеют различия в культуре, традициях, языке и религии, которые способствуют формированию конфликтогенности в процессе совместной повседневной жизни и воспитания детей. Мультикультурная среда является для ребенка хорошей возможностью адаптироваться к различным поведенческим стратегиям в социуме.

– Двойная этническая идентичность (биэтническая идентичность). Дети могут испытывать трудности в процессе определения своей этнической идентичности, так как окружены многообразием культур, религий, традиций и обычаев в семье, что может стать как проблемой, так и возможностью для развития личности в поликультурной среде.

– Многие дети владеют двумя языками, так как росли в межэтнических семьях. Данный фактор является важным аспектом развития когнитивных и умственных способностей.

Этническая социализация включает в себя процесс смешения культур, языков и традиций, которые взаимопроникают и формируют новое этническое существование межнациональной семьи. Цель этнической социализации-формирование самосознания и саморазвития личности под влиянием этносоциальных факторов: культуры и межэтнических отношений, принятых в обществе. Существуют следующие виды этнической самоидентификации: моноэтническая идентичность (отождествление себя с каким-либо народом) носит позитивный характер, однако в гипертрофированном ключе может привести к негативным последствиям; биэтническая идентичность предполагает членство в двух этнических группах одновременно, может быть позитивным фактором, когда человек становится посредником разных культур, так и негативным, который формирует отрицательные установки по отношению к каким-либо культурам. Отказ от этнической самоидентификации в пользу гражданской носит третий тип этнического самоопределения, который достаточно распространен на территории Российской Федерации.

Жан Пиаже выделяет три этапа в формировании этнической идентичности:

1. 6–7 лет. В этом возрасте ребенок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. Наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна или этническая группа. 2. в 8–9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – этническая принадлежность родителей, место проживания, родной язык. 3. В младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.

В современной науке принято выделять два вида этнической идентичности:

1. Маргинальная – в этом случае человек не включен ни в одну из этнических групп, потому что у этого нет определенных элементов этнической культуры (отсутствие знания языка, обычаев, традиций и т. д.). 2. Амбивалентная – в этом случае, человек принадлежит к двум этническим общностям.

Отечественные исследователи выделяют следующую классификацию:

Нормальная этническая идентичность – положительный образ своего народа сочетается с положительным образом другого; этноцентрическая идентичность – акцентирование на значимости собственной этнической идентичности, контакты с другими возможны, но не всегда приветствуются; этнодоминирующая идентичность – этничность воспринимается как безусловно доминирующая, появляются дискриминирующие установки в отношении других народов; этнический фанатизм – крайняя форма этнической агрессии, готовность на любые жертвы ради своего народа; меняющаяся идентичность – смена национальности по каким-либо внешним факторам; этническая индифферентность – равнодушие к собственным и иным идентичностям, независимость от норм и традиций. Этноущемленная идентичность – отрицание по разным причинам своей принадлежности к этнической группе, отрицание этнокультурных ценностей. Нужно отметить, что при формировании межэтнической толерантности, в восприятии традиций обоих родителей ребенка необходимо участвовать всем: родителям, старшим родственникам и педагогам, которые наделены обязанностью регулировать вопросы воспитания с самого начала. Данные вопросы актуальны для всех смешанных браков, где религиозный и культурный аспекты воспитания играют главенствующую роль. Однако существует большое количество примеров, когда влияние старшего поколения, а также социального окружения становится сильнее чувств и желаний ребенка, что может привести к конфликтному или девиантному поведению.

Литература

1. Эмиль или о воспитании / Жан Жак Руссо; пер. с фр. М.А. Энгельгардта. – Санкт-Петербург: Газета «Шк. и жизнь», 1912. – С. 327.
2. Тюкавкина Н.В. Роль семьи в развитии этнокультурной социализации ребенка младшего школьного возраста / Актуальные задачи педагогики: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2012 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2012. – С. 84–90.
3. Ефлова М.Ю., Гимадеева Д.Р. Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 6. С. 15–22.
4. Осипова О.В. Этническая идентичность: особенности самоопределения межнациональных браков // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10. – С. 45–47.
5. Михайлова И.В., Прокопьева М.М. Формирование этнической идентичности средствами национального костюма детей Саха —Якутск // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 25. – С. 100–104.
6. Этнология / под ред. Т.А. Титовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 190–191.
7. Рустамова Г.М. Репродуктивные установки молодёжи: анализ региональных исследований // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 3 (70). – С. 11–19.
8. Минзаринов Р.Г. Религиозно-нравственная самоидентификация студенческой молодежи в вопросах семьи и брака / Р.Г. Минзаринов, И.З. Гимаев, Р.Х. Гильмеева, С.С. Селиванова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 1 (68). – С. 33–41.

GENDER AND INCLUSIVE DEVELOPMENT IN SOUTHERN KYRGYZSTAN: SOCIAL STRUCTURE AND YOUTH

**Zhusubaliev Abdikaym Rysbaevich,
Shaiyldaeva Asel Kokoevna,
Zholdosheva Asel Sharipzhanovna**

Kyrgyz national university named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. The article explores gender and inclusive development in southern Kyrgyzstan, focusing on the intersection of social structure, youth, and the status of women with disabilities. The study combines national-level data from the 2023 report “*Gender and Inclusive Development in Kyrgyzstan*” with field survey findings from 400 respondents in Batken region. The results reveal that regional disparities, ethnic diversity, and patriarchal traditions intensify social inequality and limit women’s access to education, employment, and public participation. At the same time, youth in southern Kyrgyzstan demonstrate openness to inclusive practices and a growing awareness of gender equality values. The research highlights the need for region-specific programs aimed at strengthening gender-sensitive inclusion and social resilience in the country’s southern communities.

Keywords: gender equality, social structure, inclusion, youth, women with disabilities, southern Kyrgyzstan.

Introduction.

Cognitive-logic lens. To interpret patterns observed in Southern Kyrgyzstan, we draw on cognitive (applied) logic as a bridge between epistemic states (knowledge, belief) and practice. Contemporary cognitive logic has moved from static, single-subject models to dynamic, multi-agent settings, emphasizing how information updates reshape group beliefs and norms over time [1–3], addressing classic issues beyond logical omnipotence and incorporating dynamic belief change [4–8], [13]. Within this lens, gender attitudes, disability inclusion, and interethnic relations can be modeled as belief states that update through communication, education, and lived interaction. Dynamic cognitive logic and related update operators formalize how public signals (schooling, media, migration networks) and private signals (family, peer talk) shift agents’ commitments, potentially yielding “public” or “distributed” knowledge at the community level [6–8], [13]. Our mixed-methods results – high family-centric values alongside selective openness to diversity – are consistent with partial updates: agents accept instrumental beliefs (e.g., digital upskilling) while retaining identity-protective priors (e.g., hierarchy of national identity). This framework helps explain why inclusive policies require not only resources but also credible, repeated signals that reliably update beliefs across interconnected subgroups (women, youth, persons with disabilities), moving practice and cognition toward alignment [10–12], [14–15].

Gender and inclusion have become essential dimensions of sustainable development and social modernization in Kyrgyzstan. While the country has made significant progress in adopting international norms and national legislation supporting equality, the practical realization of these principles remains uneven. Regional disparities, cultural traditions, and social hierarchies continue to influence the degree of participation of women and youth, particularly in the southern regions of the country.

In southern Kyrgyzstan – especially in Batken, Osh, and Jalal-Abad oblasts – social structures are deeply shaped by traditional family values, rural isolation, and limited access to education and employment. These structural factors reinforce gender inequality, restrict social mobility, and constrain the participation of women with disabilities in public life. Although national programs have introduced inclusive education and gender equality strategies, the implementation at the local level often faces institutional inertia, lack of funding, and social resistance.

The issue of gender equality in this region is further complicated by intersectional dimensions of inequality, where disability, poverty, and gender intersect within a patriarchal context. Women with disabilities represent one of the most marginalized groups, facing barriers not only in accessing education and healthcare but also in achieving social recognition and self-determination. At the same time, the younger generation demonstrates increasing openness to inclusive values, intercultural dialogue, and gender-sensitive participation.

This article aims to explore the interrelation between social structure, youth, and gender equality among women with disabilities in southern Kyrgyzstan. The study combines data from the national baseline report “*Gender and Inclusive Development in Kyrgyzstan*” (2023), prepared with EU support, and an empirical field survey conducted in Batken region in 2024 involving 400 respondents. Through a sociological and comparative analysis, the article seeks to identify how institutional frameworks, traditional norms, and social environments influence inclusion processes and opportunities for equitable participation.

The integration of national and regional perspectives enables a comprehensive understanding of the challenges and prospects of inclusive development. It also highlights the potential role of youth as agents of social transformation and the importance of regionalized, gender-sensitive policies for strengthening social cohesion and equality in Kyrgyzstan.

Methods. The study applied a mixed sociological research design that combined secondary data analysis with an original field survey conducted in the Batken region of southern Kyrgyzstan in 2024. This approach allowed for a comprehensive understanding of how social structures, cultural norms, and gender dynamics shape inclusion and participation among youth and women with disabilities. The empirical part of the study covered three districts – Batken, Leilek, and Kadamjay – with a total of 400 respondents selected through stratified random sampling to ensure proportional representation of gender, age, and settlement type. The sample included 25 % urban and 75 % rural residents, reflecting the region’s demographic reality. Data were collected through structured interviews in Kyrgyz and Tajik languages, depending on the respondent’s preference, with adherence to ethical and inclusive communication standards. The gender distribution was balanced (50 % male and 50 % female), and 61 % of respondents were between 18 and 39 years old, indicating the dominance of youth in the region’s population structure. Ethnically, 80,8 % identified as Kyrgyz, 17,8 % as Tajik, and 1.5 % as Uzbek, which demonstrates the multicultural composition of southern Kyrgyzstan. Educational attainment varied: 36.3 % had completed secondary education, 24.8% held higher education degrees, and 14.3 % had only basic schooling. Employment was primarily concentrated in agriculture (26 %), education and healthcare (16 %), and trade and services (11,5 %), while 24 % of respondents lacked computer literacy, revealing persistent digital inequality. Family values were central to respondents’ worldviews – 80,3% were married and 86,3% considered children the main life value. Almost half (49,5 %) viewed national identity as more important than human rights, and 28,3 % admitted harboring hostility toward other ethnic groups; however, 64,3 % expressed readiness to communicate with all ethnicities, indicating both traditionalism and emerging openness. Quantitative data were processed using descriptive and comparative statistical methods to explore the correlation between social structure, gender, disability, and inclusion. This methodological design provided an empirical foundation for analyzing the mechanisms through which institutional systems and gendered social norms influence opportunities for inclusive participation in southern Kyrgyzstan.

Table 1

Relationship between social structure, gender roles, and inclusion in Southern Kyrgyzstan

Indicator	Women (%)	Men (%)	Total (%)
Higher education attainment	24.8	32.7	28.8
Digital literacy (advanced/professional)	25.0	43.5	34.2
Employment in agriculture	31.2	20.8	26.0
Economic inactivity (including homemakers)	18.5	5.3	11.9
Readiness for intercultural cooperation	64.3	64.3	64.3

Table 1 presents the key indicators illustrating the relationship between social structure, gender roles, and inclusion in southern Kyrgyzstan. The data indicate that gender inequality remains multi-dimensional, combining institutional and cultural barriers that particularly affect rural women. At the same time, youth mobility and increasing digital literacy demonstrate a cognitive shift toward more inclusive social attitudes. The table also highlights the potential of education and entrepreneurship programs to reduce structural disparities. Based on sociological survey data collected in Batken, Leilek, and Kadamjay districts (2024).

Discussion.

The integration of field data from the Batken region with international findings confirms that gender inequality in southern Kyrgyzstan is not merely institutional but deeply structural. A deficit of social infrastructure — including accessible preschools, inclusive schools, youth centers, and rehabilitation services — combined with the family-centered model of care and weak local governance mechanisms, reinforces the exclusion of women with disabilities from education, employment, and civic participation [1; 35]. These findings correspond with broader research on the interrelation of family, state, and international programs shaping child and youth wellbeing in post-Soviet countries [36].

The prevailing value orientation – high normative importance of marriage and motherhood combined with women’s economic vulnerability – reflects the persistence of the traditional gender contract. This contract is supported not only by cultural expectations but also by the daily economic context: limited availability of decent jobs close to home, poor childcare infrastructure, transport barriers, and digital inequality. The sample demonstrates low digital literacy among women and a concentration of female employment in agriculture, education, and healthcare, which restricts their social mobility and reinforces household dependency.

The intersection of gender and disability reveals cumulative disadvantages. Women with disabilities are overrepresented among those without stable income and among respondents with limited ICT skills. In the context of infrastructural deprivation, digital skills could serve as a compensatory resource – enabling remote work, online education, or telemedicine – but remain underdeveloped without targeted training programs and accessible technology [1].

Interethnic attitudes in the region are ambivalent: while the majority express readiness for cooperation, a substantial minority admit latent hostility. This duality highlights both risks and opportunities. It underlines the need for intercultural education and dialogue initiatives within schools, colleges, and local community centers. Such programs should be supported by civil society, religious leaders, and youth organizations to counter stigma and promote inclusive interaction [2].

Youth migration aspirations – primarily temporary labor migration to Russia and Europe – reflect rational adaptation to limited local opportunities. However, they also lead to the loss of female human capital and deepen women’s economic dependency. This underscores the importance of local micro-entrepreneurship initiatives for women with disabilities in service, crafts, and small-scale trade sectors, combined with mentorship, microcredit, and digitalization measures.

Comparison with international development frameworks suggests that universal “empowerment” interventions – focused on digital skills and employability – have limited effect in rural contexts if not accompanied by parallel investments in care infrastructure and local services [1; 36].

Therefore, future social policy must pursue a multidimensional approach: (1) inclusive education and support during transitions from school to vocational and higher education; (2) improved care and mobility infrastructure (childcare centers, accessible transportation, community rehabilitation services); (3) economic empowerment of women with disabilities through training vouchers, inclusive procurement, and preferential microcredit programs.

Practical implementation could include short-term digital literacy courses with guaranteed access to devices, inclusive “growth hubs” at schools and colleges combining makerspaces with employment counseling, municipal microgrant competitions for care-based services, and intercultural mediation clubs for youth in cooperation with local administrations.

Limitations. Several limitations should be acknowledged. First, the sample covers only three districts of the Batken region, which limits generalization to the entire south or the country as a whole. Second, the cross-sectional design allows only the identification of associations, not causal inferences regarding education, digital competence, or family status. Third, self-reported data are subject to social desirability bias, especially for sensitive topics such as income, ethnicity, and disability. Fourth, language adaptation (Kyrgyz/Tajik) might have introduced measurement variance due to semantic differences. Fifth, some constructs (e. g., “digital literacy,” “hostility/tolerance”) were measured with single or simplified indicators rather than multi-item scales. Finally, the absence of longitudinal or administrative data linkage limits the ability to trace long-term changes or validate responses [1; 2; 36].

Conclusion. This study contributes to understanding the complex interconnection between gender, disability, and youth inclusion in the social structure of southern Kyrgyzstan. The empirical findings reveal that gender inequality in the region remains embedded within both institutional systems and everyday cultural practices. Limited educational opportunities, weak social infrastructure, and persistent patriarchal norms combine to reinforce the exclusion of women with disabilities from active participation in economic and civic life. Despite these challenges, youth demonstrate growing openness to inclusive values and intercultural dialogue, suggesting the emergence of gradual social modernization.

The analysis shows that inclusion cannot be achieved solely through policy adoption but requires continuous investment in accessible education, digital literacy, and localized empowerment initiatives. Expanding regional social infrastructure – such as community centers, rehabilitation facilities, and care services – remains a crucial step toward reducing inequality. The intersection of gender and disability must be addressed within broader strategies of social cohesion and regional development.

Overall, the findings highlight that inclusive transformation in southern Kyrgyzstan depends on building trust networks and shared values that promote equality across all social groups. Policy-makers should consider multi-level interventions integrating gender-sensitive education, economic participation, and digital inclusion. Future longitudinal research and participatory assessments could provide deeper insights into long-term dynamics and the sustainability of inclusive practices in post-Soviet Central Asia.

References

1. OECD (2018). Social protection system review of Kyrgyzstan. OECD Publishing.
2. UNICEF (2015). Situation analysis of children in the Kyrgyz Republic. United Nations Children’s Fund.
3. *Hunner-Kreisel C., Bühler-Niederberger D., Sultan A.* Foundations of well-being in children’s and youths’ everyday lives in Azerbaijan and Kyrgyzstan // Child indicators research. – 2022. – Volume 15. – P. 1131–1138.
4. *Zhao Y., Abykeeva-Sultanalieva T. B., Shaiylidaeva A.* A deepening study of philosophical cognitive logic based on intelligent interaction // Applied mathematics and nonlinear sciences. – 2024. – Volume 9. – Issue 1. – P. 1–15.
5. *Zhusubaliev A.R., Kamchybekova S.* Some ethnic features of civic identity in Kyrgyzstan // News of the Universities of Kyrgyzstan. – 2017. – No. 1. – P. 214–218.
6. *Koshtakova B.M., Zhusubaliev A.R.* Sociocultural features of patriotism and the formation of civic identity in Kyrgyzstan // News of the Universities of Kyrgyzstan. – 2021. – No. 6. – P. 104–108.

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ БУДУЩЕГО: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

УДК 316.4.06

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА КАЗАНИ)

Воронович Антон Сергеевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируются социально-экономические факторы, формирующие городскую идентичность населения города Казани. Рассматриваются ключевые показатели социально-экономического развития города в 2023–2024 годах, такие как валовой территориальный продукт, объем отгруженных товаров, индекс промышленного производства, уровень безработицы и среднемесячная заработная плата. Представлена классификация факторов, влияющих на городскую идентичность, включая стабильные (местоположение, климат, история), изменчивые (численность населения, благосостояние, культурные традиции) и символические (городская символика, политическая стабильность, культурные коды). Исследование строится на анализе статистических данных и предполагает проведение опросов для интерпретации самосознания жителей и их сопричастности к городской среде.

Ключевые слова: городская среда, качество жизни населения, городская идентичность населения, социально-экономическое развитие территорий.

Социально-экономические факторы играют значительную роль не только в развитии страны, но и в развитии регионов и городов, в частности городской среды, качества и уровня жизни населения, а также формирует идентичность, которая позволяет рейтинговать регионы и города по показателям привлекательности.

Республика Татарстан ежегодно входит в ТОП-5 регионов по показателям социально-экономического развития, а Казань как столица субъекта, традиционно, занимает лидирующие позиции среди всех городов республики. Согласно общероссийскому рейтингу социально-экономического развития регионов, составленному Центром экономических исследований «РИА Рейтинг», в 2024 году столица Татарстана расположилась на 3 месте, заняв строчку сразу после Москвы и Санкт-Петербурга, что говорит о ее текущем потенциале и привлекательности как для местного населения, так и для потенциального увеличения численности населения, за счет миграции жителей из других субъектов Российской Федерации.

Городская идентичность, представляет собой социокультурный феномен, который в масштабах исследования отражает особенности города и его горожан, позволяя сформировать устойчивые убеждения и представления людей о себе как жителей, населяющих определенную территорию, а также продемонстрировать корреляцию их связи с городом и отразить сопричастность и включенность жителей в формирование городской идентичности.

Л.Б. Коган полагал, что город – это пространство, которое позволяет людям обустроить жизнь, накопить опыт и получить чувство той самой идентичности [1, с. 30]. В то же время, городская идентичность – это процесс достижения идентификации субъекта (личности) с городской общностью как социальной прослойкой, отличающейся от ряда других общностей, выделяемых по признакам городской принадлежности [2, с. 46–61].

Исследователи Н.С. Дягилева и Л.А. Журавлева предложили классификацию факторов, которые воздействуют на процесс формирования городской идентичности, среди них выделяются стабильные, изменчивые и символические факторы.

К стабильным факторам, которые можно трактовать как структурные, можно отнести: местоположение города, его климат и историю. К изменчивым факторам, которые изменяются

в долгосрочной перспективе, – численность и плотность населения города, внешний облик, благосостояние и качество жизни населения, которое будет определено при помощи социально-экономических показателей, а также культурные традиции и обычаи местного сообщества. К двум категориям факторов также добавляются так называемые символические качества, которые рассматриваются через городскую символику, политическую стабильность и климат, характер коммуникации внутри городских сообществ, культурные коды поведения жителей, знаковые события и наличие знаковых личностей в истории города, а также тренды на потребление определенных товаров, работ и услуг.

Комплексный анализ структурных, изменчивых и символических факторов позволяет получить полное представление об особенностях развития городской среды. Рассмотрение территориального деления и численности населения дает основу для оценки текущего состояния города и построения дальнейших исследований и трендов развития.

Согласно результатам исследования, общая площадь Казани в данный момент составляет 641,2 кв. км. Численность постоянного населения города на 1 января 2024 года составила 1 318 604 человека. Территориально город разделен на 7 районов. Распределение представлено на рисунке 1.

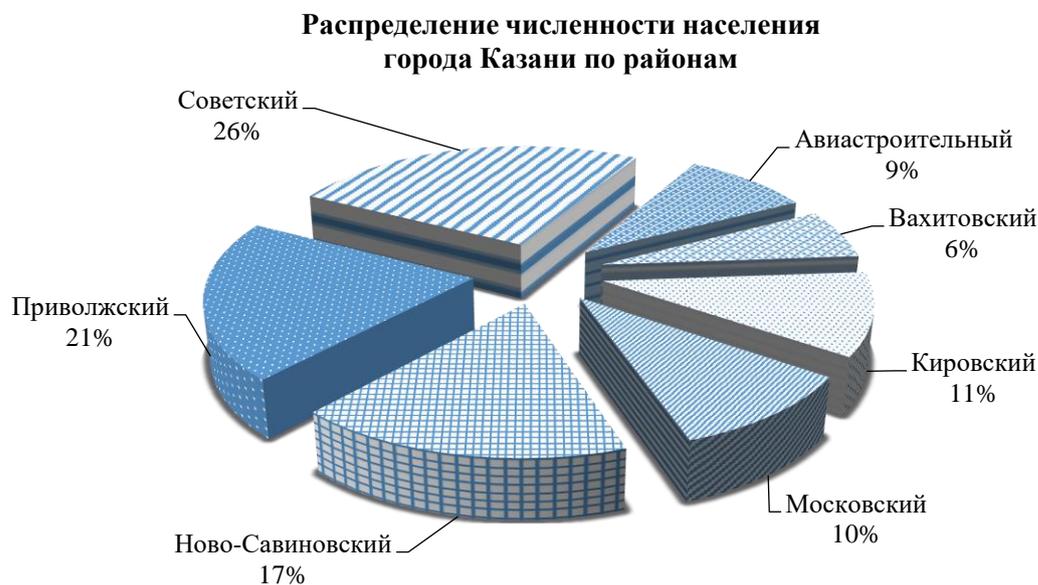

Рис. 1. Распределение численности населения города Казани по районам города

Далее перейдем к рассмотрению социально-экономических показателей развития Казани в 2024 году, которые в значительной мере предопределялись общей ситуацией в экономике как республики, так и страны в целом [3]. Экономическая ситуация города представлена в таблице 1 и характеризуется следующими показателями.

В 2024 году социально-экономические показатели городской экономики отображали устойчивую тенденцию роста по ряду ключевых факторов, которые так или иначе влияют на качество жизни населения. Согласно данным, представленным в таблице, можно сделать ряд предположений относительно влияния показателей социально-экономического развития на восприятие горожан и формирование городской идентичности населением территории города.

Рост валового территориального продукта на 5,8 % с 1 472,4 млрд руб. в 2023 году до 1 680,8 млрд руб. в 2024 году, свидетельствует о повышении экономической активности и развитии территориальной (локальной) экономики, которая с точки зрения восприятия жителя, косвенно, формирует позитивный образ города как успешного и перспективного места для жизни и работы. Это обусловлено тем, что законы экономики подразумевают, в большинстве своем, что повышение валового территориального продукта ведет к созданию новых

рабочих мест, увеличению доходов и улучшению городской инфраструктуры – как промышленной, так и социальной, которые непосредственно оказывают влияние на формирование стойких стереотипов и представлений о жизни внутри города.

Таблица 1

Общэкономические городские показатели

Показатели	2023 г.	2024 г.	2024 г. к 2023 г., %
Общэкономические городские показатели			
Валовой территориальный продукт, млрд руб.	1 472,4	1680,8*	105,8**
Объем отгруженных товаров собственного производства, млрд руб.	701,5	839,4	119,7
Индекс промышленного производства, %	102,1	109,6	-
Индекс потребительских цен, % (в среднем за год)	105,0	108,4	-
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	63,457	73,686*	116,1*
Уровень безработицы, %	0,27	0,18	-
Инвестиции в экономику города, млрд руб.	350,6	388,7*	102,3**
Оборот розничной торговли, млрд руб.	799,8	929,8*	108,3**

Примечание: * – оценка; ** – в сопоставимых ценах.

Рассмотрим влияние объемов отгруженных товаров собственного производства как показатель, влияющий на восприятие населения. Исходя из данных таблицы, можем заметить, что экономика Казани декларирует значительный прирост объемов отгруженных товаров собственного производства, увеличив за год показатели на 19,7 %.

Рост показателя свидетельствует об увеличении производства продукции местными производителями, что в глобальном выражении подразумевает собой достижение показателей некой суверенности (автономности), которая на фоне геополитических и социальных изменений в структуре российской экономики оказывает прямое воздействие на восприятие жителей не только города, но и страны. Горожане воспринимают город как самостоятельный, конкурентоспособный и автономный регион, который способен обеспечивать свои потребности, что усиливает чувство идентичности жителя с территорией. Кроме того, развитие местного производства способствует улучшению социального сервиса за счет налоговых поступлений и привлекаемых инвестиций, которые, в свою очередь, повышают качество жизни населения.

Состояние инвестиционного климата является одним из важнейших показателей общеэкономической ситуации и перспектив развития территории. Казань, как город с развитой экономикой, обладает благоприятным инвестиционным климатом, о чем нам свидетельствуют показатели индекса промышленного производства. За год показатели индекса промышленного производства увеличились на 7,35 % к показателям 2023 года. При этом общий объем инвестиций, привлеченных крупными и средними предприятиями, составил 243,8 млрд руб., или 120,2 % к уровню 2023 года. На территории Казани по 1 января 2024 года функционирует 27 субъектов инновационной инфраструктуры: технопарки, технополисы, бизнес-инкубаторы, промышленные парки, инжиниринговые центры. Эти объекты создают благоприятные условия для развития новых технологий и промышленных проектов, способствуют росту производительности и повышению инвестиционной активности.

Увеличение инвестиций в основной капитал находит прямое отражение как фактор влияния на экономическое развитие городской среды и качества жизни горожан. Благодаря привлекаемым инвестициям происходит процесс трансформации городских общественных пространств, создания новых мест отдыха и рекреационных зон, обновления городской инфраструктуры, включая благоустройство территорий и строительство дорог, повышая привлекательность городской среды для жизни. Это усиливает чувство уверенности и привязанности

к городу, способствует формированию устойчивой городской идентичности среди жителей Казани.

Неразрывно связанным показателем, который формирует благоприятное представление о жизни на определенной территории, является уровень доходов населения. Исходя из этого, рассмотрим такой показатель, как среднемесячная заработная плата. Заработная плата жителя Казани за год повысилась на 16,1 %, достигнув в среднем 73,68 тыс. руб. Рост уровня доходов оказывает значительное влияние на формирование у жителей ощущения принадлежности к городской идентичности. В связи с тем, что увеличение заработной платы улучшает материальное благосостояние населения, расширяет возможности для потребления товаров, работ и услуг, повышает уровень комфорта, стабильности и безопасности. Это напрямую сказывается на удовлетворенности жителей города и формирует у них ощущение стабильности за счет удовлетворения базовых потребностей и формирования перспектив развития. Помимо этого, высокий уровень заработной платы является фактором для удержания молодых специалистов в городе, что в текущих глобальных российских вызовах является немаловажным аспектом развития городов и регионов.

Уровень безработицы снизился до рекордно низких 0,18 %, что говорит о высокой социальной защищенности и возможностях для трудоустройства. Такое позитивное социальное и экономическое положение укрепляет идентичность жителей, формируя их восприятие Казани как города возможностей и социальной стабильности.

Рост оборота розничной торговли на 8,3 % до 929,8 млрд руб. отражает улучшение потребительского спроса, и развитие городской инфраструктуры услуг и торговли. Это имеет прямое влияние на повседневную жизнь жителей, делая ее более комфортной и насыщенной, что в свою очередь, укрепляет эмоциональную связь с городом.

Таким образом, рассмотрев основные социально-экономические показатели города, были определены тренды и факторы, связывающие данные показатели с восприятием жителями себя частью городской системы. Позитивная динамика социально-экономического развития Казани в 2024 году, характеризующаяся ростом промышленного производства, инвестиций, доходов населения и уровня занятости, оказывает комплексное влияние на процесс формирования городской идентичности. Жители, ощущая улучшение условий жизни и перспектив развития города, выстраивают более сильную связь с территорией, воспринимают Казань как динамичный и привлекательный город, что усиливает их чувство принадлежности и гордости за город. В совокупности эти факторы поддерживают формирование устойчивой и позитивной городской идентичности, основанной на экономической стабильности и социальной интеграции.

В нашей последующей работе мы предполагаем проведение ряда исследований, которые позволят сформировать и интерпретировать городскую идентичность жителей города Казани. Исследование будет строиться на основе таких методов, как анализ статистических показателей социально-экономического развития в динамике, анализ политического климата через индикаторы, отражающие политическую конъюнктуру, экспертный опрос и опрос жителей Казани для интерпретации результатов того, как жители соотносят себя с городской средой и в какой степени они включают себя в границы города и чувствуют себя частью городской самобытности (идентичности).

Литература

1. Коган Л.Б. Быть горожанами. – М.: Мысль, 1990 – 205 с.
2. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы // Социология города. – 2012. – № 1. – С. 46–61.
3. Официальный портал Мэрии Казани. – URL: <https://kzn.ru> (дата обращения: 19.11.2025).
4. Хамитов Д.Д. Социальные проблемы и перспективы развития городов-спутников в Казанской агломерации: взгляд жителей и экспертов / Д. Д. Хамитов // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 4(71). – С. 53-60.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гарипова Регина Рафисовна,
Гумерова Дина Дамировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В современном обществе наблюдается рост интереса к сектору неформального образования, которое является не только инструментом для поддержания своей конкурентоспособности на рынке труда путем повышения квалификации, знаний и компетенций, но и позволяет освоить совершенно новую профессиональную сферу. В статье представлено мнение специалистов, работающих в данном секторе о преимуществах неформального образования и влияние цифровых технологий, искусственного интеллекта на его развитие.

Ключевые слова: неформальное образование, цифровизация, онлайн-обучение, непрерывное образование.

Феномен обучения на протяжении всей жизни (непрерывное обучение) является приоритетным направлением развития образовательной сферы во многих странах. Одним из пунктов его осуществления на практике служит неформальное образование, которое позволяет не только обращаться к дополнительным программам по необходимым и интересующим сферам во время обязательной профессиональной подготовки, но и продолжить обучение вне формальной системы обучения. По данным опросов ВЦИОМ все больше граждан осознает необходимость постоянно обновлять свои знания и навыки, адаптируясь к быстро меняющимся условиям рынка труда. Так количество людей, которые не занимались развитием своих компетенций, сократилось с 52% в 2019 году до 39% в 2024 году [6].

Цифровое общество меняет представления о традиционной форме образования, трансформируя его под влиянием развития технологий [8]. Общественные изменения, такие как повышение пенсионного возраста, требование постоянного развития навыков и компетенций также актуализирует интерес к неформальному образованию, которое еще не обрело своих четких границ, но активно развивается в соответствии с общественными запросами.

В российском законодательстве термин «неформальное образование» еще не закреплен, что вызывает массу вопросов относительно его сущности, путей и способов реализации. На сегодняшний день существует множество трактовок этого понятия, некоторые исследователи приравнивают его к пониманию дополнительного образования, часть исследователей к самообразованию, что на наш взгляд является не вполне корректным.

Обращаясь к зарубежным работам, мы наблюдаем довольно четкое разграничение понятий формального и неформального образований, поскольку это регламентируется официальными документами. Так, в международной стандартной классификации неформальное образование определяется как «любое организованное и обладающее преимуществом образовательное мероприятие, которое может проходить как в образовательном учреждении, так и за его пределами и охватывать лиц всех возрастов. Программы неформального образования необязательно выстраиваются в систему «лестницы» и могут иметь разную продолжительность» [7]. Неформальное образование – это не просто дополнение или альтернатива к традиционному образованию в рамках учебных организаций, расширяющее кругозор и повышающее уровень знаний человека, это логичное продолжение формального образования, вневременная возможность улучшить собственные навыки, используя имеющийся опыт.

В 90-е годы 20 века в зарубежных образовательных системах полярность этих двух систем стала ещё более заметной. Формальная система обладает «системно-ориентированным характером обучения, когда обучаемые являются пассивными реципиентами знаний, умений и отношений, транслируемых системой образования через преподавателя» [1, с. 133].

Неформальная система более уникальна, она создает знание, конструируемое на собственном опыте обучающегося, поскольку обладает личностно ориентированным характером. Некоторые исследователи указывают на следующее различие – формальное образование организуется «сверху вниз», то есть программы обучения формируются исходя из запросов и потребностей государства и работодателей, неформальное - организуется в интересах самих обучающихся, программы формируются с участием обучающихся на основе согласованных образовательных программ [5].

Таким образом, можно выделить главные отличия неформального обучения от формального и дополнительного. Во-первых, неформальное образование не требует обязательного подтверждения о его прохождении какими-либо дипломами или свидетельствами, так же, как и сами учреждения не обязаны иметь государственную аккредитацию образовательной деятельности. Во-вторых, содержание, методы и формы обучения строго не определены, соответственно и формируется она без координации с программами формального обучения. В-третьих, неформальное образование направлено на расширение кругозора и углубление знаний в самых различных сферах и приобщиться к нему можно вне зависимости от опыта и успешности в обязательном образовании или трудовой деятельности.

Одна из важнейших характеристик, выделяемых Н.Е. Гриценко, – отсутствие единых, стандартизированных требований к результатам этой деятельности, поскольку у участника образовательного процесса, в зависимости от целей обучения, могут быть разные представления о результатах работы – развитие личности в целом, повышение профессионального опыта, получение каких-либо практических умений или другое [2, С. 46]. Итогом обучения часто является выдача сертификата о прохождении курса/тренинга и др., который не приравнивается к диплому, выданному государственным образовательным учреждением, поскольку организации неформального образования в большинстве случаев имеют лицензию на ведение образовательной деятельности, но не обладают государственной аккредитацией, которая подразумевает итоговую аттестацию для получения квалификации.

Таким образом, неформальное образование можно определить как обучение вне формальной системы под руководством профессионального лица, характеризующееся личностно ориентированной целью обучения, большей гибкостью в аспекте времени и места проведения занятий по сравнению с формальными занятиями, в результате которого полученные навыки и знания не обязательно подтверждаются дипломами, а полученная квалификация не позволяет перейти на следующую ступень образования.

Система неформального образования активно развивается совершенствуется, особое влияние оказывает процесс цифровизации. Это влияние обусловлено не только переходом обучения в виртуальное пространство, но и внедрением новых информационных технологий в практику: e-learning (электронное обучение – онлайн-курсы, вебинары, видеолекции, интерактивные учебные материалы), m-learning (мобильное обучение), искусственный интеллект, VR (виртуальное пространство), AR (дополненная реальность) и т.д. Если в рамках формального образования дистанционный формат работы приносит некоторые неудобства, то в неформальном образовании это является лишь большим преимуществом.

Основная технология, используемая преподавателями неформального образования – электронное обучение или e-learning, то есть использование мультимедиа и интернета. В первую очередь, эта технология позволяет организовать учебный процесс в дистанционном формате, что открывает больше возможностей для самих обучающихся в выборе преподавателя, времени и места проведения занятий. Разнообразие во всем, начиная от выбора педагога с любым опытом и стилем работы, заканчивая подачей материала, которая нередко является авторской, – явный плюс неформального образования. Тесно связанное с электронным обучением мобильное обучение (m-learning) охватывает больше организационную часть учебы, поскольку различные мобильные устройства позволяют вовлечься в любой момент, просмотреть материалы и связаться с педагогом. В современных условиях, когда у каждого имеется смартфон с доступом в интернет, онлайн формат обучения действительно облегчает образовательный процесс и открывает множество возможностей.

Особый интерес вызывают массовые открытые онлайн курсы (МООК), появление которых датируется 2008 годом и связывается с именами Дж. Сименс, С. Даунс, Д. Кормье, Б. Александер. МООК способны объединить неограниченное количество людей без какой-либо географической привязки и при своей структурированности и обладании результативностью практически всегда являются бесплатными. МООК являются одной из 30 наиболее перспективных тенденций в развитии образования до 2028 г., согласно ЮНЕСКО по нескольким причинам: способствуют демократизации образования; созданию бесплатных качественных ООР; устраняют территориальные и временные барьеры [4].

Исследование Г.З. Ефимовой продемонстрировало большую вовлеченность в систему неформального образования студенческой молодежи – 89 % респондентов когда-либо проходили обучение в неформальной образовательной среде [3]. Практико-ориентированность неформального обучения подтверждается результатами опроса, вариант «получение практических навыков» (17 %) вошел в топ-3, перед ним расположились «получение дополнительных знаний к уже имеющимся» (27 %) и «приобретение актуальных знаний в короткие сроки» (26 %) в качестве ценных результатов.

С целью изучения конкретных практик неформального образования и оценки перспектив его развития под влиянием цифровых технологий мы провели экспертные интервью со специалистами, задействованными в данной сфере (организаторы и преподаватели онлайн-курсов, n = 12). Среди достоинств и преимуществ неформального образования, информанты особенно выделили гибкость в аспекте времени и места обучения; возможность онлайн-формата; независимость обучения от уровня образования, возраста, пола и других характеристик учащегося; личную мотивацию обучающихся, дружескую атмосферу на занятиях, отсутствие формальностей; активное использование цифровых технологий не только для связи на расстоянии, но и при подготовке, и во время занятий; индивидуальный подход к обучающимся.

Неформальное образование, как и другие сферы обучения, изменяется под воздействием цифровизации. Многие преподаватели в ходе интервью отмечали, что до пандемии работали в очном формате в различных языковых школах или арендуя помещения, однако во время карантина перешли в онлайн формат, чтобы продолжить свою деятельность. За это время они узнали и прочувствовали на своей практике преимущества онлайн-формата как для себя, так и для учеников, поэтому перешли в такой формат работы на постоянной основе. Именно переход на full-time онлайн занятия можно считать ключевой и основополагающей тенденцией неформального образования.

Цифровое образование в первую очередь характеризуется использованием цифровых технологий в процессе обучения. Информанты упоминали чаще всего такие приложения как Zoom – для созвонов с учениками, Migo – общая доска для учителя и ученика, на которой заранее размещается материал по теме урока и задания, «...на ней получается создавать визуально прикольные уроки, интерактивные, насыщенные» (репетитор по английскому языку, стаж 6 лет); Quizlet – для удобного запоминания информации. приложение может использоваться не только для пополнения вокабуляра, но и для изучения и запоминания правил, теорем и прочей информации, EdVibe – лингвистическая платформа для создания и проведения интерактивных уроков по иностранным языкам.

Также в процессе интервью мы затронули вопрос, связанный с использованием искусственного интеллекта в образовательном процессе. Выяснилось, что преподаватели используют его довольно часто. «Да, я лично использую чат GPT очень часто. Я бы даже сказала каждый раз, когда готовлю задание или проверяю задание. То есть, ну, это просто рутинные задачи, которые сильно сокращают время» (репетитор по английскому языку, стаж 5 лет). Любопытной тенденцией в аспекте развития искусственного интеллекта является появление ИИ-тьюторов, которые, как предполагают некоторые ученые, могли бы заменить преподавателей. В начале пандемии с момента введения дистанционного формата поднялся ажиотаж в вопросе о том, что будет с преподавателями, если образование полностью цифровизируется и перейдет в онлайн-формат. Мы обсудили этот вопрос с экспертами, ощущают ли они угрозу со стороны ИИ-тьюторства для своей деятельности. Выяснилось, что информанты не воспринимают

искусственный интеллект как потенциальную угрозу или конкурента. «Если с текстом он работает прекрасно, то в цифрах он делает очень много ошибок, и его нужно постоянно перепроверять» (основатель онлайн-школы по Excel, стаж 5 лет). «Ну, это нужно иметь какую-то невероятную дисциплину, чтобы заставить себя заниматься вот так вот самостоятельно с ИИ-тьютором. Вот поэтому я думаю, что это может быть просто как дополнение к общению, и все-таки ИИ-тьютор не заменит тебе преподавателя в плане того, что у него нет эмоционального интеллекта» (репетитор по английскому языку, стаж 6 лет).

Также было выявлено единодушие среди опрошенных в том, что включение в образовательный процесс искусственного интеллекта и использование цифровых технологий – один из факторов роста популярности неформального образования, поскольку это делает обучение более современным, гибким и интересным для обучающихся, снимает ограничения по времени и месту обучения. Отмечается, что неформальное образование становится все более популярным как у молодежи, так и у более взрослого населения, эффективным способом для получения практических навыков, применимых в реальной жизни. «За невысокую цену за курс можно получить большое количество полезной информации, причем эту информацию можно сразу применить на практике» (основатель онлайн-школы по Excel, стаж 5 лет).

Литература

1. *Бабаева Э.С.* История неформального образования за рубежом // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». – 2015. – №2. – С. 131–137.
2. *Гриценко Н.Е.* Неформальное образование в современных условиях // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2017. – № 3. – С. 45–47.
3. *Ефимова Г.З.* Парадоксы неформального образования студенческой молодежи / Г.З. Ефимова, Е.В. Зюбан, М.Н. Кичерова, Е.О. Муслимова // Интеграция образования. – 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 303–321.
4. *Тимова С.В.* Массовые открытые онлайн-курсы в российском образовании: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С.53–65.
5. *Jeffs T., Smith M.K.* Using Informal Education. An alternative to casework, teaching and control? – Milton Keynes: Open University Press, 1999. – 120 p.
6. ВЦИОМ. Обучение длиною в жизнь. 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1> (дата обращения 13.01.2025).
7. Меморандум непрерывного образования Европейского союза. 2001. – URL: <https://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 10.12.2024).
8. *Закиров А.М., Шамсутдинова И.И.* Цифровая социализация студенческой молодежи: подходы, принципы, уровни // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 4 (71). – С. 35-44.
9. *Ефлова М.Ю., Гимадеева Д.Р.* Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 6. – С. 15–22.
10. *Ефлова М.Ю., Максимова О.А.* Социальная эксклюзия в контексте новой нормальности: концептуализация подхода к исследованию // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53). – С. 36–41.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДА

**Ефлова Мария Юрьевна,
Абдульязнов Артур Рашидович,
Хамитов Данил Динарович**

Производственное объединение «Зарница», Казань, Россия

Аннотация. В статье представлена авторская модель сетевого взаимодействия в дорожно-транспортном пространстве в ракурсе его безопасности, в которую входят инфраструктурная сеть, институциональная сеть и социокультурная сеть.

Ключевые слова: транспортная система города, мегаполис, сетевое взаимодействие.

Введение. Транспорт – один из важнейших структурных элементов мегаполиса, его ключевой механизм жизнеобеспечения всех потребностей населения: экономических, политических, духовных, социальных. Всесторонние комплексные исследования транспортной системы сегодня представляются очень актуальными для России в условиях разрабатываемых программ реконструкции и развития различного вида транспорта. Однако их решение, на наш взгляд, возможно на базе решения не только технических и технологических проблем его функционирования, но, прежде всего, на основе переосмысления методологического аспекта функционирования транспортной системы. На наш взгляд, успех реализации программ совершенствования и развития транспортной системы во многом определяется выбором методологического подхода к анализу транспортной системы.

Ключевой идеей авторской модели сетевого взаимодействия выступает следующее: социальные практики транспортной мобильности в аспекте безопасности обеспечиваются социальными взаимодействиями, причем часть из них являются социальными на уровне «актор – актор» и описываются в русле классической социологии, другая часть – гибридными (социотехническими) на уровне «актор – актант» (последние анализируются в русле современных социологических теорий Б. Латура, М. Каллона, Дж. Ло, Дж. Урри) [1–3]. Эти социальные практики транспортной мобильности осуществляются благодаря социальному взаимодействию акторов и актантов внутри одной сети, также они могут вступать в интеракции с акторами и актантами других сетей (рисунок 1).

Первая сеть – инфраструктурная – включает в себя в качестве акторов всех работников служб, связанных со строительством и обслуживанием дорожно-транспортной инфраструктуры, в качестве актантов – городской транспорт различного типа, сооружения, дороги, дорожно-строительные и автотранспортные предприятия, которые обеспечивают возможность транспортных перемещений индивидов в дорожно-транспортном пространстве.

Взаимодействия акторов и актантов в рамках данной сети являются гибридными (социотехническими) на уровне «человек – дорога». Эмпирическими индикаторами безопасности инфраструктурной сети выступают количество, протяженность и плотность дорог, качество дорожной инфраструктуры, уровень автомобилизации, состояние личного и общественного автотранспортного парка.

Вторая сеть – институциональная – отражает деятельность социальных институтов, включающих в себя учреждения, которые определяют устойчивые формы социального поведения и действия участников дорожного движения в соответствии с социальными нормами. Актантами в данной сети выступают органы власти и управления, государственная инспекция безопасности дорожного движения, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения, автошколы, средства массовой информации и др. Принципиально важно различать сотрудников вышеназванных организаций, выступающих в роли акторов, от ведомств, в которых они работают, в связи с тем, что в первом случае применяются субъективные

индикаторы – оценки населения, во втором – объективные – статистические отчеты о деятельности. В институциональной сети социальные взаимодействия осуществляются на уровне «человек – социальный институт».

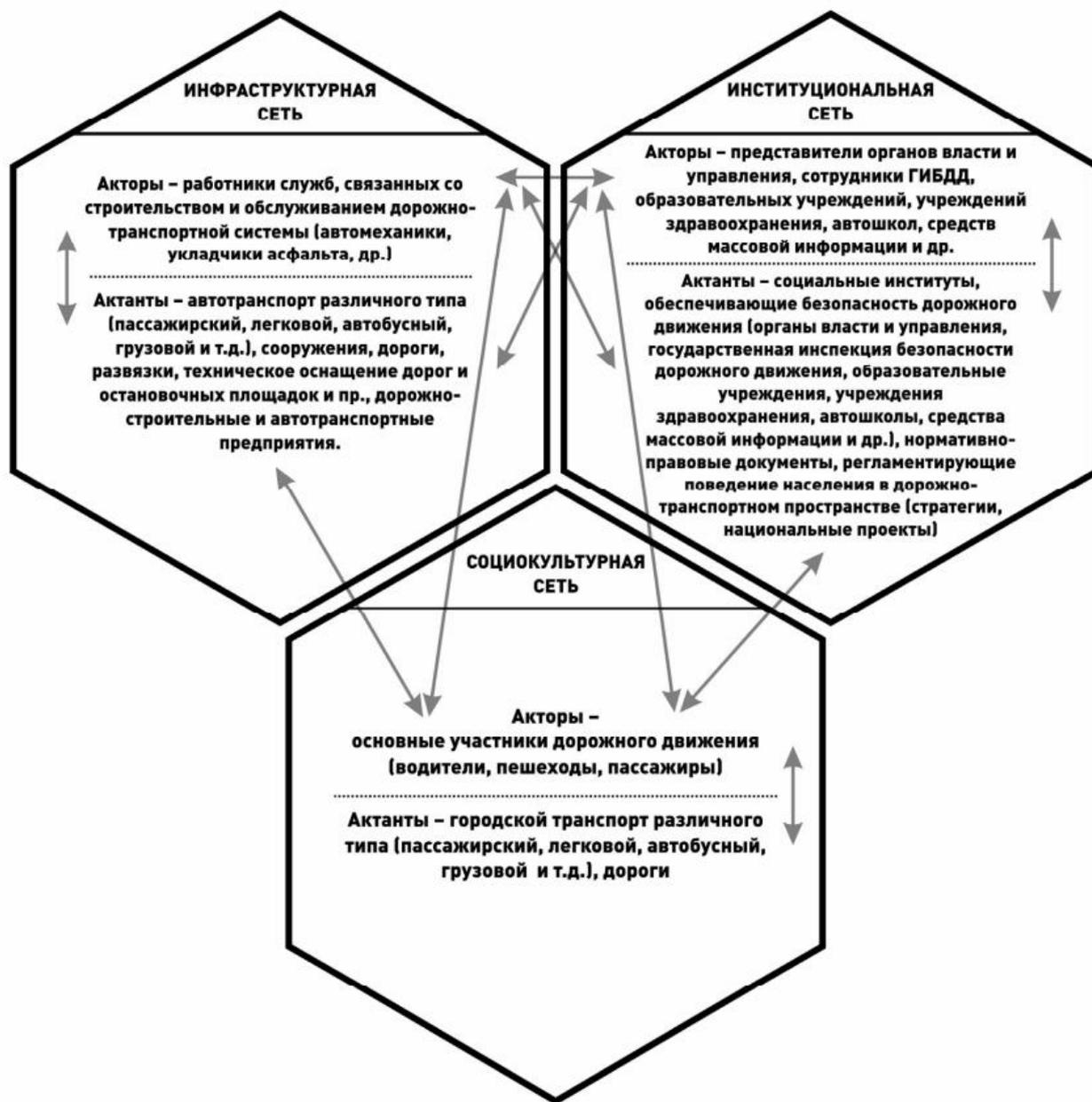

Рис. 1 – Авторская модель сетевого взаимодействия в дорожно-транспортном пространстве в ракурсе его безопасности

Каждый актер институционального уровня реализует определенные функции и целевые установки в направлении обеспечения безопасности дорожного движения на основе нормативно-правовых документов, регламентирующих поведение населения в дорожно-транспортном пространстве (правила дорожного движения, стратегии, национальные проекты), таким образом взаимодействуя с актантами.

В направлении более предметной реализации широкого спектра задач в области обеспечения безопасности дорожного движения выделен комплекс социальных функций ГИБДД, в который входят: витальная (жизнеобеспечение, защита жизни и здоровья людей), социально-экономическая (снижение материальных издержек общества, являющихся следствием состояния безопасности дорожного движения), социально-культурная (воспроизводство образца).

Выделение институциональной сети подразумевает измерение безопасности дорожно-транспортной системы по таким индикаторам, как:

1) результаты деятельности государства по обеспечению безопасности дорожного движения; 2) административные санкции и их эффективность; 3) соотношение вины и наказания; 4) деятельность профильных дорожно-транспортных служб; 5) качество подготовки водителей в автошколах. Оценка безопасности институциональной сети дорожно-транспортного пространства является субъективной, основана на оценках населения и экспертов.

В третью – социокультурную – сеть входят основные участники дорожного движения (водители, пешеходы, пассажиры) – акторы, индивидуальное и коллективное поведение которых определяет, насколько эффективно будет функционировать дорожно-транспортная система. Значимым является то обстоятельство, что указанные индивиды становятся акторами дорожно-транспортного пространства лишь при условии наличия актантов (городской транспорт различного типа – пассажирский, легковой, автобусный, грузовой и т. д., дороги), однако в рамках данной сети речь идет только о взаимодействии «человек – человек», что обуславливает отсутствие взаимодействий актантов социокультурной сети с актантами других сетей.

В диссертации подчеркивается, что понимание безопасности дорожного движения как проблемной ситуации во многом зависит от ее восприятия участниками дорожного движения в соответствии с их целями, представлениями, нормами, что определяется установками и ценностными ориентациями на безопасное поведение, уровнем развития культуры дорожно-транспортной безопасности. Социологическими индикаторами социокультурной сети выступают соблюдение правил дорожного движения его участниками, оценка поведения пешеходов и водителей на дорогах, оценка взаимодействия участников дорожного движения. Динамические характеристики перемещений позволят зафиксировать характерные тенденции транспортного поведения, усредненные размеры движения акторов дорожно-транспортной системы.

Литература

1. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
2. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–43.
3. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
4. *Белоногов В.А., Байбаков Э.И., Гузельбаева Г.Я., Егорова Л.Г., Ефлова М.Ю.* Экологические проблемы г. Казани в сознании населения города // Экологический консалтинг. – 2005. – № 1 (17). – С. 10–16.
5. *Ефлова М.Ю., Минзаринов Р.Г.* Концептуализация феномена социального исключения в социологических теориях // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 3 (26). – С. 30–34.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЛОГИКЕ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ БУДУЩЕГО

Закиров Аяз Маратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Рассматривается эволюция правового регулирования цифровой социализации студенческой молодежи через призму цифровой инклюзии будущего. Предложена пятиэтапная периодизация и выделены ключевые риски и перспективы для образовательной политики и рынка труда.

Ключевые слова: цифровая социализация, цифровая инклюзия, цифровой разрыв, правовое регулирование, молодежь, цифровая компетентность, платформенная занятость.

Цифровая трансформация переводит существенную часть социализационных процессов в онлайн-среду: коммуникации, идентичности, профессиональные ожидания и траектории занятости формируются в гибридной (онлайн/офлайн) логике. В этой ситуации цифровая инклюзия будущего становится не только задачей расширения доступа к инфраструктуре, но и задачей включения в «нормативно безопасные» цифровые практики, обеспечивающие устойчивую образовательную и профессиональную мобильность.

Для студенческой молодежи цифровая среда выступает одновременно пространством образовательных сервисов, площадкой формирования социального капитала и каналом «первичного входа» в рынок труда через платформы, стажировки, микроквалификации и сетевые сообщества. Следовательно, правовое регулирование влияет не просто на технологическую модернизацию образования, а на параметры цифровой социализации: допустимые практики, режимы безопасности, требования к компетенциям, форматы сертификации и признания результатов обучения.

Цель статьи — теоретически обосновать анализ правового регулирования цифровой социализации и представить пятиэтапную периодизацию его эволюции, показав, какие тенденции, риски и перспективы она задает для цифровой инклюзии будущего.

1. Социализация как механизм воспроизводства и изменения. В классической трактовке социализация понимается как усвоение норм и смыслов, позволяющих индивидам участвовать в социальных институтах и поддерживать социальный порядок. В традиции социального конструктивизма реальность повседневности задается институциональными «рецептами» поведения, которые закрепляются через легитимацию и типизацию практик [1]. При этом социализация не является механическим «встраиванием»: актер способен переопределять нормы, используя ресурсы среды.

2. Агентность и структура: от дисциплинарной нормы к рефлексивному действию. Для анализа цифровой социализации продуктивны подходы, удерживающие двуединство структуры и действия. В концепции структуриации социальные правила и ресурсы выступают одновременно ограничениями и средствами действия; акторы воспроизводят структуры, действуя в них, но также могут их изменять [2]. Параллельно «габитусные» объяснения показывают, что практики укоренены в диспозициях и формах капитала, включая культурный и социальный [3]. В цифровой среде эти капиталы «перекодируются»: важным становится платформенный социальный капитал (сети контактов), репутационные метрики, навыки управления цифровой идентичностью.

3. Цифровая среда как новая институциональная конфигурация. Сетевое общество характеризуется тем, что ключевые потоки (информация, коммуникации, ценность) организуются через сети, а власть и возможности распределяются по логике доступа к сетям и компетенциям участия [4]. Для молодежи это означает, что цифровая социализация включает освоение «сетевой грамотности»: умение действовать в цифровых публичностях, в

образовательных и профессиональных сообществах, и одновременно – управление рисками (приватность, манипуляции, репутационные потери).

4. Цифровая инклюзия: от доступа к «эффективному использованию». Цифровая инклюзия в современной науке описывается как многоуровневый процесс: (а) доступ к инфраструктуре, (б) навыки и мотивация использования, (в) качество и результативность использования, включая социальные и экономические эффекты [5]. Здесь цифровая социализация выступает «мостом» между доступом и результатом: именно она превращает техническую подключенность в социально продуктивное участие.

5. Правовое регулирование как «архитектура возможностей». Право в цифровой сфере работает не только как запрет/разрешение, но и как конструктор институциональной архитектуры: оно задает стандарты, обязанности операторов и организаций, режимы данных, требования к образовательным результатам, механизмам оценки и признания. Следовательно, анализ правового регулирования цифровой социализации должен учитывать: какие практики стимулируются, какие ограничиваются, как распределяется ответственность за риски (государство – образовательная организация – платформа – пользователь) [10].

В статье используется аналитическая периодизация, основанная на идее смены доминирующих регуляторных приоритетов. В качестве критерия этапов выступают:

– фокус регулирования (инфраструктура / компетенции / рынок труда / безопасность / проактивность);

– тип институционального механизма (стандарты, стратегии, платформенные решения, контроль качества);

– ожидаемый результат цифровой инклюзии (доступ → осмысленное использование → профессиональная применимость → устойчивость и безопасность).

Этапы правового регулирования цифровой социализации студенческой молодежи.

Этап 1. Формирование правовых и организационных основ цифровизации (2000–2008).

На раннем этапе регуляторная логика преимущественно инфраструктурная: цифровые решения воспринимаются как инструмент модернизации управления и поддержки образовательного процесса. В терминах цифровой инклюзии доминирует задача “подключения”: преодоление технологических барьеров и начальное внедрение ИКТ. Риск этапа – редукция инклюзии к доступу: при наличии инфраструктуры сохраняются различия в практиках использования и в образовательных результатах [5].

Этап 2. Институционализация цифровых компетенций (2009–2012).

Фокус смещается к компетентностной рамке: цифровые навыки начинают восприниматься как обязательный элемент образовательного результата и предпосылка конкурентоспособности выпускника. Здесь регулирование фактически «встраивает» цифровую социализацию в образовательные траектории: не только пользоваться технологиями, но и применять их для обучения и коммуникации. Ключевой риск – формализация компетенций: декларативное включение цифровых результатов без изменения практик обучения и оценки [11].

Этап 3. Системная интеграция цифровизации образования и экономики (2013–2020).

Регулирование усложняется: цифровая социализация связывается с задачами развития человеческого капитала и адаптации к цифровой экономике.

Усиливается роль платформ, электронных образовательных сред, дистанционных форматов и механизмов взаимодействия с работодателями.

В логике сетевого общества это этап, где возрастает значимость «сетевого капитала» и способности студента конвертировать цифровые практики в образовательные и профессиональные преимущества [4]. Риск – рост неравенства по результатам: те, кто обладает более высоким культурным и социальным капиталом, быстрее извлекают преимущества из цифровых платформ, усиливая дифференциацию [3].

Этап 4. Управление качеством, рисками и безопасностью цифровой среды (2021–2024).

На этом этапе ключевыми становятся устойчивость и безопасность цифровых практик: цифровая социализация включает этику, информационную безопасность, критическую оценку информации, понимание платформенных механизмов влияния. Регуляторный запрос

усиливается на фоне расширения онлайн-форматов, роста платформенной занятости и усложнения цифровых рисков.

Здесь цифровая инклюзия трактуется как способность участвовать в цифровой среде без уязвимости: «инклюзия без безопасности» становится институционально опасной моделью.

Этап 5. Проактивная адаптация образования к динамике рынка труда (с 2025 г.)

Доминирующей становится логика опережающей настройки образования под изменения рынка труда: микро-квалификации, гибкие траектории, практико-ориентированные модули, подтверждение результатов обучения, партнерство с работодателями. Цифровая социализация в этой рамке ориентирована на преобразование цифровых практик в профессиональную компетентность и занятостную устойчивость.

Риск – «гонка за рынком»: если регулирование будет реагировать постфактум, несоответствие между образовательными программами и требованиями экономики сохранится.

Тенденции и риски цифровой инклюзии будущего.

1. Переход от «цифрового доступа» к «цифровой субъектности». Инклюзия будущего требует не только подключения, но и способности действовать как субъект: выбирать траектории обучения, управлять цифровой идентичностью, критически оценивать информацию и защищать данные. Это напрямую связано с концепцией агентности [2] и не сводится к технической грамотности.

2. Усложнение цифрового разрыва: разрыв по результатам. Даже при формально равном доступе сохраняется неравенство в эффектах цифрового участия: разные группы студентов получают разные образовательные и профессиональные дивиденды от цифровых практик [5]. Это соответствует тезису о преобразовании капитала: культурный и социальный капиталы по-разному конвертируются в цифровой [3].

3. Риск «иллюзии компетентности» и нормативной уязвимости. Повседневная цифровая активность может маскировать дефицит критического мышления и безопасности. Для образовательной политики это означает необходимость смещения акцента с «использования» на «ответственное и результативное использование».

4. Платформизация обучения и труда как фактор регуляторного давления. Платформы одновременно расширяют доступ и усиливают асимметрию: алгоритмическое управление, непрозрачные правила, новые формы контроля и зависимость от репутационных метрик. Следовательно, правовое регулирование должно обеспечивать баланс: стимулировать инновации и защищать участников образовательных и трудовых отношений.

Перспективы: как усилить цифровую инклюзию через регулирование.

Практически значимыми выглядят три направления, согласующиеся с логикой пяти этапов.

1. Нормативное закрепление «результативной» цифровой компетентности, включающей безопасность, критическое мышление и этику цифрового участия, а не только технические навыки.

2. Институциональные механизмы сопряжения «вуз—рынок труда»: проектное обучение, верифицируемые микро-квалификации, участие работодателей в формировании модулей и оценке результатов.

3. Поддержка уязвимых групп и снижение разрыва по результатам: адресные образовательные траектории, наставничество, доступ к качественным цифровым ресурсам и сервисам.

В совокупности это переводит цифровую инклюзию из состояния «наличия возможностей» в состояние «использования возможностей с измеримым эффектом».

Пятиэтапная периодизация показывает: эволюция регулирования цифровой социализации движется от инфраструктурной логики к компетентностной, далее – к интеграции с рынком труда, затем – к управлению качеством и рисками и, наконец, к проактивной адаптации образования. Для цифровой инклюзии будущего ключевой вывод состоит в том, что равный доступ к технологиям не равен равной включенности: инклюзия становится устойчивой только при наличии цифровой субъектности, институциональной поддержки и нормативно обеспеченной безопасности цифровых практик.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 324 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2005. – 525 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл. – СПб.: Алетея, 2001. – 562 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Van Dijk J. The deepening divide: inequality in the information society. – London: SAGE, 2005. – 240 p.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2020/11/federalnyj-zakon-ot-29-dekabrya-2012-g-n-273-fz-ob-obrazovanii-v-rossijskoj-fede.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 01.11.2024).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 01.11.2024).
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года). – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 01.11.2024).
10. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Практики активности российской молодежи в цифровой среде // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 6 (63). – С. 59–70.
11. Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. Современная молодежь как актор креативного класса // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 1 (58). – С. 31–35.

УДК 316.44

ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО СТУДЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ: МОТИВАЦИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И БАРЬЕРЫ

Кокулов Андрей Федорович

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, Саранск, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровых навыков и проявлений цифрового неравенства среди студентов региональных вузов на основе опроса 477 респондентов из Саранска, Пензы и Чебоксар. Показано, что при равном техническом доступе различия возникают не на уровне инфраструктуры, а на уровне целей цифровой активности, учебной мотивации и уверенности в собственных навыках. Цифровая среда выступает пространством, где формируются устойчивые поведенческие различия: одни студенты используют технологии как инструмент профессионального и образовательного роста, другие – преимущественно в развлекательных и бытовых целях. Особое внимание уделено связи цифровых практик с успеваемостью, направлением подготовки и субъективными барьерами развития компетенций. Делается вывод о том, что цифровое неравенство принимает форму разрыва между активными и пассивными моделями цифрового участия, что требует от вузов пересмотра подходов к формированию цифровых компетенций и расширения условий для их практического применения.

Ключевые слова: цифровые навыки, цифровое неравенство, цифровые практики.

Введение.

Современная исследовательская литература подчёркивает, что цифровое неравенство среди студентов больше не определяется наличием устройств, а формируется на уровне целей и практик использования технологий. Golden и соавторы показывают, что различия усиливаются именно из-за неодинаковой способности применять цифровые ресурсы в учебной деятельности, тогда как технический доступ у студентов практически выровнен [1]. Аналогичную позицию занимает Van de Werfhorst: цифровая образовательная среда воспроизводит неравенства, если студенты различаются по цифровой подготовке и учебной мотивации [2].

Ben Youssef связывает успешность цифровой активности с академической включённостью: мотивированные студенты осваивают цифровые инструменты глубже и используют их для саморазвития [3]. Исследования Livingstone уточняют, что молодёжь уверенно владеет базовыми инструментами, но различается в информационной грамотности и способности применять технологии для сложных учебных задач [4].

Российские данные подтверждают эту тенденцию: цифровое неравенство проявляется как различие в цифровых стратегиях, а не в оборудовании. Шевченко отмечает, что значительная часть студентов использует цифровую среду преимущественно для общения и развлечений, что снижает образовательную эффективность цифровых технологий [5]. Литвинкина указывает, что региональный контекст дополнительно усиливает разрыв между учебно ориентированным и развлекательным цифровым поведением [6].

Эти выводы задают основу для анализа цифровых практик студентов региональных вузов и позволяют рассматривать цифровое неравенство как различие моделей цифрового участия, а не как технологическую проблему.

Результаты исследования.

Несмотря на то, что смартфоны и компьютеры есть практически у всех, цифровые практики студентов различаются довольно резко. Экранное время, цели использования и учебная активность распределяются по направлениям подготовки неравномерно.

Таблица 1

Среднее экранное время по направлениям (в часах)

Направление	Пенза	Саранск	Чебоксары
Гуманитарные	7,1	7,2	7,1
Технические	7,8	5,7	6,1
Социальные	7,1	5,6	6,1
Медицинские	—	6,6	7,1

Цели использования смартфона и ПК различаются не только по устройству, но и по направлению подготовки и учебным установкам. Именно цели определяют цифровой «след» студента – то, какой практический опыт он получает.

Таблица 2

Цели использования устройств (%)

Цель	Смартфон	ПК
Учёба	81	77
Самообучение	60	49
Просмотр контента	73	48
Общение	94	43
Игры	29	29

Успеваемость отчётливо разделяет студентов на тех, кто активно использует цифровую среду для образования, и тех, кто чаще обращается к развлекательным форматам. Отличники заметно чаще занимаются самообучением, ищут информацию и используют цифровые ресурсы для научных задач.

Таблица 3

Цифровая активность по успеваемости (%)

Цифровая задача	Отлично	Хорошо	Удовлетворительно
Научная работа	40,4	21,4	7,7
Самообучение	51,9	44,1	35,7
Учёба в целом	82,7	74,5	61,5
Игры	30,8	42,9	46,2

Хотя технических ограничений становится всё меньше, барьеры не исчезают. Их характер меняется: теперь они связаны не с устройствами, а с организацией времени, нехваткой средств и цифровой неуверенностью.

Таблица 4

Барьеры развития цифровых навыков (%)

Барьер	Доля
Нехватка времени	58,9
Высокая стоимость курсов	31,8
Технические ограничения	23,4
Неуверенность в навыках	18,7
Отсутствие мотивации	20,6

Обсуждение.

Полученные данные показывают: цифровое поведение студентов – не механический набор действий, а выражение их образа жизни, учебных привычек и мотивации. Знать, как устроено меню смартфона – недостаточно. Цифровая включённость проявляется в том, что студент делает в сети, какие цели ставит, как распределяет усилия.

Именно поэтому цифровое неравенство остаётся актуальным: оно переходит из материальной сферы в поведенческую и мотивационную. Одни студенты живут в цифровой среде как в пространстве возможностей. Другие – как в пространстве отдыха. И это различие влияет на их будущие профессиональные шансы куда сильнее, чем модель телефона или скорость интернета.

Заключение.

Исследование 477 студентов из трёх региональных вузов показывает: цифровое неравенство проявляется в различиях целей, учебных стратегий и цифровой уверенности. Устройства есть у каждого, а вот цифровой опыт формируется не одинаково.

Чтобы уменьшить этот разрыв, вузам необходимо:

- Развивать цифровые компетенции через практику, а не теорию;
- Усиливать обучение профильному ПО на разных направлениях;
- Поддерживать студентов с низкой цифровой уверенностью;
- Делать цифровые курсы доступными по времени и формату.

Цифровые навыки становятся новой формой образовательного капитала, и важно, чтобы этот капитал был доступен каждому студенту.

Литература

1. Golden A.R., Srisarajivakul E.N., Hasselle A.J., Pfund R.A., Knox J. What was a gap is now a chasm: remote schooling, the digital divide, and educational inequities resulting from the COVID-19 Pandemic // Current opinion in psychology. – 2023. – № 52. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X23000775?via%3Dihub> (дата обращения: 24.10.2025).
2. Van de Werfhorst H.G., Kessenich E., Geven S. The digital divide in online education: inequality in digital readiness of students and schools // Computers and education open. – 2022. – № 3. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666557322000295> (дата обращения: 24.10.2025).
3. Ben Youssef A., Dahmani M., Ragni L. ICT use, digital skills and students' academic performance: exploring the digital divide // Information. – 2022. – Volume 13. – Issue 3. – № 129.
4. Livingstone S., Mascheroni G., Stoilova M. The outcomes of gaining digital skills for young people's lives and wellbeing: a systematic evidence review // New media & society. – 2023. – Volume 25. – Issue 5. – P. 1176–1202.
5. Литвинкина Е.Д. Цифровое неравенство как форма социальной и экономической дифференциации современного общества // Скиф. – 2023. – № 3 (79). – С. 304–309.
6. Шевченко О.М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. – 2023. – № 1. – С. 54–65.

УДК 316.42

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СОАВТОР: ЭТИКА И БУДУЩЕЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Подгорная Алла Игоревна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается трансформация роли искусственного интеллекта в креативных индустриях. Анализируются этические, правовые и социально-экономические вызовы, возникающие в связи с интеграцией генеративных нейросетей в творческие процессы. Особое внимание уделяется проблемам авторства, оригинальности, ответственности за контент и смещения профессиональных ролей. Цель статьи – систематизировать ключевые подходы и инициировать дискуссию, касающуюся нового этапа цифрового творчества. На основе междисциплинарного анализа делается вывод, что будущее не предполагает противопоставление человека и искусственного интеллекта, а предполагает разработку новых форм взаимодействия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, креативные индустрии, цифровая этика, генеративные модели, соавторство, будущее труда, творчество.

В связи с развитием в области программирования и обучения нейросетей всё большие обороты набирает в последнее время применение искусственного интеллекта в различных сферах деятельности: творчестве, науке, образовании и т. д. Например, министерство экономического развития России определило десять приоритетных направлений исследований в сфере искусственного интеллекта, такие как: архитектура и алгоритмы машинного обучения, вычисления и данные для искусственного интеллекта, фундаментальные и генеративные модели, взаимодействие человека и искусственный интеллект, а также прикладные исследования для науки, образования и социальной сферы. Развитие технологий искусственного интеллекта, особенно генеративных моделей глубокого обучения (таких как GPT, Stable Diffusion, DALL-E, Midjourney) предполагает изменение взгляда на возможности креативных индустрий. Искусственный интеллект заслужил доверие в выполнении вспомогательных функций (обработка, рекомендации, аналитика). Этический вопрос его применения и будущего креативных

индустрий возник, как только он научился самостоятельно генерировать сложные, эстетически значимые компоненты по текстовому промпту пользователя [2, с. 45]. Это кардинально меняет однозначное восприятие искусственного интеллекта исключительно как инструмента. Создается ощущение свидетельствования феномена «машинного творчества». В научной дискуссии сформировались не однозначные взгляды на роль искусственного интеллекта, от инструментальной до признания его соавторской функции и даже оценки как потенциальной угрозы традиционному творчеству [4, с. 76].

Действующие правовые системы и этические кодексы не предусматривают ситуации, когда алгоритм претендует на соавторство. Например, «Белая книга искусственного интеллекта» ставит во главу угла человека и ответственность за его применение разделяет между пользователем и разработчиком. [1]. Разработчики считают искусственный интеллект инструментом, успешность, этичность применения которого зависит от пользователя. В том числе, забирая рутинную работу и оставляя креативную деятельность человеку. Например, искусственный интеллект может вдохновлять человека, предлагая ему варианты решений, из которых он впоследствии создаст свое. При таком использовании можно говорить о получении знаний, умений, навыков более высокого порядка. Но это идеальный вариант применения искусственного интеллекта. В данном случае, вопросом этики будет ссылка на используемую генеративную модель.

Традиционно технологии в искусстве рассматривались через призму медиума – как средства передачи или усиления человеческого замысла. Современные генеративные модели не просто обрабатывают входные данные, а осуществляют синтез нового контента, состоящего из миллионов творческих работ людей [3, с. 112]. Таким образом, искусственный интеллект предлагает варианты, развивает идеи и даже предлагает неожиданные творческие решения, не заложенные изначально пользователем. Как отмечает В.А. Москвичев, эта трансформация вызывает полярные оценки: для одних искусственный интеллект это мощный инструмент, расширяющий палитру возможностей, для других – угроза уникальности человеческого творчества, а для третьих – равноправный соавтор в гибридных проектах [4, с. 77]. Роль искусственного интеллекта – предложить варианты решений, а человека – отобрать подходящие варианты, вдохновиться на новые задачи по доработке.

Проблема оригинальности также остается дискуссионной. ИИ создает работы путем статистической интерполяции существующих стилей и элементов. Это ставит под вопрос, можно ли считать уникальным сочетание, сгенерированное по вероятностным законам. Отсутствие прозрачности в составе обучающих данных усугубляет эти вопросы, делая невозможным установление происхождения тех или иных художественных решений. Искусственный интеллект также мощный инструмент для науки, но его применение требует пересмотра этических стандартов. Только баланс между инновациями и академической честностью позволит сохранить доверие и актуальность научных исследований [5, с. 617].

Трансформация профессиональных ролей в креативных индустриях неизбежна. Исчезновение рутинных задач (ретушь, верстка, написание шаблонных текстов) высвобождает время для концептуальной работы, но одновременно создает риски массового вытеснения специалистов среднего уровня. Как справедливо указывает В.А. Москвичев, подобная двойственность требует переосмысления системы подготовки кадров и социальной защиты творческих работников в условиях новой технологической реальности [4, с. 78]. Возникает спрос на новые профессии: «промпт-инженер», «AI-куратор», «этический аудитор алгоритмов». Исполнение становится менее затратным, а контроль качества – более.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в креативные индустрии носит необратимый характер, что делает необходимым принятие этических и правовых решений. Будущее не предполагает противопоставление человека и искусственного интеллекта, а предполагает разработку новых форм взаимодействия. Этический императив заключается в обеспечении справедливости по отношению к авторам, чьи работы используются для обучения, прозрачности алгоритмических процессов и минимизации социальных рисков. Креативные индустрии стоят на пороге переосмысления самой сущности творчества. Результат будет

зависеть от способности социума к инклюзивному диалогу, междисциплинарным исследованиям и своевременной адаптации нормативных систем.

Литература

1. Белая книга искусственного интеллекта. – URL: <https://ethics.a-ai.ru/white-book/> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Смирнов А.В., Козлова Е.Д. Генеративный искусственный интеллект в цифровом искусстве: новые вызовы авторскому праву // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 4. – С. 44–58.
3. Miller A.I. The artist in the machine: the world of ai-powered creativity. – Cambridge: The MIT Press, 2020. – 305 p.
4. Москвичев В.А. Искусственный интеллект в креативных индустриях: соавтор, инструмент или угроза // Актуальные исследования. – 2025. – № 50. – С. 76–79.
5. Podgornaya A.I., Sagdatullina A., Shibanova N., Shustova E.V. Ethics of using ai in writing student research papers // Lecture notes in networks and systems. – 2025. – Volume 1552. – P. 613–617.
6. Воробьев Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 3 (70). – С. 46–53.

УДК 316.47

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БРАЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

Усова Арюна Эдуардовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена изучению интернета как социального пространства для формирования новых брачных стратегий. Автор рассматривает уникальные черты интернета как инструмента формирования брачных стратегий, этапы коммуникации и его роль в трансформации института брака и семьи.

Ключевые слова: интернет, онлайн-знакомства, брачные стратегии, институт брака, семья, партнер.

В настоящее время интернет является неотъемлемой частью общественной жизни, который значительно изменил межличностные взаимодействия. Трансформации коснулись и вопроса выбора брачной стратегии, когда виртуальные площадки (сайты и приложения для знакомств, мессенджеры, социальные сети) стали инструментом поиска брачного партнера с дальнейшей целью построения семьи [2].

Традиционно брачные стратегии изучались в контексте социологии семьи и гендерных теорий. Брачная стратегия представляет собой совокупность мер, усилий, предпочтений и ожиданий, которыми индивид руководствуется при выборе будущего супруга [5]. Большое влияние на формирование брачной стратегии оказывают институты семьи и религии, социальное окружение, социальные нормы, традиции и т.д.

В рамках концепции социального конструкционизма отношения между партнерами создаются в ходе социального взаимодействия, обусловленные определенным контекстом коммуникации. Интернет выступает в качестве специфического поля, которое открывает перед индивидом новые возможности – ускорение знакомства, разнообразные способы самопрезентации, широкий круг потенциальных брачных партнеров и т. д. То есть, интернет позволяет корректировать брачные стратегии с позиции оптимизации времени и критериев поиска, фильтрации. Согласно теории сетевого общества М. Кастельса, социальные связи под влиянием

информационных технологий видоизменяются, становятся гибкими, но при этом поверхностными [1].

Интернет, являясь социальным пространством, которое оказывает влияние на формирование брачных стратегий, характеризуется увеличением числа потенциальных партнеров, анонимность, возможность формировать собственный образ. Вместе с этим, отметим, что онлайн-знакомства используются не только для поиска партнера для создания семьи в последующем, так и для общения, флирта, поиска друзей.

Брачная стратегия посредством использования интернета формируется в три этапа [3]:

– самопрезентация включает в себя создание цифрового образа, транслирующий желаемые индивидом качества. Ввиду этого, зачастую реальный образ человека очень сильно отличается от цифрового;

– выбор партнера происходит посредством использования различных фильтров, критериев совместимости и индивидуальных предпочтений. Онлайн-знакомства в определенной степени рационализуют брачное поведение, поскольку процесс поиска сводится к набору определенных параметров;

– взаимодействие / общение осуществляется под контролем виртуальной реальности, нередко не перетекающих в реальную жизнь.

Между тем, интернет будучи пространством для формирования брачных стратегий вызывает неоднозначное отношение. Безусловно, онлайн-знакомства стирают границы – социокультурные, территориальные, увеличивают круг потенциальных партнеров вне зависимости от статуса / возраста / материального положения. Однако, с другой стороны, онлайн-знакомства наделяют отношения прагматичностью, в связи с чем снижается их устойчивость, сокращается длительность и обесценивается их значимость. При этом, большую роль в онлайн-знакомствах играет социальный капитал, характеризуемый качеством и количеством связей в интернет-пространстве. Так, пользователи, обладающие высоким уровнем онлайн-активности, значительно чаще формируют устойчивые связи, в том числе брачные [4].

Таким образом, мы видим, что интернет выступая в качестве социального пространства формирует новые брачные стратегии, которые сосуществуют вместе с традиционными. Также интернет предоставляет новые возможности для презентации своего образа, расширяет выбор и облегчает поиск партнера. Однако при всех положительных аспектах, интернет многократно усиливает рационализацию, индивидуализацию и прагматичность, что приводит к частой смене партнеров и коротким отношениям. Интернет, становится инструментом формирования новых форм партнерства, трансформируя существующие ценности и нормы института брака и семьи.

Литература

1. *Castells M.* Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // *The network society: a cross-cultural perspective* / edited by M. Castells. – Cheltenham, Northampton: MA Elgar, 2004. – P. 3–49.
2. Онлайн-знакомства, или Романтика в цифровую эпоху. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/onlain-znakomstva-ili-romantika-v-cifrovuju-ehpokhu> (дата обращения: 01.11.2025).
3. *Тырнова Н.А., Миронова Ю.Г.* Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ // *Социология*. – 2017. – № 4. – С. 32–35.
4. Роль технологий и социальных сетей в формировании отношения к браку. – URL: <https://www.b17.ru/article/518642/?ysclid=mhoown0iws590978605> (дата обращения: 01.11.2025).
5. *Ярушина К.А.* Брачная стратегия как элемент современной гендерной культуры // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. – 2021. – № 2. – С. 106–112.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ (ПО ОЦЕНКАМ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА)

**Хурамшина Айгюль Зуфаровна,
Рустамова Гульшат Махмудовна,
Талибова Фарида Тагировна**

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. На основе массового социологического опроса показаны оценки населения Республики Татарстан влияния глобального информационного пространства Интернет и искусственного интеллекта на формирование семейно-демографических установок детей и молодежи. Выявлено различие в оценках в зависимости от возраста и доходов респондентов: самые молодые и самые старшие татарстанцы, а также имеющие относительно высокие доходы, склонны более высоко оценивать роль цифровых технологий на становление матримониальных и репродуктивных установок.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет, искусственный интеллект, семейные установки, репродуктивные установки, демография, социализация.

Ускорение исторического времени и кардинальные трансформации общества и его социальных институтов заставляют социологическую науку в краткие сроки искать и находить ответы на злободневные вопросы, связанные с поиском путей устойчивого развития, оптимизации социальных процессов.

Наиболее существенно меняющимися лицом современного постиндустриального общества являются, конечно, процессы цифровизации и семейно-демографические [1, с. 24–31, 2, 3, 4]. Причем, как показывают исследования, они взаимосвязаны [5, 6]. Речь идет о формировании параллельного реальному виртуального мета-пространства. И в это мета-пространство переносится удовлетворение как личных, так и общественных потребностей [7]. Однако в некоторых случаях идет речь не об удовлетворении, а о симуляции. Например, получение государственных услуг в цифровом формате – это практика, имеющая реальную продуктивность. А вот выращивание виртуальных растений и животных, строительство дома и семьи в компьютерных играх-симуляторах может вести к тому, что удовлетворение соответствующих потребностей так и останется только в воображаемом цифровом мире. То есть реализовав свои семейно-демографические мотивы в рамках компьютерной игры [8], индивид теряет интерес к их реализации в реальном, более сложном и многофакторном мире. Соответственно, в реальном практическом мире мы можем наблюдать индифферентное отношение социальных групп, глубоко социализированных в цифровом мире (прежде всего, дети и молодежь), к реализации мотивов социального уровня: признания, любви, уважения, общения, взаимодействия. Это пример того, как взаимосвязаны цифровая и социально-демографическая трансформации общества. Демографический вызов XXI века требует детального изучения влияния цифровизации на матримониальные и репродуктивные установки молодежи, поиск путей их гармонизации.

Центром семьи и демографии Академии наук проводится лонгитюдное исследование семейно-демографического состояния Республики Татарстан, в рамках которого также затрагиваются вопросы влияния цифровой трансформации общества на семейные и репродуктивные установки населения. В 2024–2025 году проведен массовый опрос населения региона по структурированной электронной анкете в Яндекс-формах. Выборка ($n = 2395$) многоуровневая, охватывает все муниципальные образования Татарстана, пропорции сохранены по трем критериям: возраст, пол, тип населенного пункта (город/село). Эмпирическую информацию для изучения, обозначенного в заглавии настоящей статьи вопроса, нам позволили получить несколько вопросов анкеты.

По оценке жителей Татарстана, все предложенные исследователями факторы в значительной мере влияют на формирование семейно-детного образа жизни: средний балл для каждого варианта оказался выше 6 по 10-балльной системе (табл. 1). Материальное положение, прогнозируемо, оказалось на первом месте у большинства респондентов. Важным результатом опроса является выявление высокой оценки семейного воспитания: оно имеет второй ранг.

В свете рассматриваемого предмета среди приведенных факторов наше внимание привлекают средние баллы значимости пунктов «глобальное информационное пространство (Интернет)» и «технологии искусственного интеллекта». Как видно из таблицы 1, средние баллы составили 7,63 и 7,02, что соответствует 10-му и 12-му рангам. То есть, по мнению респондентов, их влияние выше среднего, но не настолько сильно, как материального состояния, семейного воспитания или образовательной среды, а также ряда других факторов.

Таблица 1

Оценка жителями Татарстана факторов формирования семейно-детного образа жизни у подрастающего поколения, в баллах

	Факторы	Средний балл	Ранг
1.	семейное воспитание	9,02	2
2.	совместное проживание трех и более поколений (бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки, старшие родственники)	6,21	14
3.	материальное положение семьи	9,05	1
4.	влияние окружения	8,14	7
5.	влияние образовательной среды	8,68	3
6.	степень благоустройства территории проживания, политика местных органов власти в вопросах семьи	8,65	4
7.	политика по вопросам семьи, проводимая на уровне субъекта (республики)	8,36	6
8.	внутренняя политика государства по вопросам семьи и демографии	8,42	5
9.	средства массовой информации	7,84	8
10.	отдельные лидеры общественного мнения (блогеры, инфлюенсеры, политические и общественные деятели, представители культуры и пр.)	6,89	13
11.	глобальное информационное пространство (Интернет)	7,63	10
12.	технологии искусственного интеллекта	7,02	12
13.	внедрение инноваций	7,63	9
14.	мода на семейно-детный образ жизни	7,62	11

Использование тактики дублирования вопроса позволило оценить искренность и продуманность ответов опрошенных. В реакции на вопрос «Насколько глобальное информационное пространство (Интернет) оказывает влияние на репродуктивные планы молодежи (планы по созданию официально зарегистрированной семьи и рождению детей)?» наблюдаются средние баллы (по 10-балльной шкале), совпадающие до десятых долей (табл. 2). Так же близки оценки респондентов влияния технологий искусственного интеллекта (ИИ) на планы молодежи по созданию семьи и рождению детей (табл. 3)

Таким образом, в ответах на вопросы о влиянии цифровых технологий на семейно-демографические установки подрастающего и молодого поколения мы видим наличие достаточно устойчивых и четких мнений населения. На рисунке 1 приведены графики, отражающие доли респондентов в зависимости от оценки в баллах влияния интернет-технологий и ИИ (в легенде

приведены коды вариантов ответов анкеты). Близость рисунка графиков подтверждает устойчивость мнения населения относительно влияния интернета и технологий ИИ на планы по созданию семьи, рождению детей.

Таблица 2

Оценка жителями Татарстана влияния интернета на репродуктивные планы молодежи, в баллах

№		Средний балл
1.	в целом на российскую молодежь	7,56
2.	на молодежь Республики Татарстан	7,64

Таблица 3

Оценка жителями Татарстана влияния технологий искусственного интеллекта на репродуктивные планы молодежи, в баллах

№		Средний балл
1.	в целом на российскую молодежь	7,05
2.	на молодежь Республики Татарстан	7,09

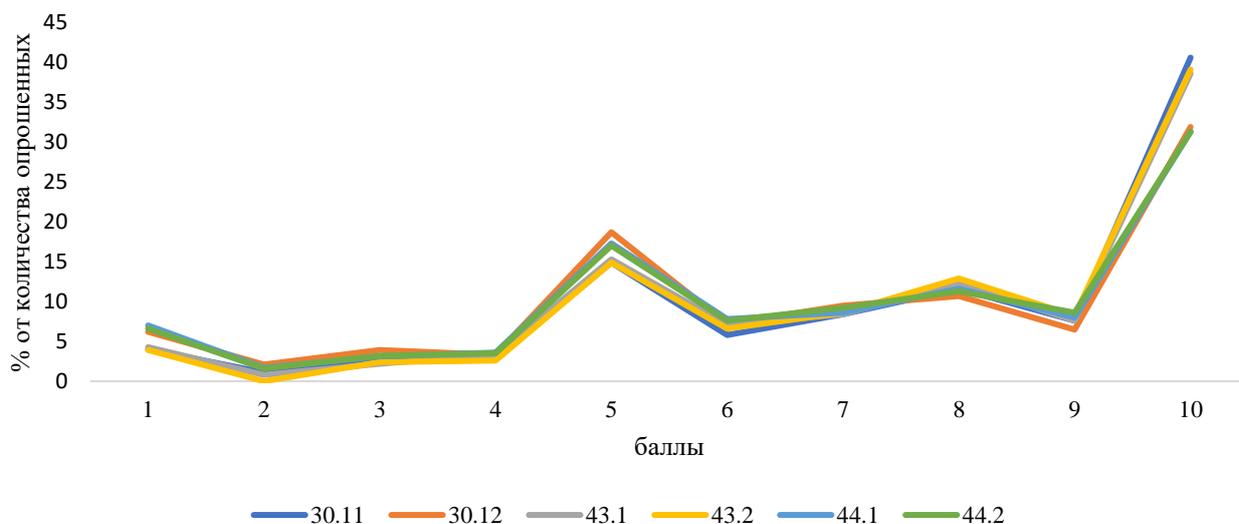

Рис. 1. Распределение респондентов по выставляемому баллу в ответах на вопросы о влиятельности интернета и технологий искусственного интеллекта на семейно-демографические установки молодежи, в % к количеству опрошенных

Рисунок 1 и анализ линейных таблиц распределения с данными анкетирования показывают, что относительное, но не абсолютное, большинство населения региона (31–41% в описанных выше вопросах) оценивает на максимальные 10 баллов зависимость матримониальных и репродуктивных установок подрастающего поколения от интернета и технологий ИИ. Также видно, что есть заметная доля респондентов (от 15 % до 17 %), которая оценивает эту зависимость как среднюю – на 5 баллов.

Несмотря на то, что некоторая часть населения считает влияние цифровых технологий на семейно-демографические установки не высокой, абсолютное большинство (от 65 % до 75 %) опрошенных оценивают это влияние выше среднего (на 6 и более баллов).

Анализ таблиц сопряженности ответов на вопросы анкеты показал, что есть небольшие различия оценок между возрастными группами, а также между группами с различным уровнем доходов. Различий мнений между гендерными группами не обнаружено.

В частности, самая молодая (18–21 год) и самая старшая (71 год и старше) группы склонны более высоко оценивать влияние интернета и ИИ на семейно-демографические установки. В ответе на вопрос о значимости факторов формирования у подрастающего поколения семейно-детного образа жизни (вступление в официальный брак, рождение ребенка), 72 % представителей возрастной группы «18–21 год» дали оценку в 6 и более баллов, и 79 % – группы «71 год и более» технологиям ИИ. В других возрастах этот показатель составил 63–68 %. В оценке интернета наблюдается похожая картина: по 86 % самой младшей и самой старшей возрастной категории оценили влияние на 6 и более баллов, в других возрастах – 68–76%.

Что касается групп по доходам, здесь наблюдаются следующие различия. Высокодоходные категории опрошенных (свыше 150 000 р. и 100 000–150 000 р. в месяц) склонны чаще считать, что влияние интернета и ИИ максимально, и среди них очень мала доля отметивших вариант в 5 баллов, в отличие от имеющих низкий и средний доход. Профили оценки влияния интернета на формирование семейно-детного образа жизни в зависимости от доходов респондентов представлены на рисунке 2. В данном случае мы видим склонность высокодоходных категорий к оценке в 10 баллов.

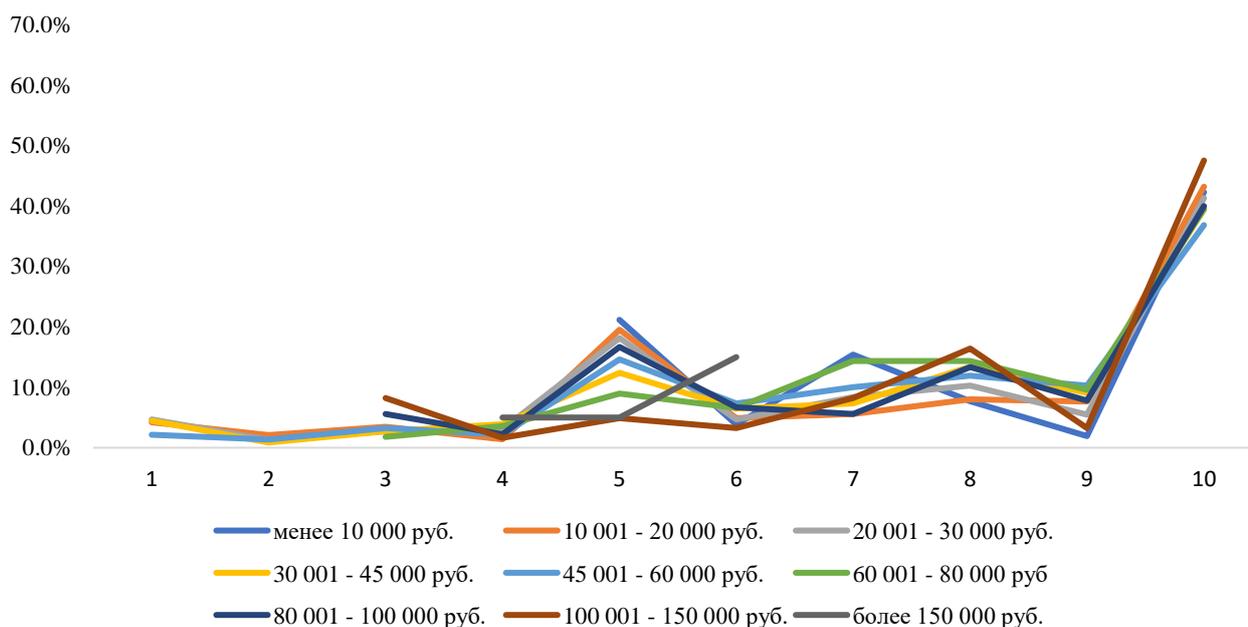

Рис. 2. Профили категорий респондентов по доходам в оценке влияния интернета на формирование семейно-детного образа жизни, в % к численности категории по доходам

Внимание привлекает то, что в дублирующих вопросах ответы респондентов с высокими доходами в большей степени сконцентрированы в интервале 8–10 баллов. То есть при непосредственной оценке цифровых технологий, без соотнесения их с другими факторами, эти респонденты склонны смягчить свое отношение. Но даже при этом опрошенные рассматриваемой социально-экономической категории чаще высоко оценивают зависимость matrimониальных и репродуктивных установок от интернета и ИИ: 78–80 % оценок выше среднего против 69–73 % низко- и средне-доходных категорий респондентов.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, население Татарстана считает, что цифровые технологии в виде глобальной сети интернет и ИИ имеют значительное влияние на формирование матримониальных и репродуктивных установок детей и молодежи. То есть население осознает роль новых технологий в изменении семейно-демографического состояния общества. Во-вторых, это влияние оценивается на уровне выше среднего: роль интернета отмечена на уровне около 8 баллов, роль ИИ – 7 баллов по 10-балльной шкале. В-третьих, в зависимости от возраста и доходов респонденты несколько по-разному оценивают влияние элементов цифровизации на семейные установки: самые молодые и самые «возрастные» категории максимизируют влияние, представители старшей молодежи и средних возрастов более склонны к средним оценкам; высокодоходные категории опрошенных в большей степени дают наивысшие баллы.

Литература

1. Молодое поколение цифровой эпохи: траектории и риски социализации / Ю.В. Андреева, А.С. Артес, Р.А. Бакулина [и др.]. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – 229 с.
2. Хурамшина А.З., Хайруллина Ю.Р., Гневашева В.А., Талибова Ф.Т. Региональные демографические процессы в Республике Татарстан / Гуманизм и современность: материалы Междунар. науч. конф. (27 марта 2025 г., г. Минск). – Минск: Четыре четверти, 2025. – С. 196–200.
3. Хурамшина А.З. Демографическое состояние Республики Татарстан: динамика показателей и основные тенденции / А.З. Хурамшина, В.А. Гневашева, Ю.Р. Хайруллина, Ф.Т. Талибова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2025. – № 2 (69). – С. 55–62.
4. Демографический доклад – 2024: Динамика демографических показателей в муниципальных образованиях Республики Татарстан / В.А. Гневашева, Ф.Т. Талибова, Ю.Р. Хайруллина, А.З. Хурамшина. – Казань: Издательство Академии наук Республики Татарстан, 2024. – 72 с.
5. Хурамшина А.З. Соотношение цифровой и семейной социализации личности: теоретический анализ / Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2025: сборник материалов / сост.: Р.Ш. Ахмадиева, Р.Н. Минниханов / под общей ред. член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д-ра техн. наук, проф. Р.Н. Минниханова. – Казань: ГБУ «НЦБЖД», 2025. – Т. 1. – С. 1633–1638.
6. Рустамова Г.М. Искусственный интеллект: современное восприятие / Kazan digital week - 2024: сборник материалов Международного форума, Казань, 09–11 сентября 2024 года. – Казань: Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. – С. 384–388.
7. Антипов М. А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. – 2022. – № 11. – С. 61–72.
8. Шемякина М. А. Изменение процесса социализации под влиянием информационных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 11-2. – С. 170–173.

УДК 316.455

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОНЛАЙН ЛАРДЖ-КЛАССОВ

Хуснутдинов Равиль Наилевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Темой настоящей статьи является явление лардж-класса, применяемого онлайн. Автор описывает подход лардж-классов как обеспечение возможности доступного

обучения (в данном случае репетиторства) независимо от гендера, места проживания (мегаполис, поселок и т.д.) и уровня дохода. Тем не менее, на сегодняшний день в основном такой возможностью пользуются в основном учащиеся из благополучных семей, представители среднего класса. Автор поднимает вопрос, каким образом можно расширить социальный состав участников.

Ключевые слова: лардж-классы, образование, обучение, социально-гуманитарный профиль, репетиторство онлайн, инклюзия, цифровизация образования, средний класс.

Явление лардж-класса мало рассмотрено в специальной и научной литературе, в основном затрагивается вопрос проведения занятий по методу лардж-класса офлайн, и указывается на возможные проблемы и трудности, которые встанут перед преподавателем. Например, на ресурсе «English Language Teaching & Testing Guide» указывается: «Large classes can present the teacher with a number of problems from trying to involve all students equally to classroom control» («Лардж-классы могут поставить перед учителем ряд проблем из-за попытки (одновременно) контролировать всех учеников одинаково»). При этом авторы отмечают: «Often when teachers are faced with large classes, they begin to worry about how they will teach. They usually view large classes as problematic and in a negative light. However, this isn't always true» («Часто, когда учителя сталкиваются с лардж-классами, они начинают беспокоиться о том, как они будут преподавать. Они обычно рассматривают лардж-классы как проблемные и в негативном свете. Однако это не всегда так») [3]. Речь идет об обширной аудитории, собравшейся офлайн, в реальном времени, в одном месте. Проведение занятия по методу лардж-класса онлайн не анализируется. Тему репетиторства на основе онлайн-платформ рассматривает П.А. Макеев [2].

Автор данной статьи практикует проведение занятий по обществоведению (подготовка к ОГЭ) онлайн по методу лардж-класса. Это означает, что более 5 000–7 000 учеников со всех регионов Российской Федерации подключаются онлайн и получают материал и задание. Формат репетиторства онлайн – система «перевернутый класс». Это означает, что утром (в 8.00 по времени Москвы) ученики получают домашнее задание и записанные заранее видеоуроки, которые учащиеся затем просматривают в удобное для них время (так как пользователи проживают в разных часовых поясах). В выходной день (воскресенье) проводится двухчасовой прямой эфир, в ходе которого преподаватель отвечает на вопросы.

Нами было проведено исследование гендерного и социального состава учащихся. Выяснилось, что наиболее активно вовлечены в такой формат репетиторства ученики из благополучных семей среднего класса [1]. В основном это девочки. Так, в 2024 году было 7 000 человек опрошенных, девочек было 5 000, мальчиков 2 000.

Они осознанно начинают заниматься, редко роль в мотивации учеников к занятиям играют родители, обычно учащиеся принимают решение сами. Если же родители все же помогают принять решение, то чаще всего это бывают матери, другие родственники (отцы, бабушки, старшие сиблинги) принимают участие редко.

Согласно результатам опроса, большая часть участников проживает в центральной части России (55 %), при том, что 19 % живут в Сибири, однако в столицах, вопреки ожидаемому, проживает не большинство. Напротив, максимальное количество учащихся (33 %) живут в районных центрах, ряд учеников выходят онлайн из сельской местности. При этом, как уже упоминалось, почти все пользователи из семей среднего класса, большинство (71 %) – из полных семей. Также у половины учащихся (50 %) в семьях по двое детей. Тем не менее, возможность заниматься онлайн по системе лардж-класс, в формате «перевернутый класс» открыта для всех, хотя полученный нами социологический портрет учащихся, которые обращаются к онлайн репетиторству в лардж-классах, и указывает на представителей определенной категории лиц.

Встает вопрос, почему представители других слоев общества, а также учащиеся из менее благополучных семей (например, неполных семей) не пользуются возможностью получать знания в подобном формате? Мы полагаем, что причиной может быть недостаточная

информированность учащихся, слабая мотивированность (нет мотивации успешно сдать ОГЭ и затем ЕГЭ), отсутствие в семьях культуры обращения к репетиторам в принципе. Также известно, что учащиеся из семей рабочего класса, из малообеспеченных семей после 9 класса идут в средние специальные учебные заведения - училища, техникумы и колледжи, где проходной балл раньше был ниже. Сейчас в ряде колледжей проходной балл выше 4 и определяется от среднего балла аттестата, то есть последние годы уже ставят учащихся перед необходимостью готовиться к ОГЭ тщательнее. Возможно, это изменит картину обращения к онлайн-занятиям в формате лардж-класса, и среди пользователей будет более значительный процент мальчиков, представителей рабочего класса, неблагополучных или неполных семей, т. е. ученики будут более мотивированы. Таким образом, изменения в системе образования в социуме в целом могут повлиять и на изменения в социальном составе учащихся онлайн лардж-классов.

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен онлайн лардж-классов, применяемых в репетиторской деятельности, является примером доступного образования в сегменте репетиторства: пользователь из любого часового пояса, вне зависимости от места и региона проживания (город, районный центр, поселок, село), вне зависимости от гендера и социального положения семьи (все зависит от информированности и личной мотивации) может получить образование и повысить степень своих знаний в максимально удобной для себя форме. Это обеспечивает эффективную цифровую инклюзию в будущем, однако возможность и мотивация подключиться к данному формату образования зависит от других социальных факторов: информированности всех слоев населения, повышения требований к среднему специальному образованию, в том числе и проходного балла в средних специальных учебных заведениях, что потребует более ответственного отношения к сдаче ОГЭ, повышения общей культуры семей, в том числе культуры обращения к репетиторству для слабо успевающих учащихся.

Литература

1. Белов В.И. Средний класс: социологический этюд // Вестник ТГУ. – 2012. – № 10. – С. 282–289.
2. Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // Журнал институциональных исследований. – 2019. – № 4. – С. 106–120.
3. Five main suggestions & solutions to create successful large classes. English language teaching & testing guide. – URL: <https://elttguide.com/tag/large-class/> (дата обращения: 10.10.2025).

СЕКЦИЯ «МЕДИА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И НОВАЦИЯМИ»

УДК 322.24

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТАТАР ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

Бареев Максим Юрьевич

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

Аннотация. Этноконфессиональная идентичность Поволжских татар представляет собой особый случай, когда этническое самосознание тесно переплетается с исламской традицией. В этой статье исследуются религиозный (исламский), культурный и социально-демографические факторы, которые сформировали эту идентичность. Анализ показывает, что этноконфессиональная идентичность Поволжских татар характеризуется своей устойчивостью и адаптивностью, сформированной благодаря глубокому историческому фундаменту, центральной и самобытной исламской традиции, богатому языковому наследию и постоянному межкультурному взаимодействию с русскими и другими коренными народами Поволжья.

Ключевые слова: татары, Ислам, идентичность, Поволжье, традиции, татарский язык.

Поволжские татары, представляющие одну из крупнейших этнических общин в Российской Федерации, обладают уникальной идентичностью, в которой этническая принадлежность и религия неразрывно связаны. Эта этноконфессиональная структура, органично сочетающая татарское национальное самосознание с суннитским исламом ханафитской традиции, является не статичным пережитком, а динамичным и развивающимся явлением. Формировавшаяся веками, она продемонстрировала удивительную устойчивость перед лицом глубоких политических и социальных преобразований. В этой статье мы попытаемся рассмотреть ключевые факторы, которые сформировали и продолжают влиять на эту сложную и самобытную идентичность, исследуя взаимодействие исторического наследия, религиозных традиций, языкового наследия и устойчивого межкультурного диалога с соседними народами. Понимание этих формирующих элементов (факторов) имеет решающее значение для изучения современного социокультурного ландшафта Поволжья.

Исламский фактор.

Ханафитско-суннитский ислам. Поволжские татары традиционно придерживаются ханафитской школы суннитского ислама, известной своей относительной рациональностью и гибкостью. Это повлияло на в целом умеренный и адаптируемый подход к вере. Оценка вовлеченности татарского населения региона в те или иные религиозные (исламские) практики, такие как совершение намаза, ограничения в еде (употребление в пищу халяльной продукции), определенные нормы в одежде, выбор брачного партнера и т. д.

Джадидизм (начало 20-го века). Это было ключевое реформистское движение, целью которого являлась модернизация исламского образования и интеграция современных европейских знаний. Джадидизм изменил татарскую идентичность, продвигая видение современной, образованной и политически активной мусульманской общины, которая могла бы процветать в современном мире. Он создал синтез «европейского» прогресса и «татарской» исламской культуры [см. напр. 1].

Муфтият (Духовное управление мусульман). Официальная религиозная структура, созданная при Екатерине Великой и продолжавшая действовать в советский и постсоветский периоды, обеспечивает институциональную основу для ислама, помогая стандартизировать практику и представлять сообщество перед государством.

Лингвистические и культурные факторы.

Татарский язык (кипчакско-булгарская ветвь). Язык является основным маркером идентичности. Его сохранение, несмотря на многовековое давление русификации, является свидетельством устойчивости культуры. Переход от арабской графики к латинице (1927), а затем к кириллице (1939) при Советской Власти стал важным политическим и культурным событием. Сегодня споры о возвращении к латинской графике являются символом этой языковой идентичности [2].

Литература и интеллектуальные традиции. Богатая литературная традиция существует как в религиозной («Повесть о Юсуфе» Кул Гали), так и в светской («Абдулла Тукай», Аяз Исхаки) формах. Татарская интеллигенция исторически была ключевой движущей силой в определении и обсуждении национальной идентичности.

Национальные обычаи и традиции. Многие доисламские (тюркские/тенгрианские) и универсальные исламские традиции вплетены в повседневную жизнь, такие как Нардуган (день зимнего солнцестояния), Джиен (народные собрания), Сабан-Туй (праздник плуга) и сложные семейные ритуалы, связанные со свадьбами, рожденьями, похоронами и др. [3].

Социально-демографические факторы.

«Городская» идентичность против «сельской». Исторически татары были известны как торговцы, ремесленники и фермеры. В таких городах, как Казань, сложилась особая городская татарская культура, в то время как в сельской местности часто сохранялись более традиционные и консервативные обычаи.

Диаспора. Татарским общинам, разбросанным по всей России и бывшему Советскому Союзу, приходилось активно поддерживать свою идентичность в преимущественно нетатарской среде, часто укрепляя свою привязанность к таким ключевым признакам, как язык, религия и семейные традиции.

Межэтнические браки. Высокий уровень смешанных браков, особенно с русскими, создал сложную ситуацию, при которой идентичность может стать вопросом личного выбора, что часто приводит к возрождению интереса к поиску татарских корней.

Отличительной чертой идентичности Поволжских татар было неразрывное слияние этнической принадлежности и религии. На протяжении веков быть татариним означало быть мусульманином, а быть мусульманином (в этом регионе) часто означало быть татариним. Этот симбиоз был создан в огне исторических травм и борьбы. Однако в настоящее время эта идентичность не является монолитной, а существует в широком спектре проявлений: «Этнические» татары: те, кто идентифицирует себя в первую очередь через язык, культуру и историю, при этом ислам играет минимальную роль. «Культурные» мусульмане: те, для кого ислам является основой культурной идентичности, влияющей на обычаи и ценности, а не диктующей повседневную практику. «Практикующие» религиозные мусульмане: те, для кого исламская вера является центральным, определяющим элементом их идентичности.

Таким образом этноконфессиональная идентичность Поволжских татар является устойчивой и адаптивной конструкцией, сформированной глубоким историческим наследием, центральной ролью особой формы ислама, сильной языковой традицией и постоянным взаимодействием с русскими и другими коренными жителями Поволжья.

Литература

1. *Сенюткина О.Н.* Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. – 2018. – Т. 9. – № 2 (36). – С. 15–29.
2. *Сафиуллина Ф.С.* Развитие синтаксического строя татарского литературного языка (XX век): автореф. дис. ... д. филол. н. / Ф.А. Сафиуллина. – Казань, 2000. – 116 с.
3. *Бареев М.Ю.* Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе / М. Ю. Бареев, Р. Р. Агишев // Регионология. – 2020. – № 2 (111). – С. 303–321.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Васильева Диана Вадимовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной исследовательской работе рассматриваются особенности дискурса социальной рекламы в цифровом пространстве. В работе анализируется как социальная реклама конструирует социальные проблемы, какими новыми форматами воздействует на аудиторию. Особое внимание уделяется проблеме измерения эффективности социальной рекламы в цифровой среде. Рассматриваются факторы, влияющие на эффективность социальной рекламы, такие как интерактивность, креативность, персонализация.

Ключевые слова: социальная реклама, цифровизация, эффективность, коммуникация, социальные проблемы.

Цифровые платформы стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства людей. Социальные сети, новостные сайты предоставляют возможности для охвата широкой и разнообразной аудитории. Резкие социально-экономические трансформации в России на рубеже XX и XXI веков вызвали множество проблем: алкоголизм, наркоманию, экологические угрозы и пренебрежение безопасностью. Эти проблемы не только приводят к личным трагедиям, но и подрывают социальную стабильность и демографию. Решение социальных проблем стимулирует повышение ее значимости и постановку задач по дальнейшему развитию. Социальная реклама, использующая возможности цифровой среды, может эффективно привлекать внимание к этим проблемам, формировать общественное мнение и побуждать к действиям, направленным на их решение.

Социальная реклама может служить проводником государственной общественной и информационной политики, а также каналом для взаимодействия между населением и некоммерческими организациями, играющими важную роль в социальной сфере. В основном используют для привлечения внимания к разовым акциям, побуждая массовую аудиторию принять деятельное участие в разрешении общественной проблемы.

К исследованиям, посвященным истории становления и развития социальной рекламы, относят работы зарубежных социологов, таких как Э. Гидденс, П. Бурдьё, А. Шютц [1, 2, 3]. В России с каждым годом растет интерес к исследованиям социальной рекламы. Изучением сущности социальной рекламы, её функциями занимались такие отечественные социологи, как Г.Г. Николайшвили, А.А. Федотовский, В.В. Бобров. В работах Г. Блумер социальная реклама рассматривалась как регулятор поведенческой модели. Проблему эффективности социальной рекламы исследовали С.Б. Калмыков, Е.В. Чернецкая.

Первые упоминания о социальной рекламе в социологии можно отнести к работам Чикагской школы, известные зарубежные исследователи Гарольд Лассуэль, Пауль Лазарсфельд заложили основы для понимания влияния средств массовой информации на общественное мнение и поведение [1, 2]. Они не рассматривали социальную рекламу как отдельную категорию, их исследования о пропаганде и коммуникации послужили фундаментом для будущего изучения социальной рекламы. Социологи Чикагской школы анализировали, как общественное мнение формируется и меняется под воздействием массовых коммуникаций. В изучении информационного общества М. Кастельс в своей теории информационализма рассматривает информацию как основной источник производительности и власти в современном обществе.

В рамках исследовательской работы были взяты два метода, контент анализ социальной рекламы, продвигающей национальные проекты в 2024 году и 25 полуформализованных с представителями социальной рекламы и новых медиа. Контент анализ проводился для выявления преобладающих тематических направлений и особенностей представления информации в рекламных материалах. Метод интервью позволил узнать глубинные мнения. Для раскрытия

темы проблемы эффективности и особенности дискурса социальной рекламы в условиях цифровизации.

По результатам контент анализа, выделили преобладающие тематические направления и особенности представления информации в рекламных материалах. Наиболее популярная тема социальных реклам, связана с семьей и рождением детей. что связано укреплением данного социального института и повышением демографии. Анализ также показал активное использование форматов и приемов в создании социальной рекламы, такие как истории реальных людей, яркая визуализация, дополненная реальность, эмоциональная музыка, что, вероятно, способствует формированию положительного отношения к продвигаемым ценностям и затрагиваемых общественных проблем. Для более эмоционального отклика многие создатели используют музыку. Это передает атмосферу и тематику рекламного ролика. Одной из популярных форматов является видеоролики, так как современное общество потребляет информацию в визуальном формате, реклама использует именно видео для большего привлечения внимания. В большинстве рекламных кампаний используются нейтральные и положительные тона, что не вызывает отторжения, а наоборот стимулирует к действию. Соответственно, это стимулирует людей к изменению поведенческих установках, участие в волонтерских проектах. Дальнейшее развитие этих тенденций представляется перспективным для успешной реализации социальных целей. С другой стороны, анализ показал некоторые недостатки, то есть недостаточная креативность, однообразие подходов, ограниченное использование интерактивных элементов. Для повышения эффективности будущих кампаний рекомендуется усилить эмоциональный компонент, активнее вовлекать аудиторию, использовать современные форматы. Для более успешной рекламной кампании требуется больше креативности, использования цифровых технологий и применение визуальных разнообразий. Так, эффективность социальной рекламы будет зависеть не только от темы, но и в представление ее перед аудиторией.

Обратимся к результатам полуструктуризированных интервью. По словам респондентов, социальная реклама – это социально ориентированный формат информационного продукта, являющийся специализированным направлением в рекламе, целью которого является изменение отношения общественности к социально значимым проблемам и стимулирование позитивных изменений в поведении посредством раскрытия и продвижения этих проблем для повышения вовлеченности общества в их решение. Анализ ответов респондентов показал, что цифровые технологии радикально трансформировали ландшафт социальной рекламы, предоставив новые возможности для распространения информации и взаимодействия с целевой аудиторией, но одновременно и поставила перед ней ряд серьезных задач. Анализ ответов респондентов указал, что цифровые технологии оказывают значительное воздействие на эффективность социальной рекламы. Трансформируются форматы подачи рекламы. На сегодняшний день реклама воспринимается аудиторией в визуальном формате, например видеоролики. Социальная реклама лучше воспринимается простым языком, предложения в ней короткие и понятная лексика. Интервью показало, что социальная реклама должна формулировать общественное мнение по социальной проблеме и предлагать пути решения. Эффективность социальной рекламы может измеряться в лайках, репостах, комментариях. Социальная реклама также должна влиять на трансформацию поведения людей. Это сложная задача, которая требует измерения в долгосрочной перспективе. Преодоления ряда проблем, снижающих эффективность социальной рекламы в цифровой среде, необходимо использовать комплексный подход, включающий персонализацию, креативность, интерактивность. В ходе интервью, мы выделили определение социальной рекламы, это социально ориентированный формат информационного продукта, который нацелен на изменение отношения общественности к каким-то социально значимым проблемам и изменение поведения.

Главный вызов, стоящий перед социальной рекламой в эпоху цифровизации, заключается в умении эффективно привлекать и удерживать внимание целевой аудитории в условиях информационного перегруза, скептицизма и алгоритмической фильтрации контента, чтобы стимулировать реальные, долгосрочные изменения в поведении социальных установок.

Кратковременное внимание, клиповое мышление и быстрая переключаемость требуют от социальной рекламы креативности, оригинальности и умение быстро захватить интерес у аудитории.

В эпоху цифровизации, когда Интернет и цифровые платформы стали неотъемлемой частью жизни большинства людей, социальная реклама приобретает особую значимость как эффективный инструмент массовой профилактики и предложения путей решения острых социальных проблем. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных социологов, социальная реклама определяется как социально ориентированный инструмент, использующий возможности цифровой среды для привлечения внимания и проблемам, формирования общественного мнения побуждения к действиям. Отмечено, что дискурс социальной рекламы должен быть этически обоснованным и учитывать моральные и культурные ценности аудитории. Цифровизация изменила основу социальной рекламы. Активно используются анимация, графика, мультипликация, дополненная реальность и эмоциональная музыка для привлечения внимания. Наиболее распространенная тема социальной рекламы – семья в рамках национального проекта «Семья». Основными критериями эффективности социальной рекламе в цифровизации являются: охват целевой аудитории, уровень вовлеченности (лайки, комментарии, репосты), изменение знаний и отношений к проблеме, а также реальные изменения в поведении.

Литература

1. *Lasswell H.D.* The theory of political propaganda // The american political science review. – 1927. – Volume 21. – Issue 3. – P. 627–631.
2. *Lazarsfeld P., Berelson, B., Gaudet H.* The people's choice. how the voter makes up his mind in a presidential campaign. – N.Y.: Columbia University Press. – 384 p.
3. *Бобров В.В.* Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости / В.В. Бобров. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 230 с.
4. *Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 560 с.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюрина. – М.: Академический Проект, 2005. – 349 с.
6. *Гончарова О.В.* Социальные взаимодействия в цифровой среде: социолингвистический подход / О. В. Гончарова, А. В. Липатова, Г. В. Напреенко // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 4 (67). – С. 10–17.
7. *Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В.* Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 6 (57). – С. 52–56.
8. *Ефлова М.Ю., Максимова О.А.* Социальная эксклюзия в контексте новой нормальности: концептуализация подхода к исследованию // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53). – С. 36–41.
9. *Калмыков С.Б.* Оценка эффективности и качества социальной рекламы здорового образа жизни // Социология власти. – 2011. – № 8. – С. 92–98.
10. *Николайшвили Г.Г.* Социальная реклама: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
11. *Федотовских А.* Теория и практика связей с общественностью. – Красноярск: Рекламода-тель. 2001. – 176 с.
12. *Фуко М.* Порядок дискурса. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Асталь, 1996. – 448 с.
13. *Чернецкая Е.В.* Эффективность социальной рекламы: современные российские реалии // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 120–124.
14. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А.Я. Алхасов, Н.Я. Мазлумянова. – М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. – 334 с.

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СЕМИНАРСКОМ ЗАНЯТИИ ПО СОЦИОЛОГИИ

Насибуллин Равиль Талибович

Бакирский государственный педагогический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В представленном научно-дидактическом материале изложен опыт применения художественной литературы на практическом занятии по социологии. Поэма Г. Тукая – яркий пример политической сатиры, который демонстрирует возможности поэзии в своеобразной форме выразить чувства восхищения или несогласия автора с существующим состоянием общества. Очевидно, что автора волнует проблема возникновения пропасти между «головой» и «телом» в обществе, в котором он живет, хотя и нет в поэме упоминания о представлениях Г. Спенсера о том, что в обществе, как и в человеческом теле, есть мозги, почки и т. п., выполняющие свои функции.

Ключевые слова: народ, деятельность народа на Сенном Базаре, голова, отрезанная от тела, богатырь.

Введение.

Как известно, политическая сатира как литературный жанр появился и получил развитие в древней Греции. А видный немецкий поэт Шиллер в XVIII веке называл сатиру в целом как метод демонстрации своего недовольства условиями жизни. Г. Тукай, как мы знаем, переводил его стихи на татарский язык, знакомя своих читателей творчеством зарубежных авторов.

Политическая сатира продолжает жить и по мере возможностей развиваться, особенно активизируясь в тех ситуациях, когда в обществе происходят кризисные явления. Как известно, чем сильнее система государственного управления давит на авторов, принимая драконовские меры, направленные на ограничение их деятельности, тем активнее политическая сатира поэтов и писателей распространяется среди народа, а наиболее яркие произведения некоторых авторов переходят из рук в руки, даже переписывается и читается в кругу рабочих. К таким произведениям относится и поэма Г. Тукая «Печен базары, яхуд Яңа Кисекбаш» – «Сенной базар, или Новый Кисекбаш». Думаю, что ценность этой поэмы автора по сравнению с другими его сатирическими произведениями объясняется тем, что Тукай в нем вышел на чрезвычайно важную для нормального функционирования общественной системы фундаментальную проблему: с одной стороны, уровень политического сознания населения, когда на печально низком уровне находится опыт выработки общественно важной цели и объединения усилий для ее достижения; с другой стороны, между господствующей в обществе системой и народом находится веками сформированная непреодолимая пропасть.

Основная часть.

Тема: Поэма Г. Тукая как карикатура на существующее общество в определенный конкретно-исторический период.

Цель: формирование у обучающихся навыков осознанного прочтения художественного произведения.

Вступительная часть: она и по форме, и по содержанию может быть разной в зависимости от уровня подготовленности и ведущего, и слушателей. В данном варианте подразумевается, что состав участников уже имеет соответствующие знания о творчестве поэта и об обществе, в котором он жил, на уровне средней школы. Нам в данном случае остается возобновить их знания кратким изложением содержания произведения с участием слушателей.

14 октября состоялся Литературный вечер в переполненном зале здания г. Казани, которое сегодня носит название «Театр юного зрителя» Там 22-х летний поэт прочитал свою поэму. Один из участников вечера так охарактеризовал его выступление: «... народ,

слушатели, не дожидаясь конца предложений, придавались такому чистому душевному смеху, весь зал аплодировал так, что автор много раз вынужден был продолжать некоторое время ждать успокоения зала... Он о самых простых житейских делах своих героев рассказывал настолько смешно, что слушатель терял контроль над своими эмоциями, предаваясь неукротимому смеху...»; другой посетитель написал, что у участников вечера даже колики в животе наступили от смеха¹.

Что за произведение? Это поэма о Голове, которая живет отдельно от Тела – Народа «Сенного базара», о том, каким образом жизнь народа происходит на этом историческом месте города. Во все времена каждый здесь занят собой: кто-то что-то покупает, кто-то что-то продает, кто-то обманывает, кто-то обманывается, кто-то отбирает у кого-то что-то, кто-то сам отдает...

У «головой», которая отдельно живет от тела, нет ни рук, ни ног, есть только язык, чтобы рассказать о том, что он попал в беду. Ее привезли на трамвае, чтобы мог обратиться к народу, потому что попал в беду – жену с сыном захватил дьявол и увел в свое царство в озере Кабан. Он говорит, «...вы должны мне помочь, иначе в судный день я вас покараю» и рассказывает, какой он есть: он 99 раз совершал Хадж, заседал в Думе этого города, в Москве спекуляцией занимался, каждый день перечитывал Коран, поменял 15 жен, днями находился в образе человека, а вечерами в дома терпимости ходил. Всем стало жалко его – такой хороший, «свой в доску», доброе существо, начинают думать, как ему помочь. Решили позвать самого сильного среди них человека. Он пришел и решил показать свою силу – на руки хотел поднять Голову, но сколько не пытался, даже сдвинуть с места не смог. Голова говорит: «...пустое дело, тысяча таких богатырей не поднимет, потому что в этой голове тысяча пудов фанатизма, сотни амбаров упрямства, тысяча пудов пивного пара, десять вагонов невежества, тысячи вагонов зазнайства, вера в старое и проклятие к образованности двадцать складов...». Все сошлись на том, что такая святая Голова, но вряд ли снова соединится с телом, надо ему помочь и богатырь проникся этим чувством, решил поехать на трамвае к озеру, чтобы освободить жену и сына Головы. Благодарная Голова призвала народ просить Аллаха помочь богатырю, и тысяча рук в молитве взметнулись в небо с просьбой помочь ему. Богатырь сел в трамвай, купил билет, и поехал в сторону озера, Голова рядом с трамваем по земле катился, все собаки мясников за ними... Почему в сторону озера? Дело в том, что когда-то Московские войска из пушек расстреляли Казань, ханы и везери испугались и убежали, а все богатство бросили в озеро. Теперь там несметное богатство, золотые дворцы, там живет дьявол, став хозяином этого богатства и держит в плену мусульман. А народ живет и надеется, что когда-то озеро высохнет, всем достанутся те богатства и все разбогатеют без собственных профессиональных усилий. Богатырь одолел дьявола, всех освободил, жену и сына Головы привез на трамвае, и дьявола приволок, привязав к трамваю, в Казань на Сенной Базар. Его наградили золотыми часами, (почему-то без цепи). Голова превратилась в телесно полноценного молодого человека. Весь народ Сенного Базара обрадовался подвигу своего богатыря, благодарил Аллаха за оказанную помощь, обрел душевное спокойствие. Богатырь и сейчас продолжает торговать на этом рынке, но сомнение в том, что «голова» соединится с «телом», выше уже было выказано.

Обсуждение произведения в рамках обозначенной темы может быть организовано с помощью поиска ответов на вопросы о том, какие ассоциации у читателей, прочитавших поэму и тех, кто только ознакомился с содержанием; если на базаре население Казанской губернии, то какие социальные классы, слои и группы и как охарактеризованы автором в этом произведении; какая, на ваш взгляд, социально - политическая проблема общества охарактеризована автором поэмы в качестве основной и какие еще проблемы увидели? Как часто современные поэты выступают на подобных литературных вечерах в вашем городе? Почему, на ваш взгляд, слушатели смеялись «...до коллик в животе», слушая поэта на этом мероприятии?

Заключение.

¹ Тукай Г.М. Сочинения: в 6 томах / Габдулла Тукай. Академическое издание. Казан: Таткнигоиздат, 2011. 384 с.

Поэму читал в октябре 1908 года молодой поэт Габдулла Тукай. Тогда ему было 22 года.

Произведение представляет собой дидактический материал, который может быть активно использован в анализе проблем общества, теоретических систем, созданных классиками социологической науки Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом и др., которые сравнивали общества с живыми организмами, подобными человеческому телу, где каждый орган выполняет свои функции, обеспечивая функционирование системы. Существование «головы» отдельно от «тела» в социальной системе представляется абсурдом, который может быть только предметом острой политической сатиры, вызывающий гомерический смех у читателей и слушателей автора произведения.

УДК 316.455

ШКОЛЬНАЯ МЕДИАСТУДИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Попов Петр Петрович

Южный федеральный университет, Балашиха, Россия

Аннотация. В статье исследуется потенциал школьной медиастудии как инструмента развития медиа-компетентности учащихся и формирования эффективной информационно-образовательной среды (ИОС) современной школы. На основе анализа мотиваций основных участников образовательного процесса (администрации, педагогов, учащихся) рассматриваются цели и задачи создания и функционирования медиастудии. Обосновывается актуальность развития школьных медиапроектов в контексте современных вызовов, связанных с необходимостью повышения медиаграмотности, обеспечения профориентации, развития коммуникативных навыков и формирования позитивного имиджа образовательной организации. Особое внимание уделяется рассмотрению преимуществ конвергентного подхода к организации работы школьной медиастудии, интегрирующего различные медиаформаты, такие как телевидение, печатные издания, радио и онлайн-ресурсы. Предлагаются практические рекомендации по организации работы школьной телестудии, включая вопросы выбора оборудования, разра-ботки контента и особенности создания различных типов медиапродуктов.

Ключевые слова: школьная медиастудия, медиаобразование, информационно-образовательная среда, профориентация, коммуникативная компетентность, имидж образовательной организации, конвергентная журналистика, медиаграмотность, школьное телевидение, многокамерная съемка, прямая трансляция, школьные медиа.

Введение. В современном мире, характеризующемся стремительным развитием информационных технологий и всепроникающим влиянием медиа, формирование медиакомпетентности у подрастающего поколения становится одной из ключевых задач системы образования. Школьная медиастудия, представляющая собой многофункциональную площадку для производства и распространения медиаконтента, может стать эффективным инструментом для решения этой задачи, а также способствовать формированию единого информационно-образовательного пространства (ИОП) школы.

Актуальность темы.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов:

– **Востребованность медиаграмотности.** Современные школьники ежедневно сталкиваются с огромным потоком информации, поступающей из различных источников. Развитие критического мышления, умения анализировать и оценивать информацию, отличать

достоверные источники от фейков – необходимые навыки для успешной адаптации в информационном обществе.

– Профориентация. Работа в медиастудии позволяет учащимся познакомиться с различными профессиями в сфере медиа, такими как журналист, оператор, монтажёр, ведущий, редактор, и сделать осознанный выбор будущей профессии.

– Развитие коммуникативных навыков. Создание медиапродуктов требует от учащихся умения работать в команде, договариваться, аргументировать свою точку зрения, презентовать свои идеи.

– Формирование позитивного имиджа школы. Качественный медиаконтент, созданный в школьной медиастудии, может эффективно транслировать информацию о достижениях школы, её ценностях и традициях, что способствует формированию положительного имиджа образовательной организации в глазах учеников, родителей и общественности.

– Создание ИОС школы. Медиастудия может стать центром создания и распространения информации, необходимой для организации учебного процесса, внеклассной работы и взаимодействия школы с родителями и выпускниками.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – выявить потенциал школьной медиастудии как фактора развития медиакомпетентности учащихся и формирования ИОС образовательной организации.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать мотивы и потребности различных участников образовательного процесса в создании и функционировании школьной медиастудии.

– определить основные направления деятельности школьной медиастудии, способствующие развитию медиакомпетентности учащихся.

– рассмотреть возможности использования конвергентного подхода в организации работы школьной медиастудии.

– предложить практические рекомендации по организации работы школьной телестудии, включая вопросы выбора оборудования и разработки контента.

Методы исследования.

В процессе исследования использовались следующие методы:

– анализ научной литературы по теме исследования;

– обобщение педагогического опыта организации работы школьных медиастудий;

– метод систематизации и классификации данных.

Результаты исследования и их обсуждение.

Мотивации и потребности участников образовательного процесса.

Создание и успешное функционирование школьной медиастудии зависит от заинтересованности и активного участия всех субъектов образовательного процесса.

Администрация школы заинтересована в создании медиастудии как в инструменте формирования позитивного имиджа школы, повышения её конкурентоспособности, а также в средстве коммуникации с родителями и общественностью.

Педагоги видят в медиастудии возможность использования современных образовательных технологий, повышения мотивации учащихся к обучению, развития их творческих способностей и формирования проектных навыков.

Учащиеся заинтересованы в медиастудии как в пространстве для самовыражения, реализации творческого потенциала, приобретения новых знаний и навыков, а также в возможности попробовать себя в различных профессиях, связанных с медиа.

Направления деятельности школьной медиастудии.

Школьная медиастудия может осуществлять деятельность по следующим направлениям:

– производство новостного контента. Создание новостных сюжетов о жизни школы, достижениях учащихся и педагогов, интересных событиях и мероприятиях. Примеры:

– репортажи с места событий. Важно оперативно освещать события, происходящие в школе. Примером может служить новостной сюжет о турнире по настольным играм. Следует помнить, что информационным поводом является не само мероприятие, а его отдельные

аспекты: начало турнира, подготовка участников, реакция болельщиков, самые интересные моменты игры, объявление победителей, отзывы участников и организаторов.

– интервью с интересными людьми. Приглашение в студию интересных гостей: педагогов, выпускников, представителей общественности, которые могут поделиться своим опытом и знаниями.

– создание тематических программ. Подготовка программ, посвященных различным темам, интересующим школьников: здоровый образ жизни, профориентация, культура, искусство и т. д.

– создание образовательного контента. Разработка учебных видеоматериалов, презентаций, интерактивных заданий.

– организация медиаобразовательных мероприятий. Проведение мастер-классов, тренингов, семинаров по медиаграмотности, журналистике, видеосъемке, монтажу.

– развитие школьных медиаресурсов. Ведение школьного сайта, социальных сетей, создание онлайн-радио, выпуск печатной газеты или журнала.

Организация прямых трансляций и многокамерной съемки.

Подготовка к прямым трансляциям. Живая трансляция, будь то концерт или спортивное соревнование, требует особого подхода. Необходимо заранее продумать расстановку камер, фактически "смонтировав" репортаж в голове еще до начала события. Важно подготовить все необходимые материалы, титры и проверить их совместимость, проведя репетицию. Но, несмотря на тщательную подготовку, нужно быть готовым к импровизации. Событие в прямом эфире может пойти не по плану, и тогда придется оперативно перестраиваться, используя доступные камеры, чтобы охватить самые важные и интересные моменты.

Принципы многокамерной съёмки. Принципы многокамерной съёмки применимы как к студийным ток-шоу, так и к работе с передвижными телевизионными станциями (ПТС) или мобильными многокамерными телевизионными комплексами (ММТК). Они также актуальны и для школ, где используются обычные камеры, не подключенные к режиссёрскому пульта. В таких случаях важно заранее определить зоны ответственности каждой камеры и придерживаться этих договоренностей. Если позволяет оборудование, можно вывести изображение с каждой камеры на отдельный монитор, что позволит режиссеру контролировать процесс и оперативно переключаться между ними. Важно помнить о «мертвых зонах» и всегда быть готовым к импровизации. Для эффективной работы необходима связь с операторами, которую можно обеспечить как с помощью профессиональных систем, так и с использованием раций с наушниками или смартфонов с конференцсвязью.

Конвергентный подход в организации работы школьной медиастудии.

Конвергентный подход предполагает интеграцию различных медиаформатов в рамках единой медиастудии. Это позволяет учащимся получить опыт работы с разными типами медиа, развивать универсальные навыки и создавать более качественный и разнообразный контент.

Преимущества конвергентного подхода:

– расширение охвата аудитории. Разный контент можно распространять через разные каналы, охватывая большее количество зрителей, слушателей и читателей.

– повышение интерактивности. Использование различных медиаформатов позволяет вовлекать аудиторию в активное взаимодействие, например, через онлайн-голосования, конкурсы, опросы.

– экономия ресурсов. Использование одних и тех же ресурсов для создания контента для разных медиаформатов позволяет снизить затраты на производство.

– создание синергетического эффекта. Интеграция различных медиаформатов позволяет создавать более комплексные и интересные проекты, которые превосходят по своему качеству отдельные медиапродукты.

Практические рекомендации по организации работы школьной телестудии.

Оборудование. Для работы школьной телестудии необходимо следующее оборудование:

– видеокамеры (несколько штук);

- штативы;
- микрофоны (петличные, студийные);
- осветительное оборудование;
- компьютер для монтажа видео;
- программное обеспечение для монтажа видео;
- студийное оборудование (хромакей, декорации).

Разработка контента. При разработке контента необходимо учитывать интересы и потребности целевой аудитории, а также задачи, стоящие перед школьной телестудией. Важно планировать вёрстку выпусков.

Вёрстка программы. Решения о том, какие темы включать в выпуск и в какой форме их подавать (короткое сообщение ведущего или развёрнутый репортаж), оформляются в виде вёрстки. Вёрстка – это каркас будущего выпуска, его план. Обычно её составляет шеф-редактор (руководитель студии или опытный ученик).

Компоненты вёрстки:

– Шапка – заставка программы (начальная и конечная). Также существуют шапки рубрик (отбивки рубрики).

– Отбивка – финальный фрагмент шапки (2-5 секунд). Задача – напомнить зрителю, что он смотрит, и отделить одну часть передачи от другой.

– Шпигель (от нем. Spiegel – зеркало) – анонс тем выпуска. Цель – заинтересовать зрителя и убедить его досмотреть выпуск до конца. Обычно идёт в начале программы, после приветствия ведущего, под музыку и с красивой графикой.

Организация работы.

Необходимо создать творческую команду, состоящую из учащихся и педагогов.

Распределить обязанности между членами команды.

Регулярно проводить планерки для обсуждения текущих задач и планирования будущих проектов.

Организовать обучение учащихся основам журналистики, видеосъемки и монтажа.

Привлекать к работе медиастудии профессиональных журналистов и телеведущих.

Выводы.

Школьная медиастудия является мощным инструментом развития медиакомпетентности учащихся и формирования единого информационно-образовательного пространства школы. Она позволяет учащимся приобрести ценные навыки, реализовать свой творческий потенциал, познакомиться с профессиями в сфере медиа и внести свой вклад в формирование позитивного имиджа образовательной организации. Использование конвергентного подхода и привлечение профессиональных медиаспециалистов позволит школьной медиастудии выйти на новый уровень и стать полноценным участником медиапространства.

УДК 316.455

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ ФОРМАТ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ И МЕДИАПРОИЗВОДСТВА

Рыбакова Оксана Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию родительских онлайн-сообществ в социальных сетях как нового гибридного формата медиапотребления и медиапроизводства. Автор выявляет их ключевые особенности и функции. Доказывается, что в цифровую эпоху произошел переход от пассивного потребления медиа к активной модели, где пользователь выступает одновременно потребителем и создателем контента. В работе выделяются основные типы контента (информационный, развлекательный, консультационный, коммерческий) и

анализируется их популярность. Также отмечаются современные тренды, такие как уход в приватные форматы общения и рост популярности коротких видео (VK Клипы).

Ключевые слова: родительские сообщества, онлайн-сообщества, сообщества, социальные сети, медиапотребление, медиапроизводство, онлайн-коммуникации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01459, <https://rscf.ru/project/25-28-01459/> «Социальная и политическая мобилизация женских и молодежных сообществ Сибирского макрорегиона в условиях специальной военной операции (СВО)».

Теоретические основы исследования медиапотребления заложены в работах В.П. Коломийца, который определяет медиапотребление как активную социальную практику использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения символического содержания, а также осуществления социальных связей и взаимодействий [1, с. 60]. И.М. Дзялошинский рассматривает медиапотребление как использование ресурсов медиaprостранства для каких-то целей. Выбор цели и необходимых ресурсов определяется через призму социальных, экономических и психологических факторов, влияющих на поведение пользователей в медиaprостранстве [2, с. 38].

В российских исследованиях медиапроизводство рассматривается как комплексная деятельность, включающая создание и распространение медиаконтента через цифровые платформы [3, 4]. При этом в социальных сетях происходит непрерывное воспроизведение контента за счет самих пользователей сервиса.

Родительские онлайн-сообщества как особый феномен цифрового пространства активно исследуются современными учеными, такими как М.И. Березецкая [5], Н.Е. Браженская [6], А.И. Ворошилова [7], А.А. Майер, Э.Н. Яковлева, Г.Н. Гришина [8], Ж.В. Чернова [9] и др. Ж.В. Чернова рассматривает интернет-сообщества родителей как новую форму гражданского активизма в современной России, отмечая их роль как механизма мобилизации внешних и внутренних ресурсов сообщества. По её мнению, такие сообщества представляют собой не просто структуру для аккумуляции социального капитала, но и важный инструмент горизонтальной самоорганизации общества [9, с. 37].

Общность родителей понимается как «взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач и интересов (обеспечение благополучия детей) на основе сходных условий жизнедеятельности» [10, с. 187–188.]

Цифровая эпоха радикально преобразила ландшафт медиапотребления. На смену пассивной модели, где аудитория получала информацию из централизованных источников – телевидения, радио и газет, – пришла активная (интерактивная). Современный пользователь всё реже является просто потребителем и всё чаще – соавтором и со-творцом медийного пространства. Ярче всего этот тренд проявляется в нишевых сообществах, объединенных общими жизненными интересами, в том числе в родительских сообществах. Эти платформы в социальных сетях и мессенджерах превратились в гибридную среду, где стирается грань между получением информации и её созданием, формируя новый формат медиареальности.

Эволюция медиапотребления привела к возникновению фигуры «просьюмера» – пользователя, который одновременно и потребляет, и производит контент [11, с. 112]. Это стало возможным благодаря развитию интернет-технологий, предоставивших каждому инструменты для публичного высказывания. В сфере родительства эта тенденция нашла особенно плодородную почву. Родительство сопряжено с постоянной неопределенностью, поиском ответов и потребностью в эмоциональной и информационной поддержке.

Согласно данным исследования Mediascore в структуре медиапотребления россиян отмечается преобладание интернета над телевидением как источником получения новостной информации – 52 % россиян в возрасте 30–60 лет отдают предпочтение интернету [12].

Самой популярной социальной сетью в России является «ВКонтакте» [13]. Если говорить о портрете активного пользователя «ВКонтакте», то можно отметить следующее – за сентябрь 2025 активных авторов (те, кто написали хотя бы одно русскоязычное сообщение/комментарий – кроме частных) – 19 млн чел., примерно 30 % из них – люди в возрасте 35–44 лет (самая крупная когорта подписчиков) и примерно 64 % – женщины [14].

Контекст места проживания является фундаментальным фактором, определяющим особенности функционирования родительских групп. В отличие от общенациональных сообществ, региональные платформы формируются вокруг конкретных, осязаемых потребностей своих участников. Для регионального родителя ценность информации измеряется ее практической применимостью «здесь и сейчас». Сообщества становятся незаменимым навигатором в локальном пространстве, выполняя ряд важных функций, таких как взаимная поддержка в решении проблем, защиты прав, обмен опытом и др. [15, с. 101].

В выборку исследования были включены 204 родительских сообщества «ВКонтакте» Сибирского макрорегиона. Отбор всех сообществ осуществлялся вручную через поисковую строку «ВКонтакте». Первым критерием выступила территориальная привязка к Сибирскому макрорегиону (наличие наименования одного из регионов в названии). Вторым – указание в названии причастности к родительству – наличие слов «мама», «мамочки», «родители», «отцы» и т. п.

Весь контент в сообществах можно разделить на четыре основных типа. Фундаментом выступает информационный контент – анонсы городских мероприятий, расписания работы учреждений, инструкции по получению услуг, в т. ч. детских пособий. Развлекательный контент, – мемы, забавные истории, создает эмоциональную связь и ощущение принадлежности к «своим». Консультационный контент, сердцевина сообщества, реализуется в формате вопросов-ответов, где участники делятся личным опытом, создавая уникальную базу «народных» знаний. Неотъемлемой частью является и коммерческий контент – объявления о продаже детских вещей, реклама, поиск сотрудников и т. д.

Результаты контент-анализа по Кузбассу демонстрируют расстановку приоритетов по темам и типам контента [16, с. 168]. Самыми популярными темами в 12 родительских сообществах оказались «здоровье и медицина» (консультационный тип) (1624 поста, 9602 комментария и 1442 лайка) и «развлечение и досуг» (развлекательный тип) (413 постов, 771 комментарий и 11092 лайка), а самыми непопулярными темами «образование» (консультационный тип) (199 постов, 935 комментариев и 347 лайков) и «справочная информация» (информационный тип) (100 постов, 389 комментариев и 79 лайков).

Главная особенность сообществ заключается в том, что родители являются не просто потребителями, но и активными производителями медиаконтента. Это проявляется в двух ключевых формах. Первая – это шеринг (sharing), или культура обмена пользовательским контентом. Каждый пост-вопрос, фото, истории или отзывы – это микро-медиа, вклад в коллективную базу знаний. Вторая форма – шерентинг (sharenting, образованный от слов to share – делиться и parenting – родительство), своеобразный родительский блогинг. Этот термин описывает практику активной публикации родителями контента о своих детях [17, с. 2911].

Среди актуальных трендов можно выделить постепенный уход в более частные форматы – закрытые чаты в мессенджерах, где обсуждения носят более доверительный характер, согласно данным исследования ВЦИОМ около трети родителей состоят в родительских группах и чатах [18]. Растет популярность коротких видеоформатов, так во «ВКонтакте» теперь большую популярность имеют VK Клипы, 30,81 % средний охват клипов, что в 2 раза выше, чем у обычных постов [19]. В них так же делятся лайфхаками и эмоциональными историями.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что родительские онлайн-сообщества представляют собой развивающийся феномен современного медиaprостранства. Они эволюционировали из простых площадок для обмена информацией в гибридные среды, где стирается грань между потреблением и производством контента.

Ключевой особенностью этих сообществ является активная роль самих родителей, которые выступают не как пассивная аудитория, а как просьюмеры. Региональный контекст

при этом является фундаментальным, определяя ориентацию контента на решение конкретных, локальных проблем и задач.

Анализ тематики и типов контента в сообществах Кузбасса показал, что наибольший интерес у аудитории вызывают темы, связанные со здоровьем и медициной (консультационный тип) и досугом (развлекательный тип), в то время как образовательная и чисто справочная информация оказываются менее востребованными.

Научный руководитель – д. социол. н., зав. кафедрой социол. наук, Кранзеева Е.А., Кемеровский государственный университет.

Литература

1. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2010. – № 1 (309). – С. 58–66.
2. Дзялошинский И.М. Медиапотребление как характеристика медиа-аудитории / Медиаобразование. Региональный аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 07–09 октября), 2014. – С. 38–47.
3. Дружинин А.М., Гуров Ф.Н. Цифровизация медиапроизводства: адаптация, целеполагание, аксиологические аспекты // Гуманитарный вестник. – 2022. – №2 (94). – С. 1–13.
4. Железнов М.Э. Обзор проблемы распространения контента: цифровизация в медиапроизводстве // Молодой исследователь Дона. – 2025. – № 3. – С. 146–148.
5. Березецкая М.И. Особенности современного родительского поведения в условиях информационного общества // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. – № 4. – С. 105–112.
6. Браженская Н.Е., Османов М.М. Трансформация семейных ценностей в условиях цифрового общества // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 126–131.
7. Ворошилова А.И. Тематические сообщества по семье и родительству в социальной сети: особенности контент-анализа // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 26–32.
8. Майер А.А., Яковлева Э.Н., Гришина Г.Н. Родительское сообщество: ищем единомышленников: методическое пособие. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2021. – 36 с.
9. Чернова Ж.В. Сообщество родителей: новые формы солидарности и ресурсы мобилизации // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 3. – С. 36–51.
10. Шаброва Н.В. Социальная общность родителей как субъект гражданского общества // Вестник Института социологии. – 2020. – № 1. – С. 183–206.
11. Будрин А.Г., Солдатова А.В., Зонис М.М. Digital маркетинговые коммуникации в условиях развития медиапродьюмеризма // Экономика и экологический менеджмент. – 2020. – № 2. – С. 111–120.
12. Mediascope. Статистика медиапотребления в России. – URL: <https://t.me/mediascopedata/369?single> (дата обращения: 30.10.2025).
13. Mediascope. Топ ресурсов по жанру: Социальные медиа. – URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 01.11.2025).
14. Brand Analytics. Статистика социальных сетей. Возраст и пол авторов ВКонтакте. – URL: <https://brandanalytics.ru/statistics/author/vk/202509/20> (дата обращения: 01.11.2025).
15. Петрухина О.А. Родительское сообщество как форма современного социального партнёрства семьи и образовательной организации. // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 2. – С. 99–104.
16. Рыбакова О.С. Региональные родительские онлайн-сообщества «ВКонтакте»: тематический анализ дискурса / Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика: сборник докладов XX (LII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых

исследователей», посвященная 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (Кемерово, 22 апреля), 2025. – С. 167–169.

17. *Bastemur S., Kursuncu M.A.* Sharenting: why parents share their children' photos on social media? // *Ordu universitesi sosyal bilimler enstitusu sosyal bilimler arařtırmaları dergisi*. – 2022. – Volume 12. – Issue 3. – P. 2911–2928.
18. ВЦИОМ. Родительские чаты и как с ними жить. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/roditelskie-chaty-i-kak-s-nimi-zhit> (дата обращения: 04.11.2025).
19. VK Клипы – не тренд, а инструмент борьбы за внимание в 2025. – URL: <https://vc.ru/marketing/1999610-vk-klipy-v-2025-godu> (дата обращения: 05.11.2025).

УДК 316.42

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА НА МИРОВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖИ

Сагдатуллина Альфия Каюмовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Цифровые медиа – это не просто инструмент получения информации, это сложная экосистема, формирующая ценности, убеждения и представления о мире. Социальные сети, онлайн-игры, потоковые сервисы, новостные агрегаторы – все эти платформы в совокупности создают уникальную среду, в которой молодежь формирует свою идентичность, строит отношения и познает окружающий мир. Влияние цифровых медиа на мировоззрение молодежи – это сложный и многогранный феномен, который необходимо тщательно изучать и проанализировать.

Данная статья призвана исследовать многогранное влияние цифровых медиа на мировосприятие молодежи, выявить ключевые тенденции и предложить конструктивные решения для гармоничного развития в эпоху цифровой трансформации.

Ключевые слова: когнитивное развитие, мировоззрение, мировосприятие, молодежь, социальное восприятие, цифровые медиа, цифровая среда, формирование мировосприятия.

В эпоху, когда реальность и виртуальность переплелись в неразрывный цифровой поток, влияние цифровых медиа на мировосприятие молодежи стало одним из определяющих факторов современности. Поколение, выросшее с гаджетами в руках, формирует свою идентичность, черпает знания и выстраивает социальные связи сквозь призму онлайн-платформ. Этот новый ландшафт информации и коммуникации кардинально отличается от опыта предыдущих поколений, предлагая беспрецедентные возможности и вместе с тем – новые вызовы.

Социальные сети, стриминговые сервисы, онлайн-игры и бесчисленные новостные сайты стали не просто источниками развлечения и информации, а мощными инструментами, формирующими ценности, установки и представления о мире. В этой цифровой экосистеме молодежь подвергается постоянному потоку информации, образов и мнений, которые оказывают глубокое воздействие на их самовосприятие, отношение с окружающими и глобальное видение мира.

Интенсивность и масштабы этого влияния требуют серьезного анализа. Как формируется критическое мышление в условиях переизбытка информации? Как справляться с дезинформацией и манипуляциями в онлайн-пространстве? Эти вопросы становятся ключевыми для понимания будущего поколения и формирования ответственной цифровой культуры.

Немецкий психиатр Манфред Шпицер в своей книге «Антимозг: цифровые технологии и мозг» говорит о том, что чрезмерное использование цифровых медиа ведет к ухудшению памяти, снижению концентрации внимания и "цифровому слабоумию" у молодых людей [1]. Поскольку они считают, что «Google знает всё», а компьютер сохранит любые данные, у многих начинает проявляться «эффект Зейгарник» - когда незавершенные действия запоминаются

почти в два раза лучше, чем завершённые. Таким образом, молодежь, постоянно ориентированная на возможности своих гаджетов (большой объём памяти, возможность быстрого поиска почти любой информации), не утруждает себя запоминанием того, что может сохранить в телефоне или компьютере (сохранили – завершили действие). Следовательно, даже подготовка к семинарским занятиям не занимает у них более 5-10 минут и не оставляет в долговременной памяти необходимой информации.

Корчагин В. и Мгеладзе И. рассмотрели проблему восприятия информации в условиях цифрового медиапространства и влияние когнитивных фильтров на интерпретацию данных. Они считают, что в современном мире важно учитывать не только прямые стимулы, но и когнитивные барьеры, которые могут исказить восприятие и модифицировать смысл сообщения. Данными авторами были рассмотрены различные научные концепции, которые позволили выявить ключевые принципы когнитивной фильтрации: сенсорный фильтр (мировосприятие), ценностный фильтр (мировоззрение), символический фильтр (понятие) [2]. Все эти фильтры напрямую влияют на восприятие реальности. Любое искажение в восприятии информации приводит к искажению восприятия реальности, а, следовательно, и формирования неверного представления о мире, что становится всё более актуальной проблемой при воспитании молодежи.

Интересное исследование о распространении информации и ее влиянии на общество привел в своей книге «За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?» Эли Паризер. Он раскрывает проблему релевантного Интернета, в котором крупнейшие интернет-компании используют многочисленные алгоритмы и фильтры, чтобы показывать нам то, что, по их мнению, нам важно. Через фильтры мы не можем разглядеть всей картины. Мы видим лишь ее отредактированный вариант. Как итог: теперь не мы определяем, что для нас важно, а машины [3]. Такое положение дел крайне отрицательно влияет на восприятие информации молодежью, которой буквально «подсовывают» то, что считают нужным и актуальным различные фильтры Интернет-сети. Такие фильтры, в сущности, создают различные стереотипы, на которых и формируется дальнейший характер и психика молодых людей.

Помимо искаженного восприятия и множества стереотипов цифровые медиа вызывают у детей и молодежи повышенную тревожность, депрессию, бессонницу. Об этом написал Джонатан Хайдт в своей книге «Тревожное поколение». Главная проблема, которую поднимает автор – это массовая тревожность и уязвимость молодого поколения, выросшего в эпоху социальных сетей, нестабильности и постоянного давления. Молодежь чувствует себя обделённой вниманием, со страхом реагирует на критику и часто испытывает тревогу перед будущим. Всё это создаёт эффект «тревожного поколения», которое переживает сильную эмоциональную неустойчивость и социальную расщеплённость. Хайдт приводит исследования, по результатам которых за последние 10-15 лет резко выросло количество тревожных расстройств у подростков и молодых людей. Он связывает это с тем, что дети стали гораздо больше времени проводить в социальных сетях, где бесконечное сравнение себя с другими (более «успешными» личностями) формирует искажённое восприятие себя и реальности. Эти факторы приводят к снижению самооценки, социальной изоляции и ухудшению психического здоровья [4].

Наличие огромного количества исследований, посвященных изучению влияния цифровых медиа на мировосприятие молодежи, говорит лишь о том, что с каждым годом данная проблема ставится все больше и больше. Молодежь, несмотря на цифровую нативность, часто не обладает достаточными навыками верификации информации. Это делает ее уязвимой для дезинформации, теорий заговора и манипулятивных нарративов, что напрямую влияет на формирование искаженного мировоззрения. Для того чтобы справиться с данной проблемой, необходимо научить молодежь критически оценивать информацию из цифровых источников, понимать механизмы создания контента, распознавать манипуляции (фейки, deepfakes) и осознанно использовать медиа.

Литература

1. *Шпитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг / Манфред Шпитцер; пер. с немецкого А.Г. Гришина. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.
2. *Корчагин В.В., Мгеладзе И.З.* Интегративная модель когнитивной фильтрации информации в медиaprостранстве: механизмы восприятия и интерпретации // Вопросы медиабизнеса. – 2024. – Т. 3. – № 4. – С. 79–89.
3. *Паризер Э.* За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; пер. с англ. А. Ширикова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.
4. *Хайдт Д.* Тревожное поколение / Джонатан Хайдт; пер. на русский язык В. Дегтярев – Москва: АСТ, 2025. – 432 с.

УДК 316.4.06

ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА

Соколова Екатерина Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятий «электронный маркетинг» и «цифровой маркетинг». Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению городских пространств. Дается определение понятию «имидж города»: раскрываются его сущность и структурные компоненты. А также описываются перспективы применения технологий искусственного интеллекта в цифровом маркетинге городских пространств.

Ключевые слова: имидж города, цифровой маркетинг, электронный маркетинг, социология города, городская идентичность, брендинг города.

Понятие «электронный маркетинг» оформилось в конце XX столетия. В тот период стало возможным продвижение товаров по электронной почте, в средствах массовой информации и на веб-сайтах организаций [1]. Технологические инновации, широкое распространение социальных сетей и развитие новых медиа способствовали эволюции от электронного к цифровому маркетингу (digital-маркетинг), предполагающему интерактивность, обслуживание и непрерывный диалог между маркетологом и клиентами. Последнее обеспечивается во многом благодаря повсеместному использованию мобильных устройств в повседневной жизни. В условиях конкуренции городов цифровой маркетинг становится ключевым инструментом продвижения территориального бренда.

Имидж города, восприятие населением городских инициатив, формирование городской идентичности, а также виральность информации об урбанизированной среде и геймификацию городских пространств рассматривает социология города как отрасль социологического знания. Город трактуется как социокультурная среда, уделяется внимание не столько физическому пространству, сколько символической значимости.

Классиками социологии города являются К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривающие урбанизацию как следствие производственных процессов. При этом отношения между городом и деревней описываются как антагонистические. Данную идею противостояния продолжил Г. Зиммель, утверждая, что контраст наблюдается также между крупными и малыми городами [2].

Существенный вклад в развитие социологии города внесли представители Чикагской социологической школы. Исследуя процесс урбанизации, они рассматривали проблемы границ городского пространства, миграции, девиантного поведения и маргинальных групп. В частности, Л. Вирт описывал формирование особого образа жизни у индивидов, проживающих в крупных городах. Социальные связи в городе как центре общественной жизни, характеризуются мимолетностью, рациональной направленностью, анонимностью и поверхностью.

По мнению Л. Вирта, городское пространство, в отличие от других типов населенных пунктов, представляет собой крупное поселение гетерогенных индивидов, которое предполагает ослабление семейных связей, соседских отношений и традиционной общественной солидарности [3].

С точки зрения маркетинговых практик имидж города представляет собой конструкт, создаваемый в условиях конкуренции городов на рынке, и идентичный идеологии товара. Он способствует привлечению инвесторов, информационных потоков и увеличению туристического потенциала. Таким образом, имидж города – искусственно созданный образ, формируемый в общественном сознании средствами массовой информации [4].

Формирование позитивного имиджа малого города как фактора, оказывающего влияние на его социально-экономическое развитие, не теряет своей актуальности. Одним из важных направлений продвижения является туризм. Для его развития малым городам необходимы туристическая и придорожная инфраструктура, объекты коллективного размещения (включая шеринг-платформы) и информация о достопримечательностях, объектах культуры и истории. Цифровой маркетинг, характеризующийся отсутствием географических барьеров, способствует повышению узнаваемости малых городов и формирует необходимые условия для привлечения инвестиций, учитывая ресурсный потенциал, потребности целевых групп (инвесторов, местных жителей, туристов) и уникальные особенности городского пространства [5].

В зависимости от маркетинговых стратегий по развитию городских территорий, пространственных и социально-экономических решений, город может позиционироваться как технополис, наукоград, интелполис. Например, учет локальной культуры, внедрение сервисов, упрощающих рутинные процессы местных жителей, наличие электронного голосования, обратной связи и проектирование архитектурных решений, направленных на обеспечение безопасности (освещенные дворы, охранное зонирование) формируют образ эмпатичного города.

Маркетинг территорий и брендинг города описывает Д. В. Визгалов [6]. Имидж города включает в себя три составляющие: 1) характеристики пространства – объективный фактор, 2) личный опыт и впечатления, 3) общественное мнение, стереотипы и публикации в СМИ – субъективные факторы. По мнению Д. В. Визгалова, на идентичность городских пространств оказывают влияние культура, территориальное расположение, климатические условия, внешний вид и ценности жителей. Он считает, что каждый город уникален, вследствие чего маркетологам предоставляются широкие возможности поиска основы маркетинговой кампании.

На сегодняшний день, цифровой маркетинг характеризуется широким использованием возможностей искусственного интеллекта [7]. Он применяется в создании и продвижении персонализированной рекламы, интегрируется в цифровые сервисы, используемые как жителями в повседневной жизни («Наш город»), так и гостями города (рекомендательные системы для туристов). Кроме того, технологии искусственного интеллекта применяются при создании «умных городов» – новых типов городского строительства, предполагающих наличие интеллектуальной транспортной системы, оптимизацию энергопотребления, обеспечение общественной безопасности и создание цифровых двойников – виртуальных копий физических объектов [8, 9].

Таким образом, повышение привлекательности современных как малых городов, так и мегаполисов, является актуальной проблемой. Особую значимость приобретает цифровой маркетинг как инструмент формирования и продвижения имиджа города. Он предполагает увеличение конкурентоспособности территории при помощи создания бренда, трансляции городской идентичности в социальных сетях и иных информационных каналах.

Литература

1. *Голдыбаев Д.И.* Эволюция цифрового маркетинга и его роли в управлении бизнесом // Практический маркетинг. – 2023. – № 4. – С. 36–40.
2. *Вершинина И.А.* Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. – 2012. – № 1. – С. 195–206.

3. *Вершинина И.А.* Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. – 2012. – № 1. – С. 195–206.
4. *Петина А.И.* Формирование имиджа города на примере современных городов / А.И. Петина / Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 1. – С. 221–224.
5. *Смирнова О.А.* Маркетинг как инструмент формирования имиджа малых городов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2023. – № 4 (76). – С. 55–59.
6. *Визгалов Д.В.* Маркетинг города: практика в поисках теории // Маркетинг в России и за рубежом. – 2008. – № 3. – С. 78–85.
7. *Голдыбаев Д.И.* Эволюция цифрового маркетинга и его роли в управлении бизнесом // Практический маркетинг. – 2023. – № 4. – С. 36–40.
8. *Yan Z., Jiang L., Huang X., Zhang L., Zhou X.* Intelligent urbanism with artificial intelligence in shaping tomorrow's smart cities: current developments, trends, and future directions // Journal of cloud computing. – 2023. – Volume 12. – Issue 79. – P. 1–13.
9. *Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г.* Концептуализация феномена социального исключения в социологических теориях // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 3 (26). – С. 30–34.

УДК 316.47

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В КОММУНИКАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА

Шагидуллин Марсель Тальгатович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. актуальность исследования обусловлена глубинными трансформациями коммуникативного ландшафта высшей школы под влиянием цифровизации. Представляется, что классический подход, рассматривающий их сугубо как инструмент продвижения, не отражает всей сложности их воздействия. В связи с этим, цель работы заключается не только в выявлении операционно эффективных моделей взаимодействия с ключевыми стейкхолдерами – абитуриентами, студенчеством, выпускниками и академическим составом, – но и в анализе конструирования устойчивого академического сообщества.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия университета, цифровая экосистема вуза, академическое сообщество, социальные медиа, цифровое взаимодействие.

В условиях стремительной цифровой трансформации социальные институты претерпевают фундаментальные изменения, и высшая школа не является исключением. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли социальных сетей в коммуникационной стратегии современных университетов.

Если ранее цифровые платформы рассматривались как вспомогательный инструмент маркетинга и информирования, то сегодня они становятся важнейшим элементом целостной цифровой экосистемы вуза, непосредственно влияющим на формирование академического сообщества и образовательной среды. Особую значимость эта тема приобретает в контексте усиления конкуренции на рынке образовательных услуг и изменения моделей коммуникации между университетами и их стейкхолдерами.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении социальных сетей как элемента цифровой среды университета, выходящего за рамки утилитарных маркетинговых функций. В отличие от существующих подходов, акцентирующих внимание преимущественно на инструментальной составляющей, в данной работе предлагается анализ социальных сетей как пространства для конструирования устойчивых социальных связей и формирования коллективной идентичности академического сообщества. Особое внимание

уделяется трансформации роли цифровых платформ в условиях развития дистанционных форматов обучения и смешения реального и виртуального в образовательном процессе, что соответствует современным тенденциям развития высшего образования [1, с. 45].

Целью работы является выявление потенциала социальных сетей как элемента цифровой среды университета, способствующего не только решению задач продвижения образовательных услуг, но и формированию устойчивого академического сообщества. В рамках достижения поставленной цели предполагается проанализировать многоуровневую структуру взаимодействия университета с ключевыми аудиториями через цифровые платформы, выявить существующие противоречия и ограничения, а также определить перспективные направления развития цифровых коммуникаций в высшей школе.

Основное содержание работы строится вокруг анализа многомерной природы социальных сетей в контексте университетских коммуникаций. В отличие от традиционного подхода, ограничивающегося триадой «информирование-продвижение-репутация», современная практика требует учета более сложных аспектов взаимодействия. Социальные сети выступают как пространство для академической коллаборации, где стираются традиционные иерархии между преподавателями и студентами, возникают горизонтальные связи и формируется среда для профессионального становления. Этот процесс особенно важен в условиях развития сетевых форм реализации образовательных программ и увеличения доли дистанционного взаимодействия.

Особого внимания заслуживает трансформация работы с различными группами стейкхолдеров. В коммуникации с абитуриентами наблюдается переход от простого информирования к созданию комплексного опыта погружения в университетскую среду. Это достигается через использование иммерсивных форматов, нарративных техник презентации образовательных траекторий и системного вовлечения текущих студентов в процесс коммуникации. Что касается взаимодействия со студенческим сообществом, то здесь цифровая среда становится платформой для формирования того, что можно определить как "коллективное сознание" академической группы, где возникают спонтанные формы самоорганизации и переопределяются традиционные модели педагогического взаимодействия.

Ярким примером успешной реализации такой модели взаимодействия служит студенческий телеканал Univer TV Казанского федерального университета. Данный проект представляет собой уникальный пример органичной интеграции медийного контента в цифровую экосистему вуза, сочетающий функции информирования, образования и создания сообщества. Особого внимания заслуживает модель контентной стратегии Univer TV, которая включает три ключевых направления. Первое направление охватывает освещение академической жизни университета – от репортажей с научных конференций до интервью с профессорами. Второе направление посвящено студенческой жизни и внеучебной деятельности, формируя эмоциональную связь с аудиторией. Третье направление фокусируется на профориентационном контенте, представляя образовательные программы и карьерные возможности.

Телеканал активно использует социальные сети для распространения контента, обеспечивая синергетический эффект между различными каналами коммуникации. Кроссплатформенность позволяет охватить различные сегменты аудитории, адаптируя контент под специфику каждой площадки.

Анализ вовлеченности аудитории показывает эффективность выбранной модели. Регулярные прямые трансляции мероприятий университета собирают значительное количество просмотров, а интерактивные форматы контента стимулируют активность зрителей. Особенно успешными оказываются проекты, сочетающие образовательную и развлекательную составляющие. Перспективы развития Univer TV связаны с расширением тематического разнообразия контента и углублением интеграции с образовательным процессом. В частности, рассматривается возможность создания специализированных программ совместно с институтами КФУ, а также развитие форматов иммерсивного видео для более глубокого погружения в университетскую среду.

Значительный потенциал социальные сети демонстрируют в работе с выпускниками, где происходит переход от эпизодического общения к созданию устойчивых сетей "интеллектуального партнерства". Выпускники становятся активными участниками образовательного процесса — выступают в качестве менторов, экспертов образовательных программ и амбассадоров университетского бренда. Этот аспект наглядно показывает, как цифровая среда позволяет преобразовать разрозненных индивидов в структурированное сообщество, разделяющее общие ценности и профессиональные ориентиры, что находит отражение в современных исследованиях цифровых сообществ в образовании [2, с. 78].

В ходе исследования выявлены существенные противоречия между декларируемой открытостью университетов и реальными практиками цифрового взаимодействия. Многие вузы сохраняют ритуализированный характер коммуникации, при котором формальное информирование преобладает над содержательным диалогом. Нередко наблюдается дублирование официального дискурса без создания добавочной ценности для аудитории, а также несистемное использование различных платформ без учета их специфики и аудиторного потенциала. Эти ограничения свидетельствуют о необходимости пересмотра самой философии цифровых коммуникаций – от логики «вещания» к логике «со-творчества».

В качестве концептуальной основы для развития цифровой экосистемы университета предлагается модель «трех уровней взаимодействия». Институциональный уровень представлен официальными аккаунтами университета, обеспечивающими целостность коммуникационной стратегии. Факультетский уровень включает сообщества структурных подразделений, отражающие их академическую специфику и исследовательские профили. Персональный уровень объединяет аккаунты сотрудников и студентов, создающие пространство для неформального общения и профессиональной самореализации. Такая архитектура позволяет сочетать стратегическую целостность с необходимой гибкостью и адаптивностью к потребностям различных аудиторий.

Проведенный анализ позволяет констатировать фундаментальную трансформацию роли социальных сетей в коммуникационном пространстве современного университета. Цифровые платформы эволюционировали от вспомогательного инструментария до интегрального компонента академической экосистемы, переопределяя традиционные модели взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса. Эта метаморфоза обусловлена способностью социальных медиа создавать многомерное коммуникативное поле, где институциональный дискурс органично сочетается с горизонтальными связями и профессиональной самоорганизацией.

Ключевым результатом исследования становится выявление парадигмального сдвига в понимании эффективности цифровых коммуникаций университета. Если ранее доминировал подход, ориентированный на количественные показатели охвата и трансляции контента, то современная практика демонстрирует приоритет качества создаваемых связей и глубины формируемых сообществ. Эффективность взаимодействия начинает определяться способностью выстраивать устойчивые сети коллаборации, где каждый участник становится не только потребителем, но и соавтором образовательного контента.

Особую значимость приобретает выявленная способность социальных сетей конструировать новые формы академической идентичности. Цифровые платформы становятся пространством для кристаллизации профессиональных сообществ, где стираются традиционные институциональные границы и формируются междисциплинарные связи. Этот процесс особенно важен в контексте развития сетевых форм образования и возрастающей мобильности академического труда, создавая основу для формирования действительно открытого университета.

Практическая ценность исследования заключается в разработке многоуровневой модели интеграции социальных сетей в коммуникационную стратегию вуза. Предложенная архитектура, сочетающая институциональный, факультетский и персональный уровни взаимодействия, позволяет преодолеть характерный для многих университетов разрыв между официальной риторикой и реальными практиками цифрового общения. Важным условием

эффективности такой модели становится ее способность балансировать между стратегической целостностью и необходимой адаптивностью к потребностям различных аудиторий.

Перспективы развития цифровых коммуникаций университета видятся в углублении исследований механизмов конвертации онлайн-взаимодействия в социальный капитал академических организаций. Требуют изучения вопросы измерения отложенного эффекта цифровых коммуникаций, их влияния на академическую репутацию и профессиональные траектории выпускников. Особую актуальность приобретает разработка комплексных метрик оценки, учитывающих как количественные показатели, так и качественные изменения в восприятии университетского бренда.

Заключительный вывод исследования констатирует необходимость переосмысления самой философии цифровых коммуникаций в высшей школе. Университет будущего должен воспринимать социальные сети не как технический инструмент, а как органичную среду существования академического сообщества, где создаются условия для генерации нового знания, профессионального роста и формирования ценностных ориентаций. Такой подход открывает возможности для создания действительно инклюзивной и динамичной образовательной экосистемы, отвечающей вызовам цифровой эпохи.

Литература

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
2. *Луман Н.* Реальность массмедиа. — М.: Праксис, 2005. — 254 с.
3. *Гарифуллин В.З.* Медиаструктура и тематическая повестка общественно-политических СМИ Республики Татарстан // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2025. — № 4 (71). — С. 99–106

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ (ПРИУРОЧЕНА К 35-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ КФУ)»

УДК 321.02

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

Авзалова Эльмира Илгизовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Развитие цифровых технологий создает новые возможности для деятельности и взаимодействия граждан, политических институтов, общества. Сегодня Интернет становится пространством осуществления политических практик, исследование политических последствий цифровизации активно развивается. Внедрение цифровых технологий способствуют не только трансформации и модернизации политического процесса, но и дальнейшей смене исследовательской парадигмы в политической науке.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, интернет-коммуникации, политика.

Цифровизация политики стала неотъемлемой тенденцией последних десятилетий. Широкое внедрение цифровых технологий в деятельность органов государственной и муниципальной власти создает новые формы участия граждан в процессе принятия решений и трансформирует способы взаимодействия граждан и политических институтов. Интернет предстает как пространство осуществления политических практик, превращается в инструмент политической борьбы, используется как канал коммуникации граждан и политических институтов. Как многогранное явление, цифровизация политики широко изучается в рамках многих наук: политологии, социологии, экономике, философии. Однако вопрос о последствиях цифровизации политики остается открытым. Если исследования цифровой трансформации политических институтов активно развиваются, то осмыслению тех изменений, которые произошли под их влиянием в науке в целом и в политической науке в частности, уделяется намного меньше внимания.

Одной из основных методологических особенностей исследования цифровизации политики является отсутствие науки об Интернете, для которой интернет-коммуникации и цифровые технологии были бы основным предметом изучения. Как сфера научных исследований и прикладных разработок проблематика роли Интернета и цифровых технологий в политике лежит на стыке государственного управления, информационно-коммуникационных технологий и политической науки. Однако опыт более продвинутых в этой области государств позволяет говорить о значимой роли политологии в этой области, так как изменения, связанные с внедрением цифровых технологий, затрагивают систему властных отношений и, несомненно, должны быть рассмотрены в контексте политической науки.

Воздействие Интернета на жизнь общества сложно охарактеризовать однозначно, поэтому при описании данного явления чаще используются метафоры, нежели научные термины. Так, очень часто Интернет называют «революционным методом коммуникации» [1, с. 65.], «информационной супермагистралью» [3], «глобальной паутиной» [4], «сетью сетей» [5].

Изучение совокупности политических практик в Интернете нуждается в собственных методах и методиках, особом дискурсе. Сложность анализа виртуальных процессов в реальном масштабе времени, быстрая смена понятийного аппарата, постоянная эволюция форм интернет-коммуникаций делают невозможным изучение роли Интернета в политике с применением привычных методов отбора материала.

Очерчивая границы науки об Интернете, Д.Н. Песков обращает внимание на ключевое противоречие между методологией политической науки, описывающей социальные трансформации, связанные с появлением новых технологий, и дискурсом интернет-науки [2, с. 47]. Исследователь указывает на то, что современная политическая наука воспринимает Интернет как дополнительный фактор коммуникации в рамках существующих институтов. Так, например, концепции электронного правительства предполагают модификацию классических теорий бюрократии с учетом возможностей интернет-коммуникаций и информационных технологий: при получении государственных услуг существенно сокращаются временные и материальные издержки, бюрократические процедуры. При этом не уделяется достаточного внимания тому факту, что изменения затрагивают не только сферу практической политики, Всемирная сеть способствуют расширению понятия «политического» [2, с. 51]. В виртуальном пространстве появляются новые факторы, оказывающие влияние на мировую политику, например, виртуальные сообщества и квазигосударственные образования, киберпреступность.

Таким образом, цифровые технологии несут в себе огромный инновационный потенциал. Являясь главным инструментом преобразований, они способствуют не только трансформации и модернизации политического процесса, но и дальнейшей смене исследовательской парадигмы в политической науке. Междисциплинарный характер проблематики, связанной с Интернетом, слабая разработанность многих аспектов данной проблемы и отсутствие единой интернет-науки обуславливают ряд методологических противоречий исследования, без четкого определения которых немислимо изучение противоречий практической политики.

Литература

1. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 253 с.
2. *Песков Д.Н.* Интернет-пространство: состояние преодолена? // Полис. – 2003. – № 5. – С. 46–55.
3. *Gore A.* Information superhighways: the next information revolution // The Futurist. – 1991. – Volume 25. – P. 21–23.
4. *Harasim L.M.* Global networks: computers and international communication. – Boston.: MIT Press., 1993. – 411 p.
5. *Markham A N.* Metaphors Reflecting and shaping the reality of the internet: tool, place, way of being. – URL: <http://markham.internetinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).

УДК 316.47

МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ И СЕМЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Асангулова Жайнагул Эсенбековна

Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В статье рассматривается роль медиа в обеспечении социальной поддержки детей и семей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Анализируются современные подходы к использованию информационно-коммуникационных технологий в системе социальной защиты, выявляются проблемы и предлагаются пути их решения. Особое внимание уделяется развитию цифровых платформ, мультимедийных ресурсов и взаимодействию с гражданским сектором для повышения эффективности социальной поддержки и профилактики социальных рисков.

Ключевые слова: медиа, социальная поддержка, трудная жизненная ситуация, социальные технологии, цифровые платформы, информационная грамотность, социальные услуги, дети, семьи.

В области социальной защиты населения ключевым понятием является ТЖС (трудная жизненная ситуация), которая выступает основанием для предоставления социальной поддержки и защиты. В данную категорию входят социально уязвимые группы населения, такие как семьи и дети, оказавшиеся в условиях, усложняющих их полноценное функционирование и развитие. ТЖС определяется наличием совокупности обстоятельств, создающих угрозу благополучию и стабильности личности или группы, требующих вмешательства системы социальной защиты.

В научной литературе термин «трудная ситуация» используется достаточно часто, иногда в связке с понятием экстремальной ситуации, однако четкое и единое определение этого понятия отсутствует. Согласно мнению Н.Г. Осуховой, основным фактором, позволяющим классифицировать жизненную ситуацию как трудную, является нарушение адаптации человека к окружающей среде. Иными словами, ТЖС — это ситуация, при которой под воздействием внешних факторов или внутренних изменений происходит сбой в адаптации человека, что препятствует удовлетворению его основных потребностей с помощью привычных способов поведения, сформированных ранее в жизни [4].

В соответствии с действующим законодательством, данное понятие определено в рамках закона Кыргызской Республики от 19 декабря 2001 года № 111 «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике». Трудная жизненная ситуация – это объективное нарушение жизнедеятельности гражданина, вызванное такими обстоятельствами, как инвалидность, неспособность к самообслуживанию вследствие преклонного возраста или болезни, сиротство, безнадзорность, недостаток материальных средств, безработица, отсутствие постоянного места проживания, а также ситуации, связанные с семейными конфликтами, жестоким обращением, домашним насилием, одиночеством и иными факторами, которые человек не способен преодолеть самостоятельно. Согласно официальным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики за 2023 год, уровень бедности среди населения зафиксирован следующим образом:

Уровень бедности по основным группам населения

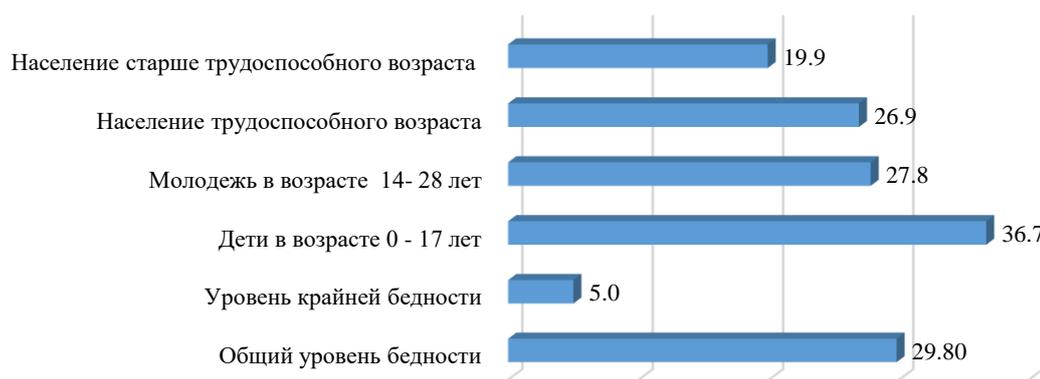

Рис. 1. Уровень бедности населения

В рамках реализации государственной политики в сфере социальной защиты семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (ТЖС), в Кыргызской Республике осуществляется системное совершенствование и расширение мер поддержки. Ведомственная

структура, ответственная за социальную защиту населения в Кыргызской Республике, представлена Министерством труда, социального развития и миграции Кыргызской Республики (МТСОиМ КР). В её составе функционируют районные управления социального развития, которые осуществляют координацию и реализацию социальных программ на местном уровне.

Районные отделы включают три специализированных подразделения:

- отдел поддержки семей и детей (ОПСД),
- отдел поддержки лиц с ограниченными возможностями здоровья (ЛОВЗ),
- отдел по работе с одинокими пожилыми людьми.

В соответствии с указом Президента Кыргызской Республики, подписанным в феврале 2025 года, было принято решение о создании 550 новых штатных единиц для социальных работников. Эти специалисты предназначены для всесторонней поддержки и защиты детей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Новые должности были введены в структуру отдела поддержки семей и детей (ОПСД).

В настоящее время ведутся активные мероприятия по расширению и совершенствованию системы предоставления социальных услуг населению. Однако, согласно статистическим данным, средняя нагрузка на одного социального работника на районном уровне достигает примерно 3000 человек, что негативно влияет на качество и эффективность оказываемых услуг. В основном граждане обращаются за помощью для получения пособий или оформления социальных контрактов. В то же время услуги психологической, педагогической и семейной консультации, а также ранней диагностики заболеваний (например, аутизма у детей), определения инвалидности и предоставления медицинских консультаций по вопросам беременности и инвалидности доступны либо слабо, либо практически отсутствуют. Основными причинами являются нехватка квалифицированных специалистов, ограниченное время работы сотрудников государственных структур и дефицит ресурсов.

Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики (МТСОМ КР) занимается цифровизацией системы социальной защиты и трудовой сферы, включая поддержку детей и социально уязвимых групп населения. В настоящее время в ведомстве функционируют три автоматизированные базы данных: «Корпоративная информационная система социальной помощи» (КИССП), «Информационная система рынка труда» (ИСРТ) и автоматизированная информационная система «АИС ТЖС». Последняя обеспечивает гражданам соответствующих категорий доступ к необходимым социальным услугам, а также способствует эффективному мониторингу и управлению данными. Внедрение данных информационных систем позволило снизить риск ошибок при назначении пособий, уменьшить коррупционные проявления и исключить возможность двойных назначений [5].

Социальная защита детей и семей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах (ТЖС), занимает важное место в приоритетных задачах современного общества. Согласно данным за второй квартал 2023 года, в Кыргызстане более 3 356 детей находятся в ТЖС, при этом значительная часть из них нуждается в системной и комплексной поддержке. В рамках государственной политики реализуются мероприятия, такие как заключение социальных контрактов и разработка индивидуальных планов защиты ребенка (ИПЗР), направленные на улучшение ситуации.

Несмотря на предпринимаемые меры, сохраняются системные проблемы, связанные с недостатками межведомственного взаимодействия, низким уровнем цифровой грамотности и вопросами информационной безопасности, что требует поиска новых подходов и решений. В этом контексте особое значение приобретает использование современных медиа и цифровых технологий для повышения эффективности социальной поддержки и защиты прав детей и семей в ТЖС.

За последние два года активно функционирует программа социального контракта, которая предусматривает предоставление финансовой помощи семьям или отдельным гражданам в размере 150 000 сомов или 1724 долларов США с целью поддержки инициатив по открытию собственного дела [1]. Эта мера способствует развитию предпринимательских инициатив и помогает выходу из трудных жизненных ситуаций. Однако, несмотря на реализуемые

инициативы, в регионах с ограниченной доступностью и удалёнными населёнными пунктами остаются значительные проблемы. В таких районах затруднён или невозможен своевременный и полноценный обмен информацией, что мешает своевременному информированию населения о предоставляемых услугах и возможностях. Когда информация всё же достигает адресатов, она зачастую представлена в недостаточно понятной и доступной форме, что обусловлено слабой структурой алгоритмов распространения информации и низким уровнем информационной грамотности у населения.

Для решения указанных проблем целесообразно создание информационных и коммуникационных платформ. Рекомендуется разместить специализированные медиа-ресурсы и активно использовать социальные сети на официальных сайтах МТСОиМ КР и районных отделов для распространения информации о доступных услугах, профилактических мероприятиях и ранней диагностике. Такой подход повысит информированность населения, обеспечит своевременную помощь, снизит нагрузку на специалистов и улучшит качество социальной поддержки в регионе.

Основными причинами низкой эффективности информационной поддержки являются недостаточная образованность населения, низкая заинтересованность в услугах и социально-экономические барьеры. Эти факторы требуют разработки комплексных мер по повышению информированности, совершенствованию алгоритмов предоставления информации и стимулированию социальной активности населения, особенно в регионах с ограниченным доступом к информационным ресурсам.

В условиях усложнения социокультурной ситуации масс-медиа приобретают важное значение для развития социальной сферы. Взаимодействие медиа и социальных институтов должно быть направлено на улучшение качества жизни, укрепление благосостояния и морально-духовного состояния уязвимых групп. Такой диалог способствует защите этих слоёв от негативных факторов и распространению инновационных методов поддержки. Современные медиа, включая социальные сети и традиционные СМИ, значительно влияют на формирование общественного восприятия социальной работы. Они создают платформы для коммуникации с широкой аудиторией, обмена информацией о программах и услугах, а также обеспечивают обратную связь с получателями помощи. Это способствует более точной настройке программ и услуг, направленных на улучшение социальной поддержки и интеграции.

Масс-медиа играют важную роль в распространении информации, укреплении гражданского сознания и мобилизации ресурсов. Они служат мощным инструментом информирования о социальных инициативах, правах граждан и деятельности НПО, работающих с уязвимыми группами. Через телевидение, радио, печатные СМИ и интернет формируется общественное мнение, повышается гражданская ответственность и стимулируется участие в социальных проектах.

Современные методы использования медиа для оказания социальной поддержки семьям и детям, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах, успешно внедряются в развитых странах и начинают приобретать значение и в Кыргызстане. Медиа служат эффективным инструментом воздействия, позволяя предоставлять необходимую помощь и поддержку в условиях социальной изоляции или кризисных ситуаций. Сегодня около 5,3 миллиарда человек активно используют социальные сети и информационные платформы для обучения, получения информации и коммуникации. Это создает новые возможности для разработки и реализации программ и стратегий, направленных на помощь семьям и детям в сложных условиях.

Взаимодействие между масс-медиа и гражданским сектором проявляется через проведение информационно-просветительских кампаний, которые направлены на повышение осведомленности о правах детей, женщин, лиц с инвалидностью и других уязвимых групп населения. Создание мультфильмов, видеороликов и информационных плакатов, распространяемых через телевидение и соцсети, способствует формированию позитивного отношения и лучшего понимания проблем этих категорий. Масс-медиа также играют ключевую роль в привлечении общественного внимания к деятельности неправительственных организаций, расширяя их поддержку и участие граждан. Совместные инициативы по распространению информации

о возможностях получения социальной помощи, а также кампании против насилия, коррупции и дискриминации повышают эффективность социальной работы. В условиях ограниченного финансирования НПО средства массовой информации помогают широко освещать их деятельность, привлекать новых волонтеров и доноров, а также стимулировать государственные структуры к открытому диалогу и сотрудничеству.

Гражданские организации выполняют важную роль в восполнении пробелов в системе социальной поддержки, особенно при ограниченных ресурсах государства. Они быстро реагируют на возникающие проблемы, реализуя проекты и акции, зачастую недоступные для государственных учреждений. Например, во время пандемии COVID-19 НПО активно использовали социальные сети и СМИ для информирования и поддержки наиболее уязвимых групп населения, таких как семьи с низким доходом и другие социально незащищенные категории. Добровольческие инициативы, мобилизованные молодежью и гражданами, осуществляли доставку гуманитарной помощи, распространение информационных материалов и психологическую поддержку. В Кыргызстане участие гражданского сектора в период пандемии насчитывало около 15 тысяч волонтеров, что подчеркнуло важность гражданской инициативы и партнерства в условиях кризиса.

В современном обществе роль медиа выходит за рамки простого информирования, становясь мощным инструментом социальной поддержки, особенно для детей и семей в трудных жизненных обстоятельствах. Глобальные вызовы – экономические кризисы, социальная изоляция, семейные кризисы и последствия чрезвычайных ситуаций – требуют новых подходов к оказанию помощи и профилактике. Использование медиа позволяет распространять важную информацию, создавать безопасное пространство для поддержки, формировать сообщества взаимопомощи и предоставлять практические решения.

Масс-медиа играют важную роль в связке гражданского общества и населения, усиливая деятельность НПО и повышая эффективность социальных инициатив. В условиях ограниченных ресурсов и необходимости поиска новых механизмов поддержки активное взаимодействие СМИ и гражданского сектора становится ключевым фактором укрепления социальной стабильности и помощи уязвимым группам в Кыргызстане и за его пределами.

Создание и использование информационно-образовательных платформ, таких как сайты, мобильные приложения, видеоканалы и группы в соцсетях, обеспечивают своевременное и доступное информирование семей о правах, социальных услугах, психологической поддержке и профилактических мерах. Современные исследования показывают, что такие цифровые ресурсы повышают информированность, способствуют самостоятельности и активизации семей в получении помощи. Например, онлайн-ресурсы для родителей, предлагающие консультации по воспитанию, психоэмоциональной поддержке и программам социальной помощи, демонстрируют эффективность, обеспечивая удобный доступ к информации и снижая барьеры обращения за помощью. Такой подход способствует развитию самостоятельности семей, профилактике социальных проблем и укреплению семейных ресурсов.

Использование мультимедийных средств и онлайн-платформ способствует повышению информационной грамотности и развитию социально-эмоциональных навыков, а также обеспечивает поддержку в условиях ограниченного контакта с внешним миром:

1. Медиа-уроки и онлайн-курсы по информационной грамотности помогают детям развивать навыки безопасного поиска информации, распознавания фейковых новостей и работы с достоверными источниками. Эти материалы реализуются через платформы типа YouTube, что делает обучение гибким и доступным.

2. Специализированные сайты и платформы, такие как «Безопасный интернет» или «Медиа-грамотность для детей», включают тесты, викторины и мультимедийные материалы для закрепления знаний и развития навыков.

3. Онлайн-платформы для психологической поддержки, например «Телефон доверия» или «Онлайн-кабинет психолога», обеспечивают анонимную и круглосуточную помощь детям и их родителям. При отсутствии доступа к мобильным устройствам возможна работа через компьютеры в интернатах или организация регулярных звонков.

4. Видеоуроки и вебинары по развитию коммуникационных и эмоциональных навыков помогают формировать устойчивость и умение справляться со стрессами.

5. Интерактивные онлайн-игры и симуляторы моделируют ситуации безопасного поведения и взаимодействия в соцсетях, что способствует развитию правильных моделей поведения и повышению информационной безопасности.

6. Мобильные приложения, разработанные или адаптированные для развития информационной грамотности и психологической поддержки, расширяют возможности самостоятельного обучения и помощи, особенно при наличии устройств в интернатах.

7. Образовательные программы с мультимедийным сопровождением, такие как виртуальные экскурсии, фильмы и онлайн-лекции, делают обучение более разнообразным и мотивирующим.

Интеграция этих средств создает условия для доступного и эффективного обучения, учитывающего особенности детей из семей с ограниченными возможностями и интернатных учреждений. Важен технический аспект — создание понятных, адаптированных материалов и подготовка педагогов к использованию новых технологий. Такой подход способствует развитию информационной грамотности, социальной адаптации и расширению возможностей получения поддержки, особенно в условиях ограниченного контакта с внешним миром.

Разработка и внедрение медиа-уроков, онлайн-платформ и ресурсов является важным инструментом поддержки уязвимых детей. Обеспечение необходимой технической базы, создание доступных материалов и подготовка специалистов повышают качество образования и психосоциальной помощи. В будущем следует развивать инновационные решения, внедрять новые технологии и регулярно обновлять контент для соответствия современным требованиям.

В целом, современная система социальной защиты семей и детей, оказавшихся в трудных ситуациях, требует комплексного и инновационного подхода с активным использованием медиа и цифровых технологий. Определение ТЖС как ключевой категории помогает систематизировать меры поддержки и своевременно реагировать на потребности уязвимых групп. В Кыргызстане реализуются программы по расширению и совершенствованию помощи, цифровизации процессов и повышению информированности населения через развитие информационно-коммуникационных платформ и медиа-ресурсов.

Несмотря на достижения, остаются проблемы недостаточной цифровой грамотности, низкой информированности и ограниченных ресурсов, снижающих эффективность помощи. Для их преодоления важно создавать специализированные онлайн-ресурсы, платформы психологической поддержки и образовательные мультимедийные материалы. Масс-медиа играет ключевую роль в распространении информации, формировании общественного сознания и мобилизации гражданских инициатив, особенно в кризисных ситуациях и при ограниченном доступе к традиционным каналам.

Интеграция современных технологий, развитие медиаконтента и активное взаимодействие с гражданским сектором позволяют повысить качество социальной поддержки, расширить охват и обеспечить своевременную помощь. В будущем развитие инновационных медиа-решений, повышение уровня информационной грамотности и усиление межведомственного сотрудничества станут основными факторами укрепления социальной стабильности и эффективности поддержки семей и детей в Кыргызстане.

Литература

1. В Кыргызстане заключено 1 286 социальных контрактов для запуска семейных доходных проектов. – URL: <https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/21/v-kyrgyzstane-zaklyucheno-1-286-soczialnyh-kontraktov-dlya-zapuska-semejnyh-dohodnyh-proektov/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. *Воронцова М.В.* Технология формирования имиджа, рг и рекламы в социальной работе: учебник и практикум для вузов. – М.: ЛитРес, 2020. – 147 с.
3. *Зарахович И.С., Головин Ю.А., Коханая О.Е.* Отечественные средства массовой информации для детей: учебное пособие. – М.: МГУКИ, 2011. – 187 с.

4. *Осухова Н.Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учебное пособие. – М.: Академия, 2012. – 288 с.
5. Создан Центр цифровизации социальной защиты при Министерстве труда, социального обеспечения и миграции. – URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/24346-emgek-socialdyk-kamsyzdoo-zana-migraciya-ministrloginin-aldynda-socialdyk-korgoonu-sanariptestiruu-borboru-tuzuldu> (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 323.15

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И УНИКАЛЬНОСТИ СЕТЕВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ «СИБИРСКИХ МИРОВ»

Головацкий Евгений Васильевич

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Социально-политическая коммуникация выступает индикатором региональных отношений граждан / пользователей к современному состоянию социальной реальности. Нами рассматривается социально-политическая коммуникация региональных сибирских сетевых миров с учетом идентичности и уникальности исследуемых коммуникаций. В исследовании предлагается использование инструментов цифрового интеллектуального анализа данных с возможностью наблюдать (собирать в тематические датасеты) множественные коммуникативные акты региональных пользователей сибирских сетевых сообществ в определенном множественном диапазоне и необходимом исследователям объеме. В рамках изучаемых сибирских миров (регионов ресурсного типа) были сформированы датасеты региональных сетевых сообществ по актуальным тематикам, повестки и содержания социально-политической коммуникации сетевых сообществ (ручная сборка). Отметим, что в качестве деструктивных коммуникативных угроз были проанализированы результаты мониторингового исследования «Кузбасс-Политика-2024 -2025», а также триггерные повестки сибирских сетевых сообществ (2024–2025 гг.). В рамках наблюдений сетевой социально-политической коммуникации нами обнаруживаются определенные региональные признаки идентичности и уникальности сетевых отношений сибирских пользователей, которые демонстрируют не строго доминирующий характер повседневной коммуникации региональных пользователей и соответственно сообществ. В результате множественные региональные миры показывают различные уровни и основания социальной и политической коммуникации, в которых кроме очевидных сторонучастников способны взаимодействовать уникальные акторы, темы, повестки и тональности, демонстрирующие сходные и различающие практики взаимодействия.

Ключевые слова: социально-политическая коммуникация, сетевые сообщества, уникальности и идентичности коммуникации, регион, Сибирь.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining», <https://rscf.ru/project/24-28-01230/>.

В рамках исследования региональных сообществ в современных условиях актуализируется вопрос о сетевой идентичности, как определенном тождестве индивидуальной реальной коммуникации в сети и «личности сетевой». В настоящее время исследователи развития российских сетевых сообществ отмечают существование пространства «сталкивающихся» идентичностей. Кроме того, понятия «сетевая», «виртуальная», «мобильная» и «облачная» идентичности выступают активным снование научного поиска и сравнения. отмечая, что «сетевая культура создает новый тип личности, формирование которой определяется в первую очередь

конкретной системой сетевых взаимодействий» [1, с. 10–11]. В настоящий период обозначается сценарий роста национального самосознания через демаркацию с внешним миром с одновременным нарастанием множества противоречий внутри общества [2, с. 97]. Сетевые коммуникации становятся постоянным реальным ресурсом корректировки и развития различных сфер общественных отношений. Используя методологические подходы-основания социальных сетей, предложенные И.Е. Штейнбергом можно принять во внимание: строго сетевые отношения между «государством и обществом»; сеть способна представлять собой форму социального капитала; сеть представляет собой обмен ресурсами (с различной степенью конвертируемости), и наконец сеть представляет собой консолидированную форму адаптации ее участников к экстраординарным практикам [3].

В рамках регионального исследования мы сосредоточили внимание на физически (мониторинговое исследование «Кузбасс-Политика») и виртуально доступных (пользователи «ВКонтакте») в регионах ресурсного типа Сибири) сообществах граждан. Нами рассматриваются: тематические сообщества; содержательная сторона взаимодействия участников сообществ, и триггерные повестки социально-политической коммуникации.

В ходе анализа социально-политической коммуникации региональных сообществ были проанализированы следующие триггеры-основания: проблемы здравоохранения, защита прав детей, вопросы образования, льготы нуждающимся, защита трудовых прав, социокультурные взаимодействия, экологические триггеры. Региональные триггеры включают повестки, которые важны для жителей региона, вызывают у них эффект заражения, насыщены эмоциональной коммуникацией, поскольку они связаны с его историей, как правило, известными аффилированными индивидами, развитием экономики, состоянием культурных позиций или текущими проблемами повседневной жизни людей «здесь и сейчас».

Отдельно предлагаем выделять следующие триггерные повестки, преобладающие в коммуникации жителей Сибири:

– Территориальные («местные») триггеры – охватывают проблемы конкретных территорий, вопросы качества жизни, ЖКХ, благоустройство территорий, транспортного обслуживания, безопасность, ДТП, вызывают скорый эмоциональный отклик и социальный резонанс населения/пользователей.

– Политические триггеры: оценка реформ, социально-политической мобилизации, СВО (по сути, тематика проведения специальной военной операции и связанные с ней уровни заслуживает самостоятельного уровня оценки и исследовательского сопровождения), законодательные трансформации, политические выборы и референдумы.

– Экономические триггеры: глобальные экономические эффекты или их ожидание, рост цен, проблемы трудовой занятости и безработицы, инфляция и пр. [4].

В качестве аккордности оценок и остроты рассматриваемых тем приведем некоторые результаты регионального социологического мониторингового исследования «Кузбасс-Политика». Подтверждающими иллюстрациями социального беспокойства нарастания военной угрозы выступают стали ответы кузбассовцев на открытый вопрос, о том какие слова им приходилось слышать в течении года чаще всего. Так среди слов или словосочетаний, оказавшихся «на слуху» у жителей региона, помимо артикуляции социально-экономических проблем и личной безопасности по месту жительства стали темы посвященные СВО (36,6 % – лидер повестки среди прочих тем). Приведем слова и словоформы в порядке снижения частоты упоминаний: «СВО», «война», «специальная военная операция», «когда закончится война», «3-я мировая война», «мировая война», «мобилизация», «Победа будет за нами», «военные действия», «Война с Украиной», «атака беспилотников», «атака дронов», «дроны», «террористические атаки», «все на фронт», «За россию сво», «Идет война», «когда вернется сын», «помощь ветеранам», «решение проблем семей участников СВО», «ядерная война» (курсивом обозначены высказывания респондентов, в комментариях сохранена орфография и пунктуация авторов). Комментарии представляют артикулированное звучание темы СВО, частые тревожные ситуации жителей региона, переведенные в качественные суждения о наличествующих рисках и уязвимостях.

Также региональные респонденты отмечают значимость различных источников политической информации (сравнение за два года). Источники СМИ снизились в этом плане более чем на 4 п. п., в то время как влияние социальных сетей и блогеров сохраняется, мессенджеры немного утратили значение с 27,9 % в 2024 году до 24,2 % в 2025 г., в то время как официальные новостные, аналитические сайты незначительно «повысили» свою значимость.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие источники политической информации заслуживают наибольшего доверия у населения, по Вашему мнению?»
(n = 510 чел., 2025 год; n = 572 чел. 2024 год; Кемеровская область – Кузбасс, допускалось несколько вариантов ответов, показано в %)

Источники информации	2025	2024
Печатные СМИ, телевидение, радио	49,7	53,2
Социальные сети, тематические сообщества, информация от блогеров	42,5	42,3
Мобильные приложения, мессенджеры	24,2	27,9
Официальные новостные, аналитические сайты	42,9	41,3

Источник: Инициативное мониторинговое исследование «Кузбасс-Политика-2024», доверительная вероятность («точность») – 98 %, доверительный интервал («погрешность» ± %) – 5; «Кузбасс-Политика-2025», доверительная вероятность («точность») – 97 %, доверительный интервал («погрешность» ± %) – 5 (проводится кафедрой социологических наук КемГУ с 1994 года).

Цифровые форматы общения значительно опережают аналоговые инструменты информирования о социально-политической обстановке («Плакаты, стендовая реклама, информационные табло» составили общественную «популярность» 5,2 %, а «Слухи, разговоры в очередях или общественных местах» – 6,6 % ответов респондентов). Анализируемые коммуникации обладают высокой реактивностью [5], когда повседневность общения становится политизированной и подвергается пристальному общественному обсуждению.

В целом региональные идентичности и уникальности сибирских миров в рамках сетевых сообществ демонстрируют некоторые фиксируемые практики и формы социально-политического взаимодействия.

Отметим основания региональной идентичности: самоотождествление сторон-участников с территорией (регионом, родиной); как правило совпадает с местом проживания (анализ сетевых сообществ зачастую демонстрирует иную историю территориального размещения); эмоциональное и рациональное осознание локальной общности. В качественном плане региональная идентичность характеризуется конструктивными и деструктивными оценками (тональностями) региональных пользователей. Отметим, что в виртуальном формате региональная идентичность может иметь расширительные трактовки.

Исходя из результатов, собранными датасетами сибирских регионов ресурсного типа (2024 г., социальная сеть «ВКонтакте», отобранные вручную сетевые сообщества) можно охарактеризовать равномерную коммуникацию, охватывающую большинство популярных сетевых сообществ. Большая часть сетевых пользователей подписаны одновременно на несколько групп и проявляют активность практически в каждой. Например, в анализируемых сообществах ХМАО. ЯНАО лидерами коммуникации являются три: «К-ИНФОРМ | СУРГУТ», «ЧП [В] Нижневартовске» и «Авторынок ХМАО | ЯНАО». При этом связка «количество подписчиков – степень коммуникации» на примере автономных округов нарушена. Интересная

особенность, что основное взаимодействие пользователей базируется вокруг городов Сургут и Нижневартовск, а административный центр округа представлен лишь одной тематической группой. Отмечается присутствие неочевидных межрегиональных связей по повестке, например, коммуникации сообществ тематики СВО (особенно в условно гендерно однородных сообществах) между регионами и городскими территориями Тюменской области и Кузбасса.

Уникальности сетевой социально-политической коммуникации сибирских территорий подчеркивают в целом «сырьевую» (ресурсную) ориентацию, будь то территории или природные ресурсы. Отмечается интенсивное развитие туристического сегмента на территориях (в частности, в сообществах ХМАО, ЯНАО и Иркутской области), что предлагает новый облик регионального развития. Также в региональных сообществах ставятся акценты на преобразование социальной инфраструктуры территорий, запрос на изучение и изменение миграционного потока, сохранение природных ресурсов, применении соответствующих направлению инновационных технологий и ряда других. Далее приводятся примеры региональных сообществ с подобной повесткой. В Томской области это «Регион-70 | Томск» (число подписчиков: 353 052), «Loqiemean» (225238 подписчиков), «Я из Томска» (число подписчиков: 186 010), «Интересный Томск» (число подписчиков: 150 350), «Подслушано Томск» (число подписчиков: 143 378). В Иркутской области можно отметить сообщества «Легкие Деньги – заработок на Android» (число подписчиков: 755 079), «CentrmeHa38» (число подписчиков: 464 003), «ВКЛЮЧАЙ НА ВСЮ» (446 042 подписчиков), «Мой Иркутск» (число подписчиков: 310 470), «Пикчи про тебя» (подписчики: 305 394).

Ключевыми позициями региональной идентичности и уникальности сетевых социально-политических коммуникаций сибирских миров выступают: доменность (маркирование принадлежности, сибирский формат, стиль, состав тем и повесток, «качество ресурса»); транслируемость и повторяемость официальной информации (темы, обсуждаемые на государственном уровне, «центральная» повестка); повторы тем на франшизных сообществах (например, «Подслушано...», «Инцидент...» и т.п.); обсуждение преимущественно региональной повестки (заметный объем подобного контента в сибирских сообществах); демонстрация индивидуально-личностной сетевой коммуникации (например, «Народный Фронт_Кузбасс», «Народный Фронт_Томск», акцент на местные территории и истории сетевые сообщества «Инцидент Иркутск» и «Инцидент Томск»). Так называемые мусорные темы представляют обширный массив коммуникаций и вызывают интерес практиками неочевидных коммуникаций (например, когда в очевидной рекламной, «торговой» теме подчас обнаруживаются комментарии деструктивного политического характера либо сопровождение резонансных региональных событий). Политическая тематика в настоящее время выражена в сетевых коммуникациях изолировано и латентно (исключая «очевидные» политические призывы конструктивного содержания).

В целом обращает внимание присутствие в сибирских сетевых сообществах нескольких слоев социально-политического взаимодействия: общероссийский (федеральный, «кремлевский»), региональный (сибирский) заполняющий повестку ключевыми темами развития региона или конкретных территорий, а также существование отдельных региональных пользовательских практик (рождаются и живут в сети, либо становятся основаниями для наполнения межрегиональной социально-политической коммуникации).

Литература

1. *Жаде З.А., Ляушева С.А.* Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности. Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 1. – С. 10–14.
2. *Трубицын Л.В.* Российская идентичность как проблема исторической динамики // Социологические исследования. – 2025. – № 1. – С. 96–112.
3. *Штейнберг И.Е.* Парадигма четырех «К» в исследовании социальных сетей поддержки // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 40–50.
4. Сетевая социально-политическая мобилизация в сибирских регионах ресурсного типа: монография / Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.Л. Бурмакина. – Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2025. – 168 с.

5. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 464. – С. 81–90.

УДК 321.02

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Дегтярева Вера Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Местное самоуправление – наиболее приближенный к гражданам уровень власти, позволяющий наиболее эффективно решать вопросы, непосредственно затрагивающие интересы населения. Поэтому внедрение инноваций в деятельность органов местного самоуправления представляется значимым направлением работы по цифровизации политики. Деятельность органов местного самоуправления подвергается цифровой трансформации: электронные сервисы расширяют возможности участия граждан в процессе принятия муниципальных решений, создают новые каналы обращений в органы муниципальной власти, повышают доступность муниципальных услуг, позволяют оперативно реагировать на запросы горожан.

Ключевые слова: Цифровизация, цифровые технологии, местное самоуправление.

Цифровые технологии находят широкое применение во всех сферах жизни современного государства, в том числе в работе органов местного самоуправления. На уровне муниципальных образований принимаются политико-управленческие решения по вопросам местного значения, которые касаются интересов каждого жителя. Широкое применение цифровых технологий создает инструменты для коммуникации с жителями, вовлечения граждан муниципальную политику, контроля за исполнением принятых решений, что постепенно меняет облик местной власти. Основными направлениями цифровой трансформации местного самоуправления являются следующие: сервисы электронных обращений; электронное участие и получение услуг.

Основная задача внедрения ресурсов сети Интернет в работу органов муниципальной власти – вовлечение граждан в решение жилищно-бытовых проблем и улучшение городской инфраструктуры. Для достижения этих задач во многих муниципалитетах Российской Федерации активно применяется система «Электронный муниципалитет». Одним из наиболее передовых с точки зрения информатизации регионов является Республика Татарстан, где «для повышения качества работы муниципалитетов успешно работает платформа обратной связи «Народный контроль» [1]. Информационная система позволяет гражданам создавать обращения в органы власти и сообщать о волнующих их проблемах, перечень которых постоянно расширяется с учетом мнения жителей РТ. Отмечается, что в 2025 году индикаторы рассмотрения обращений заметно улучшились: доля решенных заявок выросла с 56 % до 81 % [2].

Электронное участие. Значимым направлением работы органов муниципальной власти в интернет пространстве является создание ресурсов, позволяющих гражданам не только составлять обращение по проблемам жилищно-бытового характера, но и самим инициировать обсуждение и принятие политико-управленческих решений. Богатый опыт по внедрению цифровых ресурсов для обсуждения проектов местных решений накоплен в Тюмени. В 2014 г. запущен проект «Твоя Тюмень», позволяющий горожанам выдвигать идеи, обсуждать их, голосовать за понравившиеся варианты [3]. С августа 2015 г. на портале «Тюмень – наш дом» функционирует сайт электронных опросов «Я решаю!», на котором глава администрации города и муниципальные органы могут размещать наиболее дискуссионные вопросы о жизни

города. Результаты голосования пользователей и решения администрации города публикуются на данном цифровом ресурсе [3].

Получение услуг. Наиболее популярными интернет-сервисами являются порталы по получению электронных услуг. Такие ресурсы функционируют во многих городах России, они часто интегрированы с порталами регионального уровня: uslugi.tyumen-city.ru в Тюмени, порталы gu.spb.ru в Санкт-Петербурге, mos.ru в Москве, kzn.ru в Казани, gorodperm.ru в Перми, cheladmin.ru в Челябинске, ekaterinburg.rf в Екатеринбурге и др. Так, большой популярностью у жителей Тюмени пользуется сайт муниципальных услуг и электронных сервисов «Электронный муниципалитет». Всего на сайте в реестр муниципальных услуг города Тюмени, предоставляемых органами администрации города Тюмени, муниципальными казенными учреждениями, включены 52 услуги.

Таким образом, цифровые технологии имеют целый ряд преимуществ для работы органов власти, в том числе и муниципального уровня. Цифровизация способствует повышению эффективности государственного и муниципального управления и качества получаемых услуг. Онлайн-сервисы дали значительный импульс для развития принципов клиентоориентированности и доступности в государственном и муниципальном менеджменте. Цифровые технологии являются необходимым средством реформирования методов работы органов государственного и муниципального управления в области здравоохранения, социального обеспечения, образования. Кроме того, применение систем электронного управления для вовлечения граждан в процесс принятия политико-управленческих решений – действенный инструмент укрепления доверия граждан к органам государственной и муниципальной власти. Все вышесказанное обуславливает необходимость более детального изучения особенностей использования цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления.

Литература

1. В Кабинете Министров РТ прошло заседание по вопросам цифровой трансформации Татарстана. – URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/1788050.htm> (дата обращения: 17.11.2005).
2. В Казани эффективность работы с обращениями через ГИС «Народный контроль» увеличилась до 81 %. – URL: <https://kazan-news.net/society/2025/11/17/582477.html> (дата обращения: 17.11.2005).
3. Информатизация. – URL: <https://www.tyumen-city.ru/social/informatizacya/> (дата обращения: 17.11.2005).

УДК 316.455

КОНЦЕПТ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ «НОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Дубровин Владимир Юрьевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Соловарова Юлия Николаевна

Казанский Национальный Исследовательский Технологический университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной работе авторами предлагается и актуализируется тот факт, что концепт цифрового государства необходимо развивать параллельно с концепцией «новой демографической безопасности». Современный научный дискурс, возникающий в рамках концепта цифрового государства, неизбежно приводит к проблеме сохранения человека как вида, что на взгляд авторов порождает необходимость в конструировании «новой демографической безопасности», через призму которой должны быть рассмотрены как ресурсные и позитивные аспекты построения цифрового государства, так и безусловные демографические риски.

Ключевые слова: цифровое государство, «новая демографическая безопасность», демографическое поведение.

В научном политико-юридическом дискурсе концепт «цифровое государство» строится на таких базовых понятиях как большие данные, цифровое правительство, цифровое право, цифровая экономика, цифровая демография, «умный город» и др. [1, 2, 3, 4]. К примеру, Э.А. Золаев считает, что «цифровое государство – это информационно-технологическая организация политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти» [5].

Итогом формирования концепции «цифрового государства» на практике будет являться представление всех сфер общественной жизни в цифровом формате, где объем информации превращается в скорость и эффективность управленческих решений. Вектор развития современного государства, при достижении которого все сферы общественной жизни должны быть представлены в цифровом формате: право, политика, экономика, демография (И.В. Шахновская) [6].

В таком контексте еще больше обостряется и без того значимая проблема демографической безопасности. Последняя, понимается как состояние защищенности системы естественно замещающего режима воспроизводства населения (демографического поведения, структур и ценностей) от прямых и когнитивных угроз [7].

В пределе, концепт цифрового государства, на наш взгляд, необходимо развивать параллельно с концепцией «новой демографической безопасности». «Новая демографическая безопасность» необходимо рождается в цифровом государстве, где возникает проблема сохранения человека как вида, и риторика строится вокруг возможности антропологического перехода, биофабрикации, трансгуманизма, конвергенции человека и машины с помощью и при участии искусственного интеллекта.

В концепции «новой демографической безопасности» должны быть рассмотрены как ресурсные и позитивные аспекты построения цифрового государства, так и безусловные демографические риски.

К примеру, социологические исследования показывают, что тема конвергенции человека и машины имеет огромный интерес и принятие, особенно среди студенческой молодежи в России – *«объединение человека и машины в единую сущность и движение по единому заданному алгоритму воспринимаю скорее как положительный факт, как развитие человечества и переход на новый уровень»* [8, 9].

Путь к построению цифрового государства лежит через поэтапную и необходимую цифровизацию государственного управления (цифровая аналитика, цифровая демография). С помощью внедрения цифровых технологий увеличивается возможность влияния и, как следствие, формирования желательных государству видов демографического поведения (репродуктивного, самосохранительного, миграционного и матримониального) среди молодежи [10].

К управленческим плюсам построения концепта цифрового государства относят цифровую аналитику (с помощью инструментов искусственного интеллекта), которая позволяет увидеть демографическую картину более объемно, масштабно, максимально концентрировано, таким образом повышается эффективность принятия управленческих решения цифрового правительства [11, 12].

Необходимо отметить, что в РФ «цифровая демография» представлена создающейся цифровой картой демографического здоровья населения (в том числе репродуктивного здоровья) как преимущество цифрового правительства. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 2024 году был включен в список показателей эффективности (КРІ) губернаторов РФ. В Сахалинской области с 2024 года запущена программа бесплатной проверки репродуктивного здоровья и ЭКО (губернатор Валерий Лимаренко). По данным Росстата Ямало-Ненецкий автономный округ РФ занял 3 место по СКР на отчетный период 2025 года (губернатор Дмитрий Артюхов). Эффективность его управления заключалась в обнаружении и решении проблем, связанных с особенностью миграционных потоков, на основе цифровой аналитики [13].

Контроль миграционного поведения в контексте эффективного цифрового правительства включает в себя, к примеру, электронные визы. С 1.09.2025 в РФ мобильное приложение для иностранных граждан с функцией геолокации «Госуслуги RuID», где цифровой профиль мигранта с биометрическими данными заменяет все документы и позволяет получать услуги, таким образом, органы власти контролируют все миграционные потоки. В 2026 году планируются мероприятия по введению электронного патента на работу и цифровая подпись работодателя.

Цифровой государственный контроль самосохранительного поведения показывает причинную связь между внедрением цифровых технологий в систему профилактики заболеваний на ранних стадиях, индивидуализации лекарственных препаратов и стратегий лечения как факторов увеличения продолжительности жизни. Показательно оправдывает себя цифровой контроль и профилактика деструктивных практик и культов, ведущих к сокращению продолжительности жизни, через регулирование интернет-ресурсов.

Важно отметить также ключевой риск государственной цифровой демографии и контроля – это техническая потеря цифровой информации, не имеющей бумажных аналогов, как следствие, угроза идентификации индивида. В качестве примера можно привести кейс Южной Кореи (г. Тэджон) - уничтожение государственного дата-центра национального информационного ресурсного агентства (NIRS), где 647 государственных сервисов, 858 терабайт данных были утеряны безвозвратно (электронная почта госслужащих, система идентификации граждан, данные статистики, миграционных служб и другая демографическая информация.) [14]. Аналогичные большие проблемы социально-демографической идентификации граждан могут возникнуть при обладании исключительно цифровым свидетельством о рождении. В РФ объем хранилищ данных Федеральных органов власти составляет 511000 терабайт (см. счет.палата, 2022 год) [15]. Хранение и защита данных обеспечена законом № 152-ФЗ «О персональных данных» [16].

Наиболее полно, на наш взгляд, риски построения цифрового государства отражены в двух самых обсуждаемых научных концепциях: «Надзорного капитализма» (проф. Гарварда Шошаны Зубофф, «Эпоха надзорного капитализма», 2018 г.) и «Цифровой Паноптикон» (Дмитрий Попов, «Сеть умных устройств способных наблюдать за людьми», 2024 г.) [17, 18]. Ключевые тезисы: осуществляется сбор данных в интернет-среде (клики предпочтений, геолокация, эмоции и др.) далее эти данные подвергаются алгоритмической обработке с помощью больших данных как следствие, создание модели поведения индивида и её формирование. К примеру, формирование модели репродуктивного поведения с помощью трансляции персонифицированной информации в используемое индивидом устройство. Другой пример, контроль перемещения с помощью GPS-чипов - предложение чипировать мобилизованных на Украине для предотвращения побегов из армии, как следствие, дегуманизация государства и населения. (17.11.2025, телеканал «Киев 24»). Использование цифровых данных в цифровом государстве требует огромной ответственности, контроля использования и предоставления цифровых услуг, контроль безвозвратной потери данных с серверов [19, 20].

Основной риск в построении цифрового государства заключается в самой цифровизации общества, где происходит быстрый рост дефицита понимания человека человеком, утрата смыслов, как следствие дефицит коммуникации в связке «человек-человек», рост коммуникации в связке «человек-машина». В итоге, будет происходить «утрата» самого человека, так как человека нельзя понять вне контекста социальной системы. Когда человек превращается в машинный алгоритм и лишается творческой составляющей, то он становится легкозаменяемой деталью в «робо-будущем».

Построение концепта цифрового государства необходимо осуществлять в контексте конструирования «новой демографической безопасности», которая, прежде всего, направлена на сохранения человека как вида, а также сохранение «человеческого» в человеке.

Литература

1. *Понкин И.В.* Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 5 (133). – С. 47–52.
2. *Ботнев В.К.* Перспективы развития «цифрового государства» в России / В.К. Ботнев, С.В. Ботнев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 463–465.
3. *Будко Д.А.* Гражданин в цифровом государстве: инновация vs политический миф // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 3 (76). – С. 138–145.
4. *Рзун И.Г.* Цифровая трансформация государства: от матрицы электронной торговли к цифровой платформе государства / И.Г. Рзун, Н.А. Гаража // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 6 (65). – С. 644–647.
5. *Золаев Э.А.* Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 1583–1594.
6. *Шахновская И.В.* Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 135.
7. *Рудакова Е.К.* Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. доктор полит. наук ... / Е.К. Рудакова. – Нижний Новгород, 2023. – 840 с.
8. *Соловарова Ю.Н.* Проблематика демографической безопасности в контексте цифровизации жизненного пространства современной студенческой молодежи (на примере российских и иностранных студентов КНИТУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 3. – С. 94–99.
9. *Соловарова Ю.Н.* Метод фокус-группы в исследовательском поле демографической безопасности как способ продвижения многодетности в полиэтнической студенческой среде / Материалы XIII Международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования в новой реальности», 25–27 мая 2023 г. – М.: ВЦИОМ, 2023. – С. 16–19.
10. *Соловарова Ю.Н., Дубровин В.Ю.* Конструирование социально-демографической безопасности (на материалах фокус-групп со студенческой молодежью Казани) // Управление устойчивым развитием. – 2025. – № 3 (58). С. – 55–62.
11. *Джордано Д.О.* Электронное правительство и цифровое государство / Д.О. Джордано, М.Б. Понявина // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – 2020. – № 2. – С. 74–80.
12. *Datta A.* The digitalising state: Governing digitalisation-as-urbanisation in the global south // Progress in human geography. – 2022. – № 47 (1). – P. 141–159.
13. Рейтинг рождаемости в регионах: кто в лидерах, а кто в аутсайдерах // Информационное агентство «Федерал Пресс». – URL: <https://fedpress.ru/article/3365231> (дата обращения: 14.10.25).
14. Цифровая Корея откатилась на 20 лет назад: в стране остановлены 647 систем, застопорились госуслуги / Интернет-портал «Российской газеты». – URL: <https://rg.ru/2025/09/27/v-iuzhnoj-koree-ostanovleny-647-cifrovyyh-sistem-i-ne-rabotaiut-gosuslugi.html?ysclid=mkpreob-47r2160398805> (дата обращения: 13.10.25).
15. Государство весом в полмиллиона терабайт / Сетевое издание «Коммерсантъ». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5536724?ysclid=mkpewtbzknk840007515> (дата обращения: 13.10.25).
16. Российская Федерация. Законы. О персональных данных: Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 (с изменениями и дополнениями от 24.06.2025) / ГАРАНТ: сайт. – URL: <https://ivo.garant.ru> (дата обращения: 13.10.25).
17. *Zuboff S.* Surveillance Capitalism or Democracy? The death match of institutional orders and the politics of knowledge in our information civilization // Organization Theory. – 2025. – Volume 3. Issue 4. – URL: https://www.researchgate.net/publication/365619540_Surveillance_Capitalism_or_Democracy_The_Death_Match_of_Institutional_Orders_and_the_Politics_of_Knowledge_in_Our_Information_Civilization (дата обращения 12.10.2025).

18. Попов Д.В. Цифровой Паноптикон: принимая неизбежное // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – № 2 (93). – С. 174–181.
19. Зелинский В.Е. Цифровое государство: перспективы и реалии // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 403–406.
20. Арамисов Т.Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. – 2025. – Т. 8. – № 2. – С. 27–44.

УДК 316.455

ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АГЕНТНО-СЕТЕВЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Еникеева Ирида Ирековна

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой идентичности с использованием топологических и акторно-сетевых теорий. В фокусе исследования находятся процессы распространения, адаптации и трансформации цифровой идентичности в сетевых структурах, рассматриваемых как динамичные многомерные топологические объекты с элементами социальной и технической агентности. Используя междисциплинарный подход, рассмотрено, как цифровые платформы формируют новые модели субъектности и взаимодействия, а также влияют на социальную структуру и культурную идентичность в условиях глобальной цифровизации. Результат исследования – углубленное понимание феномена цифровой идентичности как сложной, динамичной и социотехнически обусловленной категории современной цифровой эпохи, что может быть полезно для специалистов в области социальной философии, цифровых коммуникаций, а также для исследователей цифровой культуры.

Ключевые слова: цифровая идентичность, диффузия, цифровое общество, социотехнические сети, топологическая и акторно-сетевая методологии, агентность, глобальная цифровизация.

Введение.

В современном цифровом обществе формирование и распространение цифровой идентичности становится сложным процессом, охватывающим широкую совокупность социальных и технических акторов. Речь идет о признании цифровой идентичности как необходимого равноправного дополнения к целостному образу «Я» человека, **формы проявления** которой – агент и актор (актант).

Цель исследования заключается в комплексном анализе процессов формирования, диффузии и трансформации цифровой идентичности личности внутри социотехнических сетей с акцентом на междисциплинарное применение топологических и акторно-сетевых теорий. Исследование направлено на понимание того, как цифровая идентичность возникает в результате постоянного взаимодействия индивида с цифровым информационным пространством, отражая осознание своей компетентности, уникальности и принадлежности к виртуальным сообществам.

К основным аспектам исследовательской цели относится выявление механизмов самопрезентации и самоутверждения личности в цифровом пространстве как формы социального признания и конструирования идентичности. Влияние технических акторов (алгоритмов, платформ) на процессы формирования цифровой идентичности связано также с оценкой динамики и многомерности цифровой идентичности как процесса, находящегося в постоянном развитии и адаптации к меняющимся цифровым и культурным условиям. В связи с этим, исследование роли цифровой идентичности в социальном взаимодействии, самоопределении и формировании гражданской активности, образования в условиях глобальной цифровой среды является

актуальной задачей современной науки [1; 2; 3]. В данной работе хотелось бы остановиться на проблемах формирования теоретических и методологических рамок для дальнейших междисциплинарных исследований в области цифровой идентичности с использованием топологических и акторно-сетевых подходов. Как верно отметили эксперты, исследование социальной идентичности в рамках цифровой социологии выявляет методологические подходы ...для извлечения информации о динамике социальных взаимодействий в онлайн-среде, что расширяет теоретико-методологический арсенал исследователей и углубляет понимание взаимосвязи между цифровыми технологиями и формированием личности [4; 5].

Основная часть.

Диффузия цифровой идентичности – это не просто распространение информации или имиджей, а процесс конструирования субъектности через комплексные сети взаимодействий, где каждый агент (человек, алгоритм, платформа) играет роль в создании и трансформации идентичностей. Применение топологических и акторно-сетевых перспектив позволяет комплексно понять природу цифровой идентичности, раскрыть механизмы ее диффузии и определить влияние сетевых структур на человеческое и социальное в современной медийной экосистеме. Рассмотрим их последовательно.

Топологический подход рассматривает сети как сложные пространства с множеством взаимосвязей, изменяющихся во времени и масштабе. Цифровая идентичность предстает как нелинейное, многомерное явление, обладающее свойствами самоподобия и рекурсии, что соответствует концепциям фрактальной топологии. Такая перспектива позволяет описать не только структуру сетей, но и динамику их эволюции, основанную на повторяющихся паттернах и локальных взаимодействиях, которые приводят к глобальным сдвигам. Топологический анализ временных рядов цифровой активности пользователей позволяет реконструировать фазовое пространство социальных взаимодействий как облако точек в многомерном евклидовом пространстве. С помощью симплициальных комплексов выявляются сложные паттерны поведения, выявляются устойчивые циклы и точки притяжения (аттракторы), что позволяет понять структурные особенности распространения цифровой идентичности в сети.

Применение топологических методов к анализу больших данных цифровых платформ позволяет выявлять ключевые узлы влияния (инфлюенсеров) и паттерны распространения информации, что отражается на формировании коллективной цифровой идентичности и социальных норм в виртуальных сообществах. Результаты показывают расчленение сетей на кластеры, отражающие культурные и социальные особенности пользователей.

Важно отметить, что топологический анализ цифровых данных позволяет обнаружить устойчивые структуры в многомерных социальных взаимодействиях, выявляя «дыры» и «щупальца» в пространстве цифровой идентичности, что помогает понять, как идентичности формируются через повторяющиеся паттерны и локальные связи, приводящие к глобальной устойчивости идентичностных сетей. Например, анализ облака точек цифровых профилей пользователей выявляет ключевые центры идентификационного влияния и устойчивые сообщества внутри платформы.

Также топологические методы используются для анализа информационных потоков и выявления ключевых узлов в социальных сетях для понимания механизма распространения новых цифровых идентичностей и норм. Это важно для оценки устойчивости социальных систем в условиях цифровой глобализации и формирования политической идентичности в цифровом пространстве.

Исследование распространения цифровых идентичностей в социальной сети с использованием персистентной гомологии выявляет устойчивые сообщества и циклы взаимодействия, которые играют роль локальных «аттракторов» в топологическом пространстве идентичностей. Эти структуры показывают, как социальные группы формируют замкнутые топологические области с высокой внутренней связностью и ограниченным обменом между собой, что объясняет феномен фрагментации цифровой идентичности и экосистемы мемов в соцсетях. Наблюдение за адаптацией цифровой идентичности в мультикультурных виртуальных сообществах выявляет множественные точки пересечения гомологических кластеров,

указывающих на зоны активного культурного и идентичностного обмена. Это отображает топологический феномен «сквозного соединения», где различные идентичностные паттерны не просто сосуществуют, а взаимно влияют друг на друга, трансформируют границы и обеспечивают динамическую устойчивость социума. Современная научная парадигма демонстрирует тенденцию к междисциплинарному характеру исследований идентичности, ... множественные идентификационные коды на стыке локальных и глобальных влияний приводят к изменчивости параметров и стратегий самоидентификации [6, с. 6–8]. Так, в междисциплинарном исследовании цифровой идентичности в Евразийском пространстве комбинирование топологического анализа с антропологическими методами позволяет выявлять адаптацию цифровых идентичностей в контексте мультикультурной среды, а также механизмы интеграции и конфликта идентичностей на цифровых платформах. Можно предполагать, что разнообразие культурных кодов способствует формированию множественных цифровых «Я», что, в свою очередь, способствует как интеграции, так и возникновению локальных конфликтов, определяющих новые формы взаимодействия в цифровых платформах. Интерпретации цифровой идентичности через концепты социальной топологии и гомологических кластеров выявляют зоны культурного и идентичностного обмена, обеспечивающие динамическую устойчивость мультикультурных сообществ.

Акторно-сетевая теория (ANT) вводит расширенное понимание агента, включая не только человеческие, но и не-человеческие элементы – технические устройства, программное обеспечение, коммуникационные протоколы. Отсюда, цифровая идентичность есть социально-технологический конструкт, отражающий единство социального субъекта и его цифровых следов, при этом, агентность распределена между пользователями, алгоритмами и платформами, формируя сложные сетевые конфигурации идентичности [7]. Такой подход раздвигает границы социального и позволяет анализировать, как технологии влияют на формирование цифровой идентичности, выступая равноправными участниками социотехнической сети. Распространение цифровой идентичности в сетях сопровождается адаптацией под различные культурные, социальные и технические контексты, что порождает гибкость и множественность моделей идентификаторов и субъектностей. Это особенно актуально в Евразийском пространстве, где пересекаются разнообразные культурные этнические потоки. Подобные цифровые трансформации влияют на процессы социализации, коммуникативные практики и формирование коллективной памяти.

В контексте акторно-сетевой теории (ANT) Бруно Латуром [8] было показано, что цифровая идентичность формируется не только человеческими пользователями, но и алгоритмами, платформами и другими техническими компонентами. Эти не-человеческие акторы активно влияют на формирование, поддержку и трансформацию идентичности, создавая сложную социотехническую сеть. Результаты таких исследований выявляют взаимозависимость пользователей и технологий в процессе конструирования социального субъекта, также демонстрируют, как технологии и люди совместно создают и трансформируют идентичности, взаимодействуя в сложных сетевых узлах и связях.

Сетевая топология этих взаимодействий демонстрирует неоднородность – узлы с высокой степенью агентности формируют центр тяжести социальных влияний, вокруг которого происходит кристаллизация цифровой субъектности и строятся последующие связи идентичности. Например, при изучении идентичности цифровых мигрантов используется метод топологического анализа для выявления структурных изменений в сетевых паттернах коммуникации, адаптации и самоидентификации, что позволяет показать топологическую мобильность и пластичность идентичности в условиях географической и культурной трансформации. На основе цифровой диаспоры формируются новые типы идентичности мигрантов, цифровой виртуальной идентичности, демонстрирующей адаптационные и трансформационные процессы под воздействием межкультурных взаимодействий и сетевых структур [9, с. 104].

Таким образом, концепты социальной топологии, такие как персистентная гомология, топологические циклы, кластеры и топологические переходы служат мощными аналитическими инструментами для теоретической и эмпирической интерпретации многомерных и

динамичных процессов цифровой идентичности, иллюстрируют, как социальная топология помогает выявлять неявные скрытые структуры и динамические процессы, формирующие цифровую субъективность и коллективные идентичности в современном цифровом ландшафте. Применение методов персистентной гомологии к анализу сетевых взаимодействий пользователей социальных платформ позволяет выявить устойчивые сообщества, которые функционируют как локальные аттракторы идентичностных паттернов, тем самым объясняя феномен устойчивой фрагментации и сегментации цифровых сообществ. Крайне интересным, в этой связи, представляется также взгляд С.А. Азаренко, который предлагает методологический инструментарий, позволяющий всесторонне исследовать сетевые взаимодействия в цифровом пространстве идентичности с опорой на измерения пространства, времени, телесности и культурных символов [10].

В совокупности представленные методы дают глубокое понимание механизмов и динамики цифровой идентичности, что позволяет разрабатывать стратегии управления социальными последствиями цифровизации на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, цифровое общество меняет идентичность человека – формирование человека, сращенного с цифровыми технологиями, что приводит к трансформациям социального порядка, социальных норм и общества в целом [11; 12].

Выводы.

Диффузия цифровой идентичности в современных социотехнических сетях представляет собой сложный динамический процесс, в котором цифровая субъектность конструируется через взаимное взаимодействие множества человеческих и не-человеческих акторов, проявляющихся в многоуровневых сетевых структурах. Топологический анализ выявляет устойчивые паттерны и мультискейловые кластеры взаимодействий, которые обеспечивают платформенную и социальную устойчивость идентичностных нарративов. Акторно-сетевая перспектива расширяет понимание агентности, включая алгоритмы, платформы и технические посредники, как активных участников цифровой жизни, что подчеркивает социотехнический характер цифровой идентичности. Таким образом, цифровую идентичность следует рассматривать как гетерогенный, рекурсивно самоподдерживающийся конструкт, устойчивый благодаря тонкой балансировке между топологической сложностью сетей и агенто-ориентированной динамикой, обеспечивающих множественность и фрагментарность идентичностных форм, что отражает общую тенденцию к децентрализации и дифференциации современного цифрового общества. Это открывает новые горизонты для анализа и управления цифровыми сообществами, их коммуникационными практиками и формированием коллективных и индивидуальных идентичностей в условиях глобальной цифровизации.

Литература

1. *Щелкунов М.Д.* Цифровизация образования: вызовы и парадоксы // Образование и общество: философские осмысления. – Казань, 2021. – С. 135–150.
2. *Аганов О.Д.* Социокультурные трансформации в эпоху цифровой глобализации. – М.: Изд-во КФУ, 2019. – 140 с.
3. *Еникеева И.И.* Особенности влияния процессов и механизмов цифрового повествования на гражданскую идентичность молодежи поколения Z (на примере г. Уфы, Республика Башкортостан) // Дискурс-Пи. – 2024. – № 21 (4). – С. 178–202.
4. *Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б.* Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект // Власть. – 2024. – № 2. – С. 181–189.
6. *Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н.* Социология цифрового общества: монография. – Томск: ТПУ, 2021. – 310 с.
7. *Багиян А.Ю.* Лингвистическое моделирование профессиональной идентичности: системный анализ когнитивно-дискурсивной матрицы: автореф. дис. ... д. филол. наук. – Ставрополь, 2025. – 56 с.
8. *Пеннер Ю.В.* Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – Том 48. – № 2. – С. 98–113.

10. Латур Б. Наука в действии: как строятся знания. – М.: Наука, 2005. – 260 с.
11. Волков Ю.Г., Кривоусков В.В., Курбатов В.И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые формы идентичности в современной цифровой среде // Вестник цифровой социологии. – 2021. – № 4. – С. 102–108.
12. Азаренко С.А. Топология сообщества. – Казань: Познание, 2014. – 228 с.
13. Платонова С.И. Цифровые технологии и общество: трансформация идентичности // Дискурс. – 2024. – 10 (4). – С. 16–26.
14. Барлыбаев С., Аябергенова А. Цифровая трансформация и развитие человеческого капитала в Казахстане / Труды Международного технологического форума Digital Bridge. – Астана, 2025. – С. 10–20.

УДК 327.3

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СИСТЕМУ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА: ОПЫТ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

**Закиров Айдар Робертович,
Зарипова Айгуль Раисовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье раскрывается влияние цифровизации политической коммуникации на механизмы осуществления лоббистской деятельности. Политические эффекты цифровизации в данной области необходимо рассматривать не только с точки зрения расширения инструментария лоббиста, но и применения цифровых технологий для регулирования лоббистской деятельности. Авторы выделяют ключевые онлайн инструменты, которые интегрируются в регуляторные механизмы государств с развитой институциональной базой лоббистской деятельности. В центре внимания авторов находятся опыт стран Латинской Америки, внедривших онлайн реестры лоббистов. В работе проанализированы как функциональные возможности реестров, так институциональные ограничения, затрудняющие внедрение цифровых инструментов.

Ключевые слова: лоббизм, цифровизация, институционализация, Латинская Америка.

Внедрение цифровых инструментов в систему регулирования лоббизма является закономерным продолжением всесторонней цифровизации политического управления. В условиях стремительной цифровой трансформации государственных институтов создание электронных систем обеспечения прозрачности политической коммуникации становится неотъемлемым элементом современного государственного управления.

С одной стороны, цифровые технологии усложняют формы реализации лоббизма, создавая новые вызовы и риски для участников процесса. В XXI веке использование цифровых медиа для лоббистских стратегий превратилось в обыденную практику, что отражает наметившийся сдвиг в политической адвокации и работе с общественностью [1]. Группы интересов все чаще используют социальные сети, большие данные и микротаргетинг для формирования общественного мнения и оказания давления на лиц, принимающих решения [4].

Существующие правовые рамки не отражают многообразия лоббистских практик, что создает правовой вакуум. Явным становится разрыв между развивающимися цифровыми инструментами влияния и устаревшими механизмами контроля лоббистской деятельности.

Традиционные проблемы регулирования лоббизма, выражающиеся в низкой прозрачности коммуникации групп интересов с властными акторами и преобладании неформальных и теневых практик, трансформируются и приобретают новые формы. В ответ на вызовы, которые цифровизация бросает традиционной системе регулирования лоббизма, государство

активизирует свое присутствие в онлайн-пространстве и интегрирует цифровые технологии в механизмы контроля лоббистской деятельности.

Перед исследователями стоит задача определить цифровые технологии, применяемые сегодня в качестве инструментов регулирования и контроля за лоббистской деятельностью в странах с высоким уровнем институционализации данного вида практик.

Под влиянием цифровизации набор инструментов регулирования лоббизма существенно расширяется, включая электронные реестры лоббистов, платформы цифровой отчетности и онлайн-дневники интеракций, предназначенные на отражение коммуникации государственных акторов и лоббистских структур [3, р. 859]. Отдельного рассмотрения требуют онлайн-платформы для публичного обсуждения инициатив, которые позволяют расширить число участников процесса принятия решений, включив туда заинтересованную общественность. Таким образом, лоббистская коммуникация трансформируется из закрытого диалога в прозрачную систему согласования интересов неограниченным количеством участников, где каждое воздействие оставляет цифровой след, доступный для проверки и оценки. Несмотря на то, что лоббизм по своей природе является деятельностью, основанной на конфиденциальной информации [5], мы наблюдаем, что требования раскрытия данных о личности лоббиста и его действиях становится неотъемлемой частью политики обеспечения прозрачности процесса принятий решений. Современные цифровые реестры представлены онлайн, поэтому содержащаяся в них информация становится доступна не только государственным структурам, но и заинтересованной общественности, в том числе исследовательскому сообществу. Реестры позволяют гражданам, исследователям и политикам отслеживать стратегии лоббистов, следовательно, оценивать, вписываются ли их действия в этические рамки. Стоит отметить, что в использовании таких инструментов заинтересованы не только вышеперечисленные группы. Как отмечают исследователи, реестры разрабатываются не только с целью повышения общественного доверия к правительству, но и упрощения коммуникации властных и лоббистских структур, а также снижения рисков и издержек для всех ее участников [2, с. 78–79].

Сегодня в мире 28 государств внедрили онлайн-цифровые реестры в качестве инструмента регулирования лоббистской деятельности [3, с. 863]. Латинская Америка не стала исключением. Для этого региона проблемы обеспечения прозрачности и снижение коррупционного потенциала во взаимодействии между государством и группами интересов продолжает сохранять свою актуальность. Общественный резонанс вокруг конфликтов интересов, коррупционных скандалов ставит перед государствами Латинской Америки задачу по созданию правил игры для всех участников политической коммуникации [6].

В Мексике, Колумбии, Перу и Чили создана нормативная база, очерчивающая рамки лоббизма. Посредством них регламентируется деятельность участников процесса и формируется нормативно-правовая база для электронного ведения реестров лоббистской деятельности. Во всех представленных кейсах действует общедоступный реестр лоббистов, администрируемый органами государственной власти. Эти цифровые платформы позволяют наглядно отразить все зарегистрированные лица и организации, заинтересованные в лоббистской деятельности.

В реестрах Колумбии (Registro Público de Cabilderos), Мексики (Padrón de Cabilderos), Перу (Registro de visitas) и Чили (Plataforma Ley de lobby) содержится основная информация о консалтинговой фирме и специалистов, осуществляющих лоббистские функции. Полнота предоставления дополнительной информации зависит от характера регистрации: является ли, согласно действующему законодательству, регистрация лоббистов добровольной или обязательной. В реестре Колумбии представлены только контактные данные лоббистов и консалтинговых компаний, без каких-либо дополнительных сведений. В случае Мексики сведения о лоббистах включают еще сферы лоббирования и комитеты, к которым у этих лоббистов есть доступ. Однако отсутствует конкретизация представляемой группы интересов, поэтому реестры не отражают актуальную информацию о проектах, над которыми лоббисты работают. По уровню детализации и охвата информации среди представленных выделяются перуанский и чилийский реестры. Кроме списка зарегистрированных лоббистов они дополняются

дневником встреч с фиксацией объекта лоббирования, даты и места встречи, а также обсуждаемых тем и вопросов. Так, в Чили реестр представлен в виде сайта с удобной навигацией и функционирующей поисковой системой. Функциональные возможности реестра расширены благодаря внесению информации о поездках государственных служащих, протоколах встреч, выделенных пожертвованиях. Несмотря на такую детализированность чилийский реестр не включает в себя данные о финансовом вознаграждении самих лоббистов и лиц, продвигающих интересы в органах государственной власти.

Стоит отметить, что у пользователя веб-сайта имеется возможность ознакомиться с информацией, представленной в виде наглядных графиков с рейтингом ведущих лоббистских организаций, самых обсуждаемых тем, и наиболее посещаемых лоббистами государственных структур. Конфигурации графиков пользователи сайта могут изменять при помощи предоставленных фильтров. Система позволяет получить развёрнутую аналитику по любому лоббисту, например, проведенные встречи, поездки и осуществленные пожертвования. Все эти инструменты сопровождаются подробной инструкцией для новых пользователей. На наш взгляд, такой ответственный подход чилийского государства к раскрытию информации и внедрению удобного пользовательского интерфейса способствует эффективному применению реестра в повседневной политической практики, как участниками лоббистской интеракции, так и сторонними наблюдателями. В отличие от Чили, в Колумбии, Мексике и Перу реестры предоставляют пользователю простой список лоббистов в виде таблицы на сайте или скачиваемого файла без дополнительных возможностей обработки данных.

Все вышеописанные практики свидетельствуют о том, что в ряде стран Латинской Америки проводится политика, направленная на вывод лоббистской деятельности из тени. Разработанные за десятилетия традиционные меры активно расширяются, а цифровизация вносит свой вклад в этот процесс, предлагая новые механизмы обеспечения прозрачности деятельности лоббистов. Успех и эффективность цифровых инструментов напрямую зависит от институционального оформления порядка их функционирования (сугубо в рамках деятельности парламента, общеобязательным законом или же постановлением правительства), сферы охвата лоббистской деятельности и масштаба регулирования. Поскольку в регионе действует принцип добровольной регистрации, охватывающий лишь профессиональных внешних лоббистов, а предоставляемая информация носит фрагментарный характер, возможности реестров как инструмента повышения транспарентности политической коммуникации групп интересов ограничены. Стоит отметить, что ключевые барьеры внедрения всех вышеописанных технологий кроются, в первую очередь, не в технических возможностях цифровых платформ, а в отстаивании правовой базы, не успевающей отражать изменяющиеся и расширяющиеся практики лоббистской деятельности групп интересов, и в смещении баланса интересов к бенефициарам теневое лоббирование, стремящихся сохранить конфиденциальность коммуникации.

Таким образом, важно признать, что при всей своей универсальности реестры являются лишь одним из элементов комплексной системы регулирования лоббистской деятельности и напрямую зависят от качества и уровня институционализации лоббизма в политическом процессе.

Литература

1. *Anduiza E., Cantijoch M., Gallego A.* Political participation and the internet: a field essay // *Information, communication & society*. – 2009. – Volume 12. – Issue 6. – P. 860–878.
2. *Holman C., Lunenburg W.* Lobbying and transparency: a comparative analysis of regulatory reform // *Interest Groups and Advocacy*. – 2012. – Volume 1. – P. 75–104.
3. *Lacy-Nichols J., Baradar H., Crosbie E., Cullerton K.* Lobbying in the shadows: a comparative analysis of government lobbyist registers // *Milbank Quarterly*. – 2025. – Volume 103. – P. 857–882.

4. *Lozano E.S.* Digital communication strategies of lobbies in the European Union *frontiers in political science*. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2025.1543123/full> (дата обращения: 01.11.25).
5. *Potters J., Winden F.* Lobbying and asymmetric information // *Public Choice*. – 1992. – Volume 74. – Issue 3. – P. 269–292.
6. *Tagle F.* Generic Frames in Corruption Scandals in Chile (2015–2019): differences and similarities between print and online media // *International journal of communication*. – 2021. – Volume 15. – Issue 22. – P. 3067–3088.

УДК 321.02

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Заляев Рустем Ильхамович,

Заляев Рамиль Ильхамович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие «электронная демократия». Анализируются основные преимущества и недостатки применения «электронной демократии». Отдельное внимание уделяется рассмотрению проблемы обеспечения качества принятия публичных решений при использовании электронных средств голосования и учета мнения граждан.

Ключевые слова: электронная демократия; цифровая демократия; электронные информационно-коммуникационные технологии; преимущества электронной демократии; недостатки электронной демократии.

Современные электронные информационно-коммуникационные технологии многократно усиливают каналы коммуникации, получения и передачи информации. Если все традиционные средства массовой информации функционируют в режиме односторонней передачи информации и осуществления коммуникации от отправителя информации к ее получателю, то современные электронные информационно-телекоммуникационные технологии, встроенные в базу Интернет, позволяют осуществлять одновременно многостороннюю коммуникацию и передачу информации в режиме онлайн. Сегодня любой индивид, имеющий доступ к электронным информационно-телекоммуникационным технологиям, может выступать не только как получатель информации, но и как автор текстов. Возможность создавать сообщества в сети, коммуникация в режиме онлайн позволяют каждому индивиду стать субъектом распространения массовой информации.

Как отмечают многие исследователи, бесспорно, интернет, электронные информационно-коммуникационные технологии произвели революцию в сфере осуществления коммуникации, передачи и получения информации. Эти изменения оказывают все более растущее влияние на все стороны жизни людей, в том числе и на социально-политическую жизнь. В частности, в современной науке интернет, электронные информационно-коммуникационные технологии рассматриваются в качестве средства развития демократии. Они способны многократно усилить необходимые условия и процедуры демократического процесса: коммуникацию, получение и распространение информации, совещание, обсуждение вопросов, возможность объединения по интересам граждан, голосование, принятие коллективных решений.

Также при применении в осуществлении демократии современных электронных информационно-коммуникационных технологий, наряду с представительной демократией, резко возрастают возможности прямой демократии. Современные электронные технологии позволяют снять существовавшую ранее такую объективную географическую преграду на пути осуществления непосредственной демократии, как невозможность всем гражданам собраться в одном месте, а также сократить дистанцию между гражданами и органами власти,

политическими партиями, государственными деятелями, расширить каналы влияния общества на властные структуры, на принятие социальных и политических решений.

Понятие электронной демократии.

Сегодня в научной литературе существуют разные определения электронной демократии. Например, Грачев М.Н. под «электронной демократией» понимает «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [5, с. 269].

По мнению Абрамовой Д.С. «электронная демократия – это форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий как основного средства для коллективных когнитивных и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контролирование исполнения решений и т. д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным» [1].

Вершинин М.С. считает, что «электронная демократия – это демократическая политическая система, в которой компьютеры и компьютерные сети используются для выполнения функций демократического процесса, таких как распространение информации и коммуникации, объединение интересов граждан и принятие решений (путем совещания и голосования) ...Общим у этих концепций является уверенность в том, что различные свойства новых средств информации, такие как интерактивность, более быстрые способы передачи информации, возможности связи большого количества пользователей друг с другом, изобилие информации и новые пользовательские возможности по управлению процессами, могут положительно влиять на демократическую политическую систему» [4, с. 25].

Антонов Я.В. полагает, что «электронная демократия предназначена для расширения и углубления традиционных форм народовластия (референдум и свободные выборы) как посредством модернизации существующих демократических процедур (например, упрощение порядка организации референдума, организация электронного референдума и электронных выборов), так и путем внедрения принципиально новых демократических процедур (например, "электронное правительство", "электронный парламент", принятие политических решений путем электронного голосования и пр.)» [3, с. 101].

Таким образом, несмотря на некоторые различия в предлагаемых исследователями определениях понятия «электронной демократии» все же можно выделить общую суть понятия «электронная демократия», которая заключается в применении современных электронных информационно-коммуникационных технологий с целью развития демократических процедур, расширения участия граждан в социальной и политической жизни общества.

Важным составляющим элементом инфраструктуры «электронной демократии» выступает институт «электронного правительства» (e-Government), основанный на применении электронных информационно-коммуникационных технологий во взаимодействии между органами власти и населением, а также между разными государственными и муниципальными учреждениями. «Электронное правительство» представляет собой электронную сетевую инфраструктуру управления государством, призванную обеспечить совершенно новый уровень оказания государственных услуг гражданам и организациям. Сегодня происходит расширение понимания понятия «электронного правительства», которое подразумевает не только процедуру предоставления органами власти государственных и муниципальных услуг, государственные и муниципальные сервисы в электронном формате, но также и осуществление диалога граждан с органами власти.

Преимущества электронной демократии.

Электронная демократия способствует повышению:

– степени участия граждан в процессах управления государством, в социальной и политической жизни, в принятии совместных решений;

– информированности, осведомленности граждан, доступа к общественно значимой информации. Например, это не только быстрый доступ граждан к текстам принятых нормативных правовых актов, но и возможность оперативного доступа граждан к текстам законопроектов еще на стадии их разработки;

– прозрачности, открытости деятельности властных структур, что дает гражданам возможность контролировать деятельностью властных структур, исполнение принятых решений, что, в свою очередь, способствует повышению ответственности власти при выполнении своих функций;

– эффективности системы государственного и муниципального управления. Информатизация управленческих процессов, цифровизация документооборота и т.п. может существенно повысить эффективность системы государственного и муниципального управления;

– мотивации к социальной, политической активности граждан, активизации гражданского общества;

– мотивации к социальной, политической активности молодежи. Считается, что через применение молодежью современных электронных информационно-коммуникационных технологий будет стимулироваться у молодежи интерес к социальным и политическим процессам общества.

Механизмы сетевой коммуникации между гражданами, каналы интерактивного общения между гражданами и органами власти, коллективное обсуждение возникающих вопросов в режиме онлайн, которые предоставляет инфраструктура электронной демократии, повышает возможности граждан выражать свои мысли и предложения, обсуждать общественные проблемы, которые затрагивают различные сферы общества, участвовать в выработке решений, принимаемых властными структурами, осуществлять контроль над их выполнением. Таким образом, несомненный плюс применения электронной демократии заключается в открытости и возможности публичной политики широким слоям населения.

Возможность интерактивного общения между гражданами и органами власти, коллективное обсуждение возникающих вопросов в режиме онлайн также создают условия для генерирования обществом новых идей, которые могут стать востребованными при решении насущных проблем.

Следует выделить преимущества применения электронной демократии в функционировании представительной системы, к числу которых можно отнести:

– усиление процессов объединения интересов граждан, артикуляции и агрегации интересов;

– повышение эффективности связи между избирателями и их представителями (в том числе и обратной связи от представителя к избирателю).

Отдельно следует выделить преимущества применения технологий электронной демократии в функционировании партийной системы, к числу которых можно отнести:

– использование электронных информационно-коммуникационных технологий в деятельности политических партий;

– расширение возможности для соревнования кандидатов и конкуренции партий.

По мнению экспертов, применение интернет-коммуникаций может существенно снизить издержки при передаче информации от центральных к местным отделениям партий, повысить значение местных организаций, рядовых членов партий, расширить их возможности участия во внутрипартийной жизни и принятии партийных решений, обеспечить партиям прямой диалог и оперативную обратную связь с населением и избирателями, в том числе через интерактивное обсуждение партийных проектов с избирателями в режиме онлайн [5, с. 269]. В этом отношении следует отметить положительный опыт применения интернет-коммуникаций во взаимодействии с населением и избирателями, проведения регулярных праймериз с использованием современных электронных информационно-коммуникационных технологий партией «Единая Россия», в том числе и Татарстанским региональным отделением партии.

Таким образом, инфраструктура «электронной демократии» позволяет сегодня политическим партиям эффективно осуществлять сетевую коммуникацию с населением, избирателями, организациями гражданского общества.

Бесспорно, вовлечение через механизмы электронной демократии широких слоев населения в общественную жизнь будет способствовать приобщению граждан к демократическим традициям и ценностям, к участию в демократических процессах, что имеет важнейшее значение для предотвращения различных социальных конфликтов, укрепления стабильности общества.

Недостатки электронной демократии.

Исследователи в применении механизмов электронной демократии видят и ряд недостатков. Например, одной их проблем является вопрос защиты конфиденциальности и сохранности информации. Механизмы электронной демократии могут быть уязвима к манипуляциям хакеров, получивших технический доступ к информации. Такая опасность возникает из-за отсутствия достаточной защиты данных.

Следующая проблема – это существующее пока явное разделение общества на тех, кто имеет доступ и умеет пользоваться электронными средствами коммуникации и информатизации, и тех, кто еще не обладает такими возможностями. Особо уязвимыми в этом плане остаются люди пожилого возраста.

На наш взгляд, все перечисленные выше проблемы с помощью усовершенствования технических средств защищенности информации, расширения доступа к сети интернет, увеличения специальных программ обучения навыкам работы на компьютере с применением современных электронных информационных и коммуникационных средств могут быть минимизированы.

Еще одна проблема, которую выделяют исследователи, заключается в том, что современные электронные информационно-коммуникационные средства открывают определенным субъектам новые возможности для манипулирования обществом, общественным сознанием, предоставляют новые возможности для пропаганды различных идеологий, которые могут противоречить демократическим принципам. Они могут выступать инструментами целенаправленного формирования общественных взглядов, ориентаций, установок, навязывания определенных форм поведения.

Также современные электронные информационно-коммуникационные средства, которые предоставляют возможность оставаться анонимным в сети интернет могут снизить ответственность индивидов перед обществом, что может привести к негативным последствиям. Для перехода к электронной демократии требуется от индивидов не только техническая подготовленность, но и обладание определенной культуры ответственного поведения в интернет-пространстве. Можно полностью согласиться с Антоновым Я.В., который считает, что «разрешением фундаментальной проблемы безопасности в Интернете может являться введение индивидуальной идентификации каждого пользователя в сети или в части сети. ... Анонимное участие в демократических процессах может быть признано безответственным, поскольку гражданин, оставаясь неидентифицированным, не чувствует меру ответственности, как моральной, так и правовой, за свое мнение в виртуальном пространстве» [2, с. 6].

Ряд вопросов может возникнуть и при осуществлении процедуры дистанционного электронного голосования. Это, во-первых, проблема обеспечения при выборах «демократического принципа тайны голосования». Во-вторых, не превратит ли процедура дистанционного электронного голосования демократический институт выборов в обычный, регулярный учет общественного мнения?

Некоторые эксперты считают, что «для реализации электронного голосования потребуются «конституционные изменения для уточнения содержания основных конституционных принципов выборов, возможно, даже вплоть до их коренного пересмотра и принятия впоследствии принципиально новых правовых актов» [2, с. 6].

В заключении хотелось бы отдельно остановиться на проблеме, которая также может сопровождать применение механизмов электронной демократии, в частности на процедуре электронного голосования и учета мнения граждан, и которая, на мой взгляд, еще недостаточно обсуждена в научном сообществе. Речь идет о проблеме выработки качества решений

при внедрении в практику процедуры электронного голосования и учета мнения граждан. Как известно, при увеличении круга лиц, участвующих в процессе принятия публичных решений, существенно усиливается фактор количества при принятии решений, когда решающим становится фактор большинства, сложившегося баланса сил, а такие качественные характеристики как значение силы аргумента могут снижаться. Возникает вопрос: как в условиях неизбежности возрастания применения механизмов электронной демократии, который будет сопровождаться вовлечением широкого круга граждан в социальную жизнь, в принятие публичных решений, снизить негативный фактор количества и обеспечить качество принятия решений?

Мы видим решение этого вопроса в усилении процедуры обсуждения принимаемых решений до их принятия, в максимальном использовании возможностей информационно-коммуникационных технологий на уровне обсуждения публичных решений с привлечением в обсуждение широкой общественности и экспертного сообщества. Данный подход позволит выработать более качественные решения.

Литература

1. *Абрамова Д.С.* Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 1. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145> (дата обращения: 11.10.2025).
2. *Антонов Я.В.* К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования электронной демократии в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 7. – С. 3–7.
3. *Антонов Я.В.* Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. – № 5. – С. 101–113.
4. *Вершинин М.С.* Политическая культура как отражение политико-коммуникативной реальности общества / Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 98–107. Цит. по: *Башкарев А.А.* Электронная демократия как форма политической коммуникации // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 69. – С. 25–29.
5. *Грачев М.Н.* «Электронная демократия» и «электронное правительство»: как это работает / Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2012. – С. 268–285.

УДК 316.455

НОМО LUDENS И НОМО VIRTUALIS: ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИФРОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

**Иванов Андрей Валерьевич,
Иванов Глеб Андреевич**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье феномен виртуальной идентичности показан в рамках воздействия киберигровой реальности на пользователя. Конструирование альтернативных идентичностей в молодежной среде в виртуальном игровом пространстве рассматривается как возможности «перехода» от человека играющего к человеку виртуальному.

Эмпирической основой настоящей работы послужили материалы «полевого исследования», проведенные в 2023–2024 гг. среди постоянных участников сетевых игровых сообществ из числа жителей Республики Татарстан.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, игра, социальная идентичность, киберигровая реальность, геймер, Homo ludens, Homo Virtualis.

Одним из факторов воздействия виртуальной реальности на массовое сознание становится так называемая «геймификация», охватывающая различные социальные группы, но наиболее ярко проявляющаяся в среде современной молодежи. Это явление выражается не только в том, что для молодого поколения размывается граница между виртуальным и реальным, но и в том, что трансформируется вся структура социальных идентичностей: этническая, религиозная, гендерная.

Эмпирической основой настоящей работы послужили материалы «полевого исследования», проведенные авторами в 2023-2024 гг. среди постоянных участников сетевых игровых сообществ из числа жителей Республики Татарстан. В ходе исследования было проведено 25 глубинных интервью, а также проанализированы методом контент-анализа чаты 10 сетевых игровых сообществ, среди которых Дота, Танкс, Контр-страйк и др.

Виртуальное пространство становится механизмом альтернативной социализации, где молодой человек пытается примерить на себя различные роли, аватары, найти свою политическую нишу.

Классическое исследование Й. Хейзинга «*Homo ludens*» (1938) интерпретирует игру как один из важных механизмов порождения культуры в целом. «Человек играющий» – это не праздная персона, которая тратит свободное время на игры, а творец в различных областях социального бытия [1]. Он впервые заговорил об игровых пространствах как о «временных мирах». В данном случае гейминг можно интерпретировать как среду для самопознания и формирования идентичности.

Виртуализация идентичности привела к появлению термина, отражающего новый этап в эпохе антропоцена – *Homo Virtualis*. Большинство исследователей считают феномен *Homo Virtualis* исключительно порождением интернета как информационно-коммуникационной технологии. Обычно понятие виртуального в толковых словарях русского языка интерпретируется в значении потенциальности: «Несуществующий, но возможный» [2, с. 84]. В качестве одной из ключевых характеристик *Homo Virtualis* отмечена размытость самоидентификации» [3, с. 64].

Итак, можно выделить следующие доцифровые и цифровые поколения. Первое, или «доцифровое поколение» – обширная возрастная когорта, чье детство, юность, а у многих и большая часть жизни прошли до массового распространения персональных компьютеров. У этих людей часто возникают сложности в понимании цифровых технологий, что порою приобретает критическую форму «цифровой слепоты» (не восприятие информации с монитора). Виртуальное пространство для них уже знакомая, но по-прежнему чуждая среда, и зависимость от нее минимальна. Риски цифровой слепоты на индивидуальном уровне нивелируются высокой включенностью в реальное социальное пространство и деятельность.

Следующее поколение, которое условно можно назвать поколением десктоп (от англ. *desktop* – поверхность стола), свою юность в конце 1980-х и 1990-х годах встретило уже с персональными компьютерами. Его представители обычно являются активными и уверенными потребителями цифровых технологий. В отличие от первого поколения, они более дифференцированы по социальному составу, возрасту, мотивам и целям сетевой виртуальной коммуникации. Для них важным становится в первую очередь потребление информации, получаемой из сети Интернет, поиск в сети, «потокоские» коммуникации [4, с. 44–46]. Их молодость тоже была порой сопряжена с компьютерными игровыми практиками, но сейчас для этого поколения игра не является фундаментальным способом времяпрепровождения, тем более она не является для них «новой реальностью» и массовым инструментом конструирования собственной виртуальной идентичности. Их взаимодействие с виртуальной средой имеет в целом сбалансированный характер, без угрозы подмены реальной социальности.

Наконец, третье поколение – то самое «*Homo virtualis*». Его формирование еще не закончено, но оно уже приобрело видимые черты. Своеобразным началом этого процесса стали качественные технологические, а также визуальные нововведения, связанные с развитием социальных сетей, а также компьютерных игр на основе дополненной реальности. Данное поколение имеет свою внутреннюю структуру, в частности, могут быть выделены группы

пользователей, ориентированных в первую очередь на социальные сети и мессенджеры, – так называемые «сёрферы» и, собственно, те, кто ежедневно длительное время проводит в пространстве виртуальных игр. Последние оказываются наиболее уязвимы к воздействию виртуальной среды, так как заведомо ограничены рамками сюжета и правил игры, тем самым добровольно допуская в личное пространство сгенерированные во вне паттерна. Геймер уже не просто соприкасается с виртуальной реальностью, а погружается в нее, она становится для него осязаемо реальной. Он становится тем «очарованным странником» виртуального мира, который вдруг ощутил возможность посредством виртуальности увидеть улучшенную копию себя. Незаметно для него самого виртуальная игра становится более важной жизнью, чем сама жизнь.

Потенциальные угрозы киберигровой реальности заключаются в том, что очень часто гуманистические традиции «забываются». В игре ты – центр мира, ты можешь менять его по своему желанию; жалость к врагу чужды герою, если эти действия ведут к победе; враг в игре – условно-схематичный персонаж, который стоит на твоём пути к победе; виртуальная жизнь сконцентрирована исключительно на победе; и, самое главное, большинство игр – это игры со смертью.

Можно согласиться с Зимбардо, который утверждал следующее: «Перед лицом все новых сложностей, возникающих на пути молодых мужчин в постоянно меняющемся зыбком мире, многие из них предпочитают укрыться в “теплой норке”, где можно получить желаемый результат без страха быть отвергнутым и где тебя даже похвалят за некоторые достижения. Этим “теплым местечком” для большинства оказываются компьютерные игры и порно. Как геймеры они становятся настоящими профи, оттачивая свои навыки, продвигаясь на все более высокие уровни, становясь людьми статусными и уважаемыми в рамках игры» [5. С. 7].

Геймер формирует свою идентичность совершенно иначе, чем человек доцифрового мира. Телесные признаки человека становятся вторичными, они носят инструментальный характер, подчиненный одной цели – достижению успеха в игре. Субъект оказывается в амбивалентном пространстве, в котором, с одной стороны, он обладает абсолютной свободой выбора своих индивидуальных качеств, с другой – набор этих характеристик является лишь имитацией свободы воли, так как задан разработчиком игры и позволяет реализовывать индивидуальность исключительно в конечном списке трафаретных аватаров.

Таким образом, виртуальное пространство становится областью альтернативной социализации и местом формирования альтернативной идентичности. В настоящее время появляется поколение геймеров, для которого обретенный в виртуальном мире игровой опыт становится базовым, определяющим их представления о мире. В данном случае интересно отметить возникновение в обществе особой возрастной группы – молодых людей возраста от 20 до 40 лет, которые так и не смогли стать взрослыми. Их называли «кидалтами» (англ. kid – «ребенок» и adult – «взрослый»).

В киберигровой реальности растворяются признаки и идентификаторы распознавания «взрослого». Физическая оболочка перестает иметь значение, а значит, возраст утрачивает смысл, границы его размываются. То же самое можно сказать про образование, которое обесценивается – наличие аттестата и диплома вовсе не становится началом нового этапа «взрослости». Данные аспекты взросления в реальной жизни утрачивают силу в интернет-пространстве, а стало быть, человек может не считать себя взрослым, если не хочет, и соответственно не вести себя «по-взрослому».

В перспективе можно предположить увеличение численности «Homo virtualis» среди молодежи до значимых количественных показателей. Витальная природа игры, ушедшая из реального мира в виртуальный, породила феномен Homo Virtualis, группы еще дисперсной, но активно о себе заявляющей.

Таким образом, фундаментальной социальной угрозой для общества становится отсутствие у молодого поколения реального опыта в результате тотального погружения в виртуальные коммуникации. Это влечет деформацию навыков социального общения, способствует снижению навыка адекватно оценивать социальные способности и успех в реальном мире.

Литература

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. – М., 1992. – 416 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 939 с.
3. Афанасьева В.В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 59–64.
4. Царева А.В. Человек в сети: смена веб-поколений // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15. – № 5. – С. 36–54.
5. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. – М.: Альпина Паблицер, 2017. – 342 с.

УДК 325.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Игонин Денис Иванович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В работе исследуются особенности применения цифровых технологий и цифровизации в реализации государственной миграционной политики России. Были применены методы кейс-стади для изучения конкретных случаев внедрения цифровых технологий в процесс управления миграционными потоками; анализ документов – программ, концепций и нормативно-правовых актов, регулирующих процесс цифровизации миграционной политики и анализ статистических данных. В ходе исследования в работе были определены положительные и отрицательные стороны цифровизации миграционной политики. Также в работе приводится ряд практических рекомендаций по совершенствованию использования цифровых технологий в реализации миграционной политики. В результате исследования автором было определено, что цифровизация – это фактор, определяющий эффективность управления миграцией. А также инструмент, обеспечивающий контроль за незаконной миграцией и позволяющий применить селективные подходы в миграционной политике государства.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, цифровизация, концепция, информационные технологии.

Современные общемировые тренды технологического развития кардинально влияют на систему государственной политики и государственного управления, а также на политические процессы и динамику политической жизни. Миграционная политика, как часть общегосударственной политики страны, не является исключением. В России в условиях нарастающих миграционных потоков внедрение информационных технологий становится все более актуальным и позволяет решать задачи по обеспечению эффективности, оперативности и прозрачности властно-политических решений. Цифровизация подразумевает собой создание новых инструментов по сбору, анализу и применению данных по миграционным процессам, позволяющих повысить качество приема мигрантов и улучшить деятельность органов государственного управления по регулированию миграционных потоков. Развитие информационных систем и цифровых платформ в процессе реализации государственной миграционной политики ставит вопрос о необходимости изучения особенностей ее реализации в условиях цифровизации. Актуальность подчеркивается тем, что применение цифровых технологий способствует реализации намеченных концептуальных целей миграционной политики и позволяет преодолевать бюрократические барьеры и недостатки.

В качестве методов исследования были применены методы кейс-стади для изучения конкретных случаев внедрения цифровых технологий в процесс управления миграционными потоками; анализ документов – программ, концепций и нормативно-правовых актов, регулирующих процесс цифровизации миграционной политики; анализ статистических данных, позволяющий раскрыть глубину и масштаб миграционных изменений. Кроме того, применен комплексный подход оценки стратегических целей реализации миграционной политики в условиях цифровизации.

В рамках данного исследования изучены нормативно-правовые акты, концепции и программы, направленные на регулирование миграционной сферы. Их анализ позволяет определить основные направления и приоритеты государственной миграционной политики в современной России. Среди нормативно-правовых актов можно выделить законодательные акты, такие как:

- ФЗ №109-ФЗ от 18.07.2006 «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» в редакции от 08.08.2024 г. [1];
- ФЗ №115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [2];
- ФЗ №114-ФЗ от 15.08.1996 «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» [3];
- ФЗ №115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) [4] и др.

В последнем документе, в частности, говорится о введении биометрической идентификации и электронных трудовых договоров для создания единой цифровой экосистемы миграционного учёта.

Также действует «Государственная программа по содействию добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей» [5] и ее реализация на региональном уровне. В октябре 2025 года Президент России Владимир Путин утвердил Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы [6]. Документ определил стратегические ориентиры и задачи России в сфере миграции на ближайшие пять лет. Среди ключевых направлений настоящей Концепции является цифровизация миграционных процессов посредством создания «цифрового профиля» мигранта, внедрение искусственного интеллекта для анализа данных, электронное заключение трудовых договоров [7].

Ряд статистических данных можно обнаружить в аналитических справках Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан при МВД России [8] и данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Согласно статистическим данным можно утверждать о стабилизации в России миграционного прироста, свидетельствующего в пользу эффективности регулирования органами государственной власти миграционных процессов, в том числе посредством цифровизации.

Примечательно, что в рамках реализации концепции в пользу цифровизации отмечается факт внедрения электронных сервисов и автоматизированных систем учета. Это упрощает процедуры оформления мигрантов в стране пребывания и повышает прозрачность регулирования миграционными потоками. Данные меры необходимы для уменьшения бюрократической нагрузки, ориентированы на снижение коррупционных преступлений и нацелены на улучшение качества обслуживания иностранных граждан. На данный момент в РФ действуют и планируются к запуску государственные и частные электронные и автоматизированные системы для учета мигрантов. Среди государственных наиболее известны «Цифровой профиль мигранта» – единая электронная система, содержащая личные и биометрические данные лиц, которые въезжают в Россию. Она должна включать информацию о персональном статусе, истории пересечения границы, трудовой деятельности, финансовых операциях и других аспектах пребывания иностранцев в РФ [9]. Доступ к профилю будет предоставляться через Единый портал «Госуслуги» или мобильное приложение ruID. Согласно указу Президента РФ от 9 июля 2025 года, данная система должна быть запущена до 30 июня 2026 года. Также к числу государственных систем можно отнести мобильное приложение «Амина». Оно действует с 1 сентября 2025 года и используется для учёта трудовых мигрантов в Москве и Московской области. К частным системам относятся сервис «Контур ФМС» – облачный сервис

для автоматизации работы с миграционным учётом иностранных работников [10] и сервис «М2 Информ», который позволяет формировать и проверять сведения о российских и иностранных гражданах для отправки в МВД России [11].

На современном этапе миграционной политики России характерными ее особенностями являются активное внедрение информационных технологий и распространение удобной электронной инфраструктуры, которая нацелена на упрощение процесса регулирования миграции. В рамках Концепции предусмотрено создание эффективных информационных систем, позволяющих создавать и объединять базы данных иностранных граждан, а также регулировать их регистрацию и контроль над их внутренними перемещениями. Тем самым, это позволит снять бюрократическую нагрузку на системы государственного управления и обеспечит эффективность работы миграционных служб. Внедрение информационных технологий значительно упрощает процесс взаимодействия граждан и иностранных граждан с государственными органами власти по вопросам миграции, а также создает условия прозрачности регулирования миграционными процессами. Перспективным направлением регулирования миграции является инициатива о создании единой системы учета миграционных процессов. Ее роль выполняют государственная информационная система миграционного учёта (ГИСМУ) и система «Мир» - государственная информационная платформа, обеспечивающая реализацию миграционной политики, а также контроль обращения документов, удостоверяющих личность. Одновременно с развитием информационных технологий в миграционной сфере возникает потребность в кибербезопасности и противодействию угрозы кибермошенничества, незаконной миграции и профилактике распространения радикальных религиозных и экстремистских взглядов. Важно отметить безопасность персональных данных и рост доверия граждан к электронно-информационным системам.

Важным аспектом цифровизации является внедрение аналитических платформ и систем предиктивного анализа для прогнозирования миграционных потоков в России, что также предусмотрено Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, утверждённой Указом Президента РФ от 15.10.2025 г. № 738.

Татарстан ничем не отличается от других регионов страны в вопросах реализации государственной миграционной политики России. Цифровизация миграционной политики в Татарстане, как и по всей России, направлена на усиление контроля за миграционными потоками, повышение прозрачности взаимодействия между госорганами и лицами, прибывающими в Россию, а также облегчение процедуры проверки легальности нахождения иностранца в стране [12]. Это реализуется через законодательные меры, использование цифровых технологий и практику внедрения новых систем.

В ходе анализа миграционной политики выявились положительные и отрицательные стороны ее цифровизации. Из положительных сторон можно отметить:

- применение цифровых технологий позволяет управлять миграцией посредством автоматизации процедур регистрации, контроля и учета миграционных потоков;
- с использованием цифровых технологий стало возможным ускорить процесс обработки данных и минимизировать бюрократические издержки;

Из отрицательных сторон можно выделить следующее:

- недостаточная автоматизация всех этапов миграционного цикла, которая не позволяет охватить весь процесс от и до;
- отсутствуют унифицированные электронно-информационные системы и должное взаимодействие межведомственных структур;
- сохраняется цифровое неравенство, выражающееся в неодинаковой осведомленности и цифровой грамотности мигрантов и лиц – граждан страны. Это вызывает затруднения в использовании цифровых сервисов и платформ.

Таким образом, несмотря на все имеющиеся достоинства внедрения цифровых технологий в управлении миграционными процессами, эффект наблюдается неоднозначный. С учетом реализации новой Концепции до 2030 года ситуация в регулировании миграционных процессов с использованием электронных возможностей может качественно измениться.

Важной задачей является обеспечение комплексной поддержки цифровой инфраструктуры и повышения цифровой компетентности участников миграционного процесса. Также возникает потребность в гармонизации нормативно-правовой базы, позволяющей снизить административную нагрузку и повысить прозрачность миграции.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в процесс реализации миграционной политики России представляет собой сложное, но перспективное направление, требующее регулярного мониторинга и корректировки для достижения максимальной эффективности. Важно усилить взаимодействие межведомственных структур, расширить использование цифровых сервисов и платформ и проводить регулярный мониторинг эффективности реализуемых решений.

Подводя итоги, можно отметить следующее:

Во-первых, цифровизация государственной миграционной политики в современной России стала фактором, определяющим эффективность управления миграцией.

Во-вторых, применение электронных систем, сервисов и автоматизированных процедур позволило ускорить обработку миграционных документов и привело к снижению бюрократической нагрузки, а также позволило обеспечить эффективность работы миграционных служб. Цифровизация позволила повысить уровень доверия к органам государственной власти как со стороны самих граждан РФ, так и со стороны мигрантов, прибывающих на территорию нашей страны.

В-третьих, информационные технологии в миграционной сфере позволяют государству обеспечивать безопасность граждан в вопросах противодействия незаконной миграции и профилактики распространения радикальных религиозных и экстремистских взглядов. А также позволяют претворять в жизнь, ранее обозначенные селективные подходы в миграционной политике государства.

Литература

1. Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». – URL: <https://bazanra.ru/gd-rf-zakon-n109-fz-ot18072006-h972865/> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 12.11.2025).
3. Федеральный закон «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ». – URL: <https://base.garant.ru/10135803/> (дата обращения: 12.11.2025).
4. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 12.11.2025).
5. «Государственная программа по содействию добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/ (дата обращения: 12.11.2025).
6. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 12.11.2025).
7. Сайт общероссийского общественного движения «Ветераны России». – URL: <https://veteransrussian.ru/novosti/novosti-ood/utverzhdena-novaya-kontsepsiya-migratsionnoy-politiki-rossii-na-2026-2030-gody-kurs-na-bezopasnost-suverenitet-i-traditsionnye-tsennosti/> (дата обращения: 12.11.2025).
8. Сайт МВД РФ. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – сентябрь 2025 года. – URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/> (дата обращения: 12.11.2025).

9. Новостной ресурс «Вести.ру» от 27 июня 2025. Цифровой профиль мигранта: как работает и зачем он нужен в России. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4568352> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Сайт vc.ru. – URL: <https://vc.ru/services/2207353-kontur-fms-dlya-gostinits-avtomatizatsiya-migratsionnogo-ucheta> (дата обращения: 12.11.2025).
11. Сайт «Контур». – URL: <https://m2-inform.kontur-partner.ru/hotel/reg> (дата обращения: 12.11.2025).
12. Новостной ресурс «Известия» от 28 марта 2025. Гостевой вход: в России внедряют цифровой профиль мигранта. – URL: <https://iz.ru/1861104/maria-frolova/gostevoi-vhod-v-rossii-vnedrat-cifrovoi-profil-migranta> (дата обращения: 12.11.2025).

УДК 327.3

ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ КИТАЯ В ЕВРАЗИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**Дорожкин Юрий Николаевич,
Будуева Кристина Сергеевна**

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация. В статье описан экспорт китайской политико-институциональной модели регулирования цифровизации общества через механизмы экономического сотрудничества и инфраструктурные проекты, такие как «Цифровой Шелковый путь».

Ключевые слова: цифровая трансформация, Китай, Евразия, Республика Казахстан, политико-институциональное регулирование, Цифровой Шелковый путь, киберсуверенитет.

Политика, как любое социальное явление тесно связано с технологическими, научными и культурными изменениями. XXI век – это век «цифровой индустриализации» и экономически развитые страны вынуждены отвечать на новые вызовы не только реформами политических институтов и законодательства, но и выстраиванием продуманной стратегии в области цифровизации, которая призвана сконструировать новую социально-политическую реальность и сформировать контуры и суть нового цифрового общества.

Процесс цифровизации оказывает большое влияние на политическую жизнь, в частности на политические институты и государственное управление: цифровизация политических институтов, цифровизация политического участия граждан, цифровизация избирательного процесса, цифровизация политического контроля и управления обществом – эти процессы являются неотъемлемой частью новой политической среды, которыми представители власти пытаются управлять в рамках своих представлений о «свободе», «контроле» и «безопасности».

Наиболее последовательно и динамично процессы «внутренней» и «внешней» цифровизации можно наблюдать в Китайской Народной Республике. Китай не просто адаптируется к новой цифровой реальности, а целенаправленно конструирует ее, превращая цифровизацию в стержень своей национальной стратегии развития. Цифровая политика рассматривается Коммунистической партией Китая как ключевой элемент обеспечения «национальной безопасности» в самом широком смысле, включая как внутреннюю – идеологическую безопасность и сохранение стабильности режима, так и внешнюю – для усиления своего геополитического влияния и намерения превратить Китай в «интернет-сверхдержаву» [1, с. 297].

Все стратегические решения в области цифровизации принимаются под руководством Партии. Например, 15 ноября 2013 года на Третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 18-го созыва Си Цзиньпин выступил с докладом, в котором отмечалась необходимость «ускорения совершенствования системы руководства по управлению Интернетом», Си Цзиньпин подчеркнул, что информационная безопасность

затрагивает напрямую национальную безопасность и социальную стабильность. В докладе было отмечено, что, учитывая стремительный рост числа пользователей социальных сетей и мессенджеров, необходимо обеспечить контроль над распространением информации в Интернете [2].

На этом фоне в 2014 году было создано Государственное управление киберпространством КНР (Cyberspace Administration of China — САС) [3, с. 337], ключевой институт, главной целью которого является интеграция функций государственных ведомств, формирование единого механизма управления Интернетом – от технологий до контента. В его функции входит выработка политики, цензура, лицензирование, контроль над данными и борьба с «вредной» информацией [3, с. 338].

Внешняя цифровая политика Китая является продолжением внутренней. Принципы жесткого регулирования и управления внутренней сетью Интернет, информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) транслируются, и продвигаются на международном уровне. Основа внешней политики КНР в сфере цифровизации описана в Стратегии международного сотрудничества в киберпространстве, 2017 г [4, с. 15]. В документе подчеркивается право каждой страны на выбор модели регулирования и управления информацией в сети Интернет и принципа интернет-суверенитета каждого государства. При этом КНР предлагает равное управление киберпространством между государствами, а роль независимого «судьи» в решении спорных вопросов отводится ООН [4, с. 7].

Экспорт своей цифровой модели Китай продвигает через программу «Цифровой шёлковый путь». Это часть глобального проекта «Пояс и путь»/ «Один пояс, один путь» (BRI) и классический пример как через инвестиции в цифровую инфраструктуру (строительство центров обработки данных, волоконно-оптических сетей, систем «умного города» и т. д.) стран-партнеров можно продвигать свои технологические стандарты, оборудование и политические интересы.

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) объединяет выдвинутые в 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП), предполагающие выстраивание ряда масштабных «экономических коридоров». В контексте ЭПШП: Китай – Центральная Азия – Ближний Восток, Китай – Юго-Восточная Азия и Китай – Казахстан – Россия – Европа. Применительно к МШП: Китай – Индийский океан – Европа, Китай – Индийский океан – Африка и Китай – Юго-Восточная Азия – южная часть Тихого океана [5]. Инициатива «Цифрового шёлкового пути» подразумевает улучшение цифровой взаимосвязанности стран – участниц ОПОП. Таким образом Китай становится не только торговым, но и технологическим партнёром [6].

Сотрудничество Китая и Казахстана является ярким примером реализации цифровой программы «Пояса и пути». В 2017 г. в целях стимулирования модернизации экономики, а также для укрепления информационных технологий Казахстан запустил программу национального планирования «Цифровой Казахстан» для превращения в цифровую страну и реализации проекта «Цифровой шёлковый путь» [7, с. 125].

В 2024 году Глава государства Касым-Жомарт Токаев в послании народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» выделил как стратегический приоритет построение цифровой экосистемы и развитие ИИ в стране. Президент также подчеркнул стратегическое значение проекта прокладки волоконно-оптической линии связи через Каспийское море [8]. Это один из ключевых проектов «Цифрового шелкового пути». Инициатива призвана превратить Казахстан в ключевой цифровой узел региона. Ожидается, что транзит данных станет стабильным источником дохода, стимулирует приток зарубежных инвестиций в страну, даст импульс для развития IT-сферы.

С началом цифровой трансформации внутри Казахстана меняется и ее политический ландшафт. Указом Президента Республики Казахстан в 2023 году утверждена Информационная доктрина Республики Казахстан, которая содержит новые понятия (такие как «истинная информационная безопасность», «идеологический суверенитет», «основной идеологический

вектор», «деструктивный, манипулятивный и ложный контент», «ложные нарративы») [9], которые могут повлиять на регулирование онлайн-контента и цензурные решения в будущем.

Новым вызовом для гражданского общества Казахстана стал Проект внесения изменений (от августа 2024 года) в Приказ от «Об утверждении правил оказания услуг связи» в Пункт 55. В новой редакции абонентов сотовой связи обязывают предоставлять свои биометрические данные: Услуги сотовой связи оказываются на основании договора об оказании услуг сотовой связи (далее – договор), заключаемого между оператором и абонентом, согласно статье 397 Гражданского кодекса Республики Казахстан **с предоставлением абонентом биометрических данных (изображения лица).**

Изменения пока не вступили в силу, возможно из-за того, что на данный момент в законодательстве отсутствуют отдельные нормы, регулирующие сбор, хранение и использование биометрических данных. Соответствующий законопроект находится в стадии разработки [10]. Без специальной законодательной базы биометрические данные относятся к персональным данным и их обработка возможна только при согласии гражданина – статья 8 (Порядок дачи (отзыва) согласия субъекта на сбор, обработку персональных данных) Закона РК «О персональных данных и их защите». Специалисты и правозащитники следят за сложившимся трендом, а сами поправки до сих пор вызывают яркие дискуссии в обществе. Стоит отдельно подчеркнуть, что биометрическую идентификацию уже сейчас применяют при удаленном выпуске регистрационных свидетельств Национального удостоверяющего центра, а также при регистрации пользователей в мобильном приложении eGov [10].

Технологическое и цифровое сотрудничество между Китаем и Казахстаном становится интенсивней с каждым годом. Комитет телекоммуникаций Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан в апреле 2025 года посетил ключевые технологические и исследовательские центры Huawei в Китае. В рамках поездки представители Казахстана ознакомились с передовыми решениями компании в области цифровой энергетики, облачных технологий, 5G-сетей, умных дата-центров и устойчивых «зеленых» разработок. Стороны обсудили современные вызовы и возможности цифрового развития, обменялись мнениями по вопросам технологического суверенитета, устойчивости инфраструктуры и перспектив внедрения передовых решений на уровне государственных проектов [11].

Стремительные изменения в цифровой сфере и связанных с ней политических процессах вызывают беспокойство внутри страны. Айдар Курмашев, руководитель Отдела азиатских исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, отмечает, что цифровое сотрудничество требует не только технических решений, но и ясных правил: кто контролирует данные, как регулируются киберриски, какие механизмы ответственности действуют. Казахстану важно заранее определять рамки взаимодействия, чтобы цифровая инфраструктура не стала «чёрным ящиком», управляемым извне. В этом смысле не меньше технологий нужны институциональная зрелость и правовая прозрачность [12].

Современное гражданское общество сталкивается не с теоретическими вызовами и ограничениями, а с уже работающим инструментом цифрового контроля, который усиливает возможности государства по подавлению оппозиции и ограничению прав и свобод. На парламентских слушаниях о развитии искусственного интеллекта в Казахстане депутат Мажилиса Николай Арсютин обратился к представителям Министерства внутренних дел: «Люди боятся, что подобные технологии могут превратиться в инструмент большого брата и тотального контроля, как в антиутопии Джорджа Оруэлла 1984. Каким образом МВД намерено обеспечить баланс между эффективностью искусственного интеллекта в снижении преступности и сохранением прав и свобод граждан? Какие конкретные гарантии и механизмы контроля предусмотрены, чтобы технологии безопасности не превратились в инструмент слежки за каждым человеком?» [13]

Влияние китайской цифровой экспансии на политическую обстановку и гражданское общество в странах Центральной Азии – сложное и неоднозначное. Оно создает одновременно

и новые возможности, и серьезные вызовы. В пользу неизбежности цифровой трансформации процессов политико-институционального регулирования говорит несколько факторов.

Первый – это соотношение пользователей Интернета: жители развитых стран составляют около трети от общего числа пользователей Интернета, тогда как на долю развивающихся стран приходится две трети от общего числа пользователей. При этом около половины населения развивающихся стран не имеет доступа в Интернет [4, с. 21]. То есть процесс политической цифровизации не закончен, а находится в своей начальной стадии и постепенно в этот процесс будет включаться все больше государств.

Второй фактор, китайское цифровое влияние действует как катализатор, усиливающий существующие в Евразийском регионе политические тенденции. Для правящих элит – это инструмент укрепления власти и стабильности, но ценой роста зависимости от Китая и возможной эрозии демократических принципов. Для гражданского общества – это серьезный вызов, сужающий пространство для свободной деятельности и ставящий под вопрос право на приватность. Этот процесс фундаментально меняет цифровой ландшафт всего континента, создавая новые связи и новые зависимости. По мере того, как страны погружаются в китайскую технологическую экосистему, возможности для сотрудничества с Западом в сфере ИТ и демократических стандартов сокращаются. Альтернативные модели развития становятся менее доступными.

Литература

1. Соломатина А.Р. Цифровой шёлковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – Т.4. – № 4. – С. 296–307.
2. 人民網. – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/1115/c1001-23559689.html> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Weishan M., Wei L. Policy review: the cyberspace administration of China // Global media and communication. – 2016. – Volume 12 (3). – P. 337–340.
4. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 7–33.
5. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 19.10.2025).
6. Официальный сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/ru/kazakhstan-i-kitaj-peregovory-v-ty-anchzine/> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Цюй Цюжунь. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. – № 81. – С. 121–126.
8. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 26.10.2025).
9. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://akorda.kz/ru/obutverzhdanii-informacionnoy-doktriny-respubliki-kazahstan-2025248> (дата обращения: 27.10.2025).
10. Международное информационное агентство «Казинформ». – URL: <https://www.inform.kz/ru/kto-hranit-biometriyu-kazahstantsev-i-kak-ona-zashishena-385b40> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Официальный сайт Huawei Technologies Co., Ltd. – URL: <https://www.huawei.com/kz-ru/news/kz/2025/news-huawei-ministry-digital-development-visited-innovation-centers-in-china-ru> (дата обращения: 20.10.2025).

12. Официальный сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/ru/sotrudnichestvo-s-kitaem-chifrovoy-aspekt/> (дата обращения: 19.10.2025).
13. Сетевое издание Bizmedia.kz. – URL: <https://bizmedia.kz/2025-09-26-kazahstanczev-uspokoili-kamery-s-ii-ne-budut-sledit-za-kazhdym-chelovekom/> (дата обращения: 19.10.2025).

УДК 328.12

КЛЮЧЕВЫЕ ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Кукушкина Ольга Юрьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам применения искусственного интеллекта в избирательных процессах. Автор перечисляет ключевые функции и возможности искусственного интеллекта, которые призваны упростить процесс взаимодействия с целевой аудиторией и электоратом. Поднимаются вопросы о значительных преимуществах искусственного интеллекта в политической сфере в целом, и его способностях решающе повлиять на исход избирательных процессов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая сфера, избирательный процесс, избирательная кампания.

Согласно прогнозам, к 2030 году искусственный интеллект может принести мировой экономике более 15 трлн долл. дохода. Неудивительно, что многие государства делают тематику технологического развития частью своей внутренней и внешней политики [1].

Попытки «оцифровать» политическую науку начались уже давно – еще в середине XX века. Ранние попытки использования цифровых методов в политологии, начались с анализа больших массивов данных и осторожного прогнозирования электорального поведения. Однако об искусственном интеллекте в политической науке начали говорить несколько позже (с 1960–1970-х годов), когда были опубликованы первые работы по созданию экспертных систем и машинному обучению.

Феномен искусственного интеллекта (далее- ИИ) сегодня переживает настоящий подъем, его изучение является предметом и объектом практически всех научных направлений. В связи с этим поднимается вопрос определения сущности и интерпретации ИИ.

Современный пласт научной литературы и публикаций готов предоставить около 100 разных интерпретаций этого понятия, однако можно выделить общее среди всех определений – многогранность и сложность характеристик ИИ. Во-первых, наличие определённого, но в то же время уникального алгоритма, который дает ИИ понимание модели окружающего мира. Во-вторых, невероятная гибкость и адаптивность к требованиям и запросам. В-третьих, привязка к структуре запрограммированного кода. И, в-четвертых, соблюдение некоего нейтралитета в вопросах оценки событий, явлений, ситуаций, хотя речи о полной автономии и независимости пока не идет.

Интересующий нас вопрос о функционале ИИ в избирательных процессах следует начать, что в научной литературе за последние несколько лет значительно прибавилось работ об успешном использовании ИИ. Более того в мире насчитывается более десятков успешных кейсов по применению ИИ в избирательных процессах на разных уровнях власти. Но возникает вопрос о полном функционале ИИ как технологии избирательной компании. Автору близок подход П.Ю. Турилиной [2, с. 109], которая среди основного функционального потенциала ИИ в избирательных процессах обозначает следующих возможности:

– распространение поддельных аудио- и видеоматериалов, выдаваемых за достоверную информацию.

– проведение автоматизированных, гиперперсонифицированных кампаний дезинформации, в рамках которых люди в нестабильных или социально неблагополучных регионах получают точно направленные сообщения, способные непосредственно влиять на их выбор в момент голосования.

– автоматизация избирательных кампаний с использованием ИИ для анализа социальных сетей, направленная на выявление ключевых точек формирования взглядов, предпочтений и приоритетов электората.

– организация масштабных, автоматизированных атак на информационные ресурсы: ложные сведения, усложняющие поиск достоверных данных.

– использование ботов для массовых вбросов политических сообщений в социальных сетях, создавая ложное впечатление.

По мнению автора данной статьи внимания так же заслуживает исследователь П.Р. Бахри, который посвятил не одну научную работу использованию ботов в политической сфере, основанных на ИИ [3, с. 118].

Чат-боты пользуются большой популярностью среди участников политических гонок для укрепления среди электората своих идей, для быстрого общения и сбора обратной связи, точечного реагирования на возникающие проблемы. Необходимо отметить, что и для граждан чат-боты создают много преимуществ, например, владение информацией о кандидатах, быстрые ответы на волнующие вопросы, клиентоориентированный подход – все это способно увеличить охваты избирательной кампании.

Ранее упомянутый исследователь П.Р. Бахри описывает ключевые преимущества применения чат-ботов в политических кампаниях следующим образом:

– расширение охвата и доступности. Благодаря интеграции с популярными платформами и мессенджерами чат-боты способны круглосуточно взаимодействовать с многомиллионной аудиторией.

– точная настройка сообщений и стратегий. На основе анализа большого объёма данных чат-боты могут подстраивать содержание и тон кампании под нужды целевой аудитории.

– повышение уровня участия и вовлечённости. Благодаря чат-ботам избиратели могут задавать вопросы, оставлять комментарии и поддерживать понравившихся кандидатов или политические партии. Эти инструменты также способны мотивировать людей использовать своё право голоса и более осознанно участвовать в политическом процессе [3, с. 119].

Следующей важной функцией ИИ, которую необходимо упомянуть – возможность собирать и подвергать анализу общественное мнение, например через комментарии в постах или группах. Это дает возможность для отслеживания эмоционального фона граждан и понимая действительно актуальных проблем или вопросов в текущий момент времени.

Немаловажным для автора является необходимость отметить нарастающую популярность вопроса о распространении фейковых новостей в социальных сетях. В этом ключе функционал искусственного интеллекта расширяется через способность выявлять фейки и находить дезинформацию. При этом некоторые исследователи отмечают, что подобные события могут оказывать чуть ли не решающую роль на результаты избирательных процессов, так как способны сформировать особое общественное мнение через манипуляции и давление. Данная функция имеет и обратную сторону – все больше и больше дезинформации генерируется при помощи искусственного интеллекта и различных нейросетей.

И, пожалуй, еще одна функция, заслуживающая внимание – это способность искусственного интеллекта анализировать настроения избирателей: выявлять негативные и позитивные настроения направленных в сторону политиков или политических партий.

Основываясь на вышеупомянутых функциях, следует сделать вывод, что с постепенным развитием и прогрессом в области возможностей ИИ его функционал будет только увеличиваться, создавая новые возможности для улучшения избирательных процессов.

Литература

1. Паниев Ю. Искусственный интеллект в глобальной политике. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-04-07/9_8988_ai.html (дата обращения: 18.09.2025).
2. Турилина П.Ю. Потенциал использования искусственного интеллекта в современных избирательных кампаниях // РЕАЛЬНЫЙ человек в VIRTUALЬНОМ мире: материалы Всероссийского научного футурологического конгресса (Архангельск, 16–17 ноября 2018 года). – Архангельск: Перо, 2019. – С. 109–111.
3. Bahri P.R., Asmara H.M.G., Risnain M. Artificial intelligence (ai)-based campaign in the implementation of general elections // International Journal of Multidisciplinary. – 2024. – Volume 9. – Issue 2. – P. 118–124.

УДК 321.01

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ФОКУСЕ ЦИФРОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ DATA-MINING: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нятинa Наталья Владимировна
Лось Михаил Александрович,
Григорик Никита Николаевич

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Современная цифровизация социального пространства обновляет практики коммуникации личности и социальных групп, раскрывая новые перспективы для исследовательского поля. «Обыденность» взаимодействия в реальной действительности с одной стороны замещается сетевыми возможностями, а с другой стороны – компенсаторно, в условиях социальной и политической мобилизации, раскрывает скрытый потенциал и направленность (конструктивность/деструктивность) активности пользователей. Целью данного исследования является анализ вызовов и перспектив социальной и политической мобилизации с точки зрения цифровой репрезентации данных. Гибридность используемого сетевого и системного подхода обновляет возможности социологического исследования активности пользователей с учетом возможностей data-mining.

Ключевые слова: социальная мобилизация, политическая мобилизация, цифровое исследование, сетевые сообщества, современные вызовы, data-mining.

Условия социальной и политической мобилизации реорганизуют социальное пространство и возможности жизнедеятельности личности, социальных групп, общества. Акцентируя внимание на значимости реализации общих и дифференцированных потребностей, население стремится узнавать о грядущих социальных изменениях, в том числе турбулентного характера. Мобилизация (и политическая, и социальная) рассматривается исследователями как феномен, в котором на основании поддержания социальных связей происходит взаимное пересечение деятельностных характеристик акторов взаимодействия и структурных детерминант активности [1]. Она может иметь полюсную направленность: от конструктивной до деструктивной. Так, с точки зрения структурно-функционального подхода мобилизация является основанием для стимулирования девиантного поведения и дисфункционального воспроизведения социальных практик, так как со своим назначением не справляются «ни интегративные механизмы, ни механизмы подавления девиаций». Социальные агенты, в связи с распространением дезадаптивных практик, не реализуют ролевые ожидания других, построенные на пространственных поведенческих образцах, а социализация и социальный контроль нивелируют свои социально значимые функции [2].

Социальная и политическая мобилизация активизирует адаптационный механизм в период резких социальных изменений, что может вести как к конструированию новых

поведенческих практик, так и к апатии, поскольку акторы социального действия считают, что лишены «контроля над происходящим», так как «наиболее важные факторы, определяющие их жизнь и социальное положение, а также перспективы того и другого, не находятся у них в руках» [3], отчужденности от происходящих событий и проявления «диванной активности». Социальная и политическая мобилизация преобразует «архитектуру повседневности». Задавая тональность непредсказуемости, нелинейности изменений, усиленного значения институциональных решений, влияющих на жизненные траектории, обостряется «парадоксальность» сознания, что влияет на оценку происходящих событий [4].

Условия динамичного и сложнопрогнозируемого социума, переход большинства социально-политических взаимодействий в цифровые, онлайн среды содействует усилению вероятности формирования и проявления деструктивного поведения личности [5]. Постоянное обновление способов, приемов, каналов коммуникации, а также практик взаимодействия пользователей виртуальных сетей способствует тому, что нормативные системы их регулирования вынуждены «играть роль догоняющего», адаптируя инструменты и механизмы для новых условий. Возможность относительно свободного распространения информации, оказывающей негативное воздействие на социальное поведение молодежи, также представляет собой деструктивный вызов.

Для понимания рисков социально-политического взаимодействия в условиях мобилизации и с учетом виртуализации современного социального пространства актуализируется исследовательский запрос на диагностику и систематизацию вызовов и перспектив цифровых исследований. Территориальный фактор также представляет собой значимую переменную, которую необходимо учитывать при анализе мобилизационной активности. Региональная специфика во многом задает условия, характер, направленность социально-политического взаимодействия. Акцентируя внимание на мобилизации региональных сообществ, объединений, групп необходимо учитывать особенности развития территории, традиции гражданского и социального участия и т. д., что в совокупности представляет собой важную исследовательскую междисциплинарную задачу.

Авторским коллективом был разработан и апробирован алгоритм реализации цифрового исследования социальной и политической мобилизации с использованием инструментов data-mining сетевых сообществ Сибирского Федерального округа в социальной сети «ВКонтакте» в 2024 году. Представим и опишем последовательность, содержание и методологические основания проведенного исследования и соответствующего алгоритма. На подготовительном этапе определяется программная архитектура инструментария data-mining, как сквозного конвейера, содержащего следующие компоненты: целевая выборка сетевых сообществ Сибирского Федерального округа, сбор публикаций сообществ и комментариев к ним, нормализация и сохранение данных, предобработка текста и метаданных, расчет контентных и сетевых признаков полярности, подготовка обучающего набора данных для ИНС-модуля. Данный конвейер ориентирован на сравнительный анализ конструктивной/деструктивной характеристики коммуникации и интегрируется с антропо-сетевым подходом с последующей визуализацией «узлов»/«рёбер» и плотностных связей, что ранее было зафиксировано в плане работ и ожидаемых результатах второго этапа. При выполнении ранее поставленных задач в 2024 году, данный тип визуализации уже применялся для отображения плотности коммуникации в сетевых сообществах в регионах с ресурсным типом. В качестве примера приведено отображение плотности коммуникации для Кемеровской области–Кузбасса (рисунок 1). На текущем этапе необходимо улучшить качество визуализации, добавив в нее узлы коммуникации между отдельными пользователями, разделить узлы по виду коммуникации (конструктивная или деструктивная), а также разгруппировать их по характеристикам пользователей (пол, возраст, город проживания).

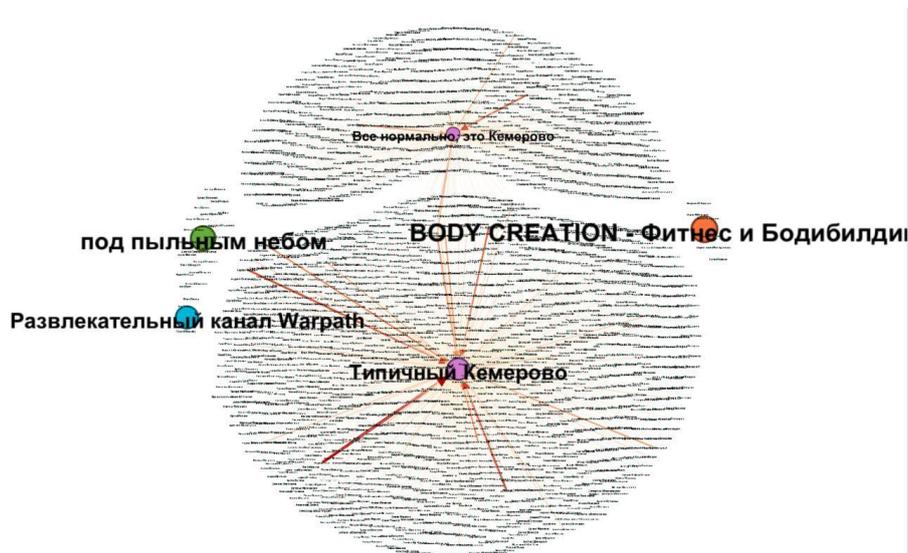

Рис. 1. Визуализация плотности коммуникации в сетевых сообществах Кемеровской области Кузбасса (период активности пользователей сетевых сообществ «ВКонтакте» составлял с 04.12.2023 по 15.03.2024 гг., время сбора данных: май-июнь 2024 года, построено в программной среде Gephi v.10)

На следующем этапе выполняется реализация слоя сбора данных с использованием исходных библиотек языка программирования Python и официальных методов VK API, и включающий в себя выгрузку текстов публикаций и комментариев для отобранных региональных групп и сообществ за согласованный диапазон времени с ключевыми маркерами повестки. Также осуществляется выгрузка следующих метаданных об авторах комментариев: идентификаторы публикаций и авторов, временные метки, вложения, реакции, а также публичные поля профиля (пол, дата рождения, регион/город – при наличии). Полученные данные в формате JSON конвертируются в нормализованные Excel-таблицы в формате CSV, при этом устраняются дубликаты и спам и соблюдаются ограничения VK API и этико-правовые требования к персональным данным. В качестве начального набора сообществ для исследования целесообразно использовать ранее отобранные популярные опорные площадки региональной повестки.

Далее осуществляется этап предобработки и аннотации текстов, включающий нормализацию (лемматизацию, унификацию регистра, устранение шумов) исходных текстов и выделение базовых лингвистических признаков. Определение конструктивности или деструктивности коммуникации планируется осуществлять на основе совокупной оценки тональности текста, формируемой из набора меток позитивной, нейтральной и негативной окраски отдельных высказываний. Для этого используются алгоритмы анализа тональности и модели машинного обучения, позволяющие агрегировать результаты на уровне комментария и всей ветви обсуждения. Совокупная полярность служит индикатором направленности сетевого взаимодействия по следующему принципу: тексты с преобладанием позитивных меток интерпретируются как конструктивные, с доминированием негативных как деструктивные, а сбалансированные как нейтральные. Итоговая типологизация проходит ручную верификацию на контрольной выборке для обеспечения надежности и проверяемости разработанных критериев.

На следующем этапе проводится анализ структуры сетевого взаимодействия пользователей. Исследуется, как участники сообществ коммуницируют друг с другом и выявляется, кто чаще инициирует обсуждения, кто поддерживает или усиливает распространение информации, а кто остается пассивным в общении. Для этого строятся графы коммуникаций, где пользователи и публикации отображаются как узлы, а связи между ними как линии взаимодействия (ответы, упоминания, репосты). Данный подход позволяет наглядно определить активные центры коммуникации и типичные модели поведения внутри сообществ.

Дополнительно изучается динамика активности, такая как скорость появления комментариев, количество реакций, вовлеченность аудитории. Полученные данные помогают оценить, какие типы коммуникации способствуют конструктивному взаимодействию, а какие ведут к росту конфликтной или деструктивной активности.

Завершающим шагом станет формирование итогового набора данных, который будет использован для обучения и проверки алгоритмов ИНС-модуля. В этот набор войдут тексты комментариев с рассчитанными признаками, такими как суммарная тональность, активность пользователей и характеристики взаимодействия между ними. Для каждого примера будут заданы проверенные метки конструктивности или деструктивности, что позволит использовать эти данные как обучающую выборку. Также будет подготовлена документация, описывающая правила разметки, структуру данных и критерии проверки точности. На основе этих материалов создаётся основа для следующего этапа разработки ИНС-модуля, способного автоматически классифицировать сетевые высказывания по их направленности и степени вовлечённости аудитории.

Разработанная последовательность в обработке сетевых данных, отражающих качественные и количественные параметры активности пользователей в условиях социальной и политической мобилизации является перспективной в аспекте системного представления и анализа массива информации, его упорядочивания и определения включенности пользователей. Кроме того, визуализация позволяет выявить территориальные взаимосвязи и взаимопересечения взаимодействий. Однако наряду с имеющимися потенциальными возможностями в изучении активности пользователей в условиях социальной и политической мобилизации необходимо учитывать формат «текущей» современности и постоянное обновление сетевой коммуникации, которая отвечает признакам нелинейности, динамичности и постоянной обновляемости.

Благодарности: Материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

Литература

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
2. Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 1. – С. 6–23.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Тоценко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: Издательство «Весь Мир», 2020. – 352 с.
5. Нятина Н.В., Головацкий Е.В. Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 501. – С. 85–96.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТОВ

Патина Есения Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье детерминированы понятие «цифрового парламента» и «цифровой трансформации», приведены сильные и слабые стороны, установлены причины и факторы, а также политические последствия цифровой трансформации парламента (в том числе европейских). Автор акцентирует внимание на научной проблеме участия граждан в законодательном процессе через комментарии к нормативно-правовым актам. С целью более глубокого изучения данного инструмента автором был проведён экспертный опрос среди сотрудников парламента Австрии, Дании, Исландии, Литвы, Норвегии и Португалии – стран-лидеров по внедрению и использованию современных цифровых технологий в политике. В данной статье выдвинута гипотеза об активном применении гражданами вышеупомянутых государств инструмента комментариев к законопроектам с целью влияния на законодательство и политику своей страны. По результатам исследования автор делает вывод о низкой популярности такового среди населения и его слабом воздействии на политическую обстановку стран, а также законодательскую деятельность в них.

Ключевые слова: парламент, европейские парламента, цифровизация, цифровая трансформация парламента, цифровой парламент, комментарии граждан к законопроектам, форма цифрового участия.

Активное участие граждан в законодательном процессе – растущая мировая тенденция, которой следуют Европейские парламента и серьёзно занимаются цифровой модернизацией. На их официальных сайтах есть полезные для граждан вкладки: о работе парламента, стадиях законодательного процесса, архивы принятых законов, онлайн-формы для размещения гражданских инициатив, объявления об обсуждениях, их трансляции на сайте, записи последних и т. д. Парламентарии используют в своей работе Искусственный интеллект, ведут блоги, имеют Интернет-приёмные.

В нашей работе «цифровой парламент» мы детерминируем как совокупность способов применения ИКТ, компьютерных программ в работе парламента для её ускорения и улучшения, повышения её транспарентности, привлечения в Сети к законодательному процессу рядовых граждан, создания среды для онлайн-диалога парламентария и гражданина. Цифровая трансформация есть сама процедура интеграции Интернет-технологий в работу парламента для увеличения результативности, качества правоохранительной деятельности.

Процесс цифровизации парламента очень сложный, многогранный и весьма неоднозначный. Сильные стороны цифровой трансформации парламента состоят в том, что ускоряется и облегчается процесс коммуникации парламентария и граждан, сокращаются временные затраты депутатов на поиск необходимых материалов, а также им проще оставаться в курсе событий, уменьшаются затраты на содержание органов законодательной власти, граждане получают возможность следить за ходом законодательного процесса. Есть и слабые стороны: цифровое неравенство, угрозы информационной безопасности, недостатки нормативно-правовой базы, стандартов и регламентов обеспечения данными и возможностями со стороны государственных органов в онлайн-формате для граждан, их объединений.

В настоящее время мы можем сказать, что самыми основными причинами перехода парламента в онлайн-среду являются необходимость повышения успешности трудовой деятельности депутатов, поиски новых путей коммуникации парламента разных стран, общемировой тренд на транспарентность и инклюзивность работы государственных органов власти.

Специфичность избирательной системы является одним из факторов применения цифровых технологий в электоральном процессе, так как с помощью них можно, например, его

ускорить, получать более точные результаты подсчёта голосов, а также привлечь больше граждан к голосованию и, возможно, заинтересовать их участвовать в политической жизни своего государства, в законотворчестве.

Следует обратить внимание, что применение инновационных инструментов в законотворческом процессе с целью привлечения к нему граждан и повышения таким образом их участия в политике связано с уровнем политического участия: в государствах с высокими показателями участия граждан в политике цифровые инструменты применяются для поддержания таковых, закрепления данной практики, в свою очередь, страны с низкими показателями политического участия их жителей с помощью цифровых технологий, применяемых в работе парламентов, стремятся мобилизовать граждан на данную деятельность.

Как считает О.И. Зазнаев [1, с. 138–139], политическими последствиями, цифровой трансформации парламентов являются снижение роли парламента как места для ведения обсуждений и выражения взглядов общественности, формирование ею политической повестки дня посредством инструментов Сети; утрата оппозицией привилегии критиковать правительства; а также можно добавить в этот перечень «отдаление» гражданина и депутата, которого он выбрал, ведь второй находится в неопределённом месте – в кибер-среде, направляемое ему предложение может попросту не дойти по разным причинам.

Вышесказанное свидетельствует о широкой масштабности процесса цифровой трансформации парламентов (в том числе европейских). Ввиду данного обстоятельства в данной статье мы решили акцентировать внимание на научной проблеме участия граждан в законотворческом процессе через комментарии к нормативно-правовым актам.

В рамках нашей работы мы проводили опрос среди сотрудников парламентов Австрии, Дании, Исландии, Литвы, Норвегии и Португалии. Данные страны являются передовиками в использовании современных технологий в политике, о чём свидетельствуют их места в рейтинге по индексу электронного участия (ЕPI) [2]: в 2024 году Австрия (0,78) располагалась на 37-ом месте, Дания (0,9863) – на 2-ом месте, Исландия (0,9589) – на 7-ом, Литва (0,8356) – на 29-ом, Норвегия (0,863) – на 22-ом и Португалия (0,6438) – на 66-ом. Может показаться, что позиции некоторых стран весьма отдалены от лидирующих, но необходимо понимать, что в данный перечень включены 193 государства.

Более того, в 2018 году о наличии онлайн-форм для комментариев граждан к законопроектам на веб-сайтах парламентов упомянутых выше государств писали в аналитическом вестнике Совета Федерации Федерального Собрания РФ [3, с. 36], то есть Россия признаёт их достижения. Тогда мы сформулировали гипотезу об активном использовании гражданами Австрии, Дании, Исландии, Литвы, Норвегии, Португалии инструмента комментариев к законопроектам, однако, оказалось, что сайты Австрии, Дании, Норвегии лишены конкретных интерактивных ссылок, ведущих к информации о возможности гражданских комментариев. Ввиду этого обстоятельства мы направили электронные письма в парламенты с просьбой помочь найти необходимую электронную форму. Далее мы провели экспертный опрос среди сотрудников законодательных органов упомянутых 6 государств об успешности, частоте обращения граждан и организаций в парламенты через данный инструмент, а также о тематике подаваемых ими комментариев.

Экспертный опрос об использовании гражданами инструмента комментариев к законопроектам позволил сделать вывод о том, что он редко используется, потому медленно набирает популярность, гораздо активнее люди обращаются к иным возможностям официальных сайтов парламентов, например, в Австрии на нём часто поддерживают инициативы, петиции.

В вопросе о наличии онлайн-форм для комментариев к законопроектам на сайте парламента своей страны сотрудники парламентов из Австрии и Дании высказались отрицательно, форму для комментариев граждан предоставляют у себя на веб-странице без ограничений только парламенты в Литве и Португалии. Исландия и Норвегия также предоставляет подобную возможность, но с определёнными особенностями.

На вопрос о тематике подаваемых комментариев нам ответили только эксперты из парламента Португалии: они чаще всего посвящаются теме образования; эксперт из парламента

Австрии высказался о том, что большинство гражданских инициатив касаются здравоохранения.

Только из парламентов Исландии (2000–3000 комментариев) и Португалии (2363 комментария) нам поступил ответ на вопрос о частоте применения гражданами инструмента комментариев к законопроектам на сайте парламента, сотрудники парламентов других государств её оценить не смогли.

Гипотеза об активном обращении граждан к инструменту комментариев к законопроектам на сайтах парламентов не подтвердилась, поскольку некоторые государства не предоставляют постоянной возможности для этого, а в Исландии (0,64 %) и Португалии (0,023 %) лишь незначительная часть населения использует данный инструмент. Следует, однако, обратить внимание на то, что в Португалии из 2363 поданных комментариев 1931 был принят парламентом этого государства в работу.

Таким образом, можно сказать, что цифровая трансформация парламентов представляет собой трудоёмкий, но важный процесс, отвечающий вызовам времени. Переведение работы парламента в онлайн-формат ресурсозатратно, но положительные перспективы обуславливают необходимость дальнейших исследований и разработок в этой области.

Литература

1. *Зазнаев О.И.* Политические последствия цифровизации парламентов: что показал зарубежный опыт? / «Возможности и угрозы цифрового общества»: материалы Всероссийской научно-практической конференции, (Ярославль, 18–19 апреля), 2024. – С. 130–142.
2. E-Participation Index. UN E-Government-Knowledgebase. – URL <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (дата обращения: 01.11.2025).
3. *Семенов Т.Е., Северьянова О.М.* Электронные сервисы в законодательном процессе / В.Д. Кривова, О. М. Северьянова, И.В. Макаренко, Д.В. Покрищук, А.П. Наумкин, И.В. Кравченко // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ, издательство Совет Федерации Федерального Собрания РФ. – М: 2018. – № 16 (705). – 43 с.

УДК 321.01

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Сурыгина Ксения Викторовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется трансформация политического мифа в условиях цифровой коммуникации, в частности инструменты его репрезентации и распространения. На основе традиционных архетипических сюжетов (мифа о враге, «золотом веке», герое-спасителе и об идентификационной общности) демонстрируется, что при сохранении ядра мифологических конструкций их цифровая реализация характеризуется высокой степенью визуализации, фрагментации авторства, алгоритмической персонализацией и участием онлайн-пользователей в процессе политического мифотворчества. Выявляя типичные модели репрезентации классических политических мифов в цифровой среде, автор подчеркивает растущую роль политического мифотворчества как технологии влияния на массовое сознание и указывает на сопряженные с этим риски радикализации и манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: политический миф, политическое мифотворчество, цифровая среда, политическая коммуникация.

Современная политическая коммуникация претерпела кардинальные изменения в связи с переходом в цифровую среду. Этот переход оказал основополагающее влияние на процессы

конструирования, репрезентации и распространения политических мифов. В этой связи мифы обретают новую жизнь в цифровом политическом пространстве. Понятие политического мифа в науке трактуется по-разному, но большинство исследований сходится на том, что политический миф – это особый нарратив, придающий символическую значимость политической реальности и воспринимаемый в социуме как истинный [3, с. 945]. Близко к этому подходит определение американского политолога М. Эдельмана, который считал, что политический миф – это комплекс идей, принимаемых массами за истину независимо от их фактической достоверности [11, р. 15-16]. Западные исследователи также подчеркивают идеологическую природу мифа. Так, К. Флад определяет политический миф как «идеологически маркированный нарратив, претендующий на достоверное объяснение совокупности прошлых, настоящих или будущих политических событий», который широко принимается существенной частью общества [12, р. 44]. Итальянский философ Ч. Боттиччи отмечает, что политический миф – это прежде всего «совместная работа над общим нарративом, придающим значимость политическому опыту социальной группы», причем миф не просто отражает уже имеющуюся идентичность, но и служит средством ее формирования [7, р. 15]. Г. Лассуэлл, исследуя политическую пропаганду, указывал, что эффективное управление массовым сознанием осуществляется через манипулирование значимыми символами. Он также отмечал, что политический миф действует на двух уровнях: рациональном и эмоциональном [13, р. 627].

Е. А. Прибыткова определяет ряд специфических характеристик, присущих политическому мифотворчеству и позволяющих выделить его среди иных форм политической деятельности. К числу ключевых особенностей автор относит:

- полиинтерпретативность, которая обеспечивает возможность адаптации смыслового содержания мифа в соответствии с трансформациями политического контекста;
- символизм, предполагающий наличие центральных образов, служащих ядром для целостной систематизации политического мифа;
- концептуальная абстрактность создаваемого мифа, выражающаяся в его дистанцированности от актуальной социальной реальности и исторического контекста;
- иррациональная убежденность носителя мифа [5, с. 40].

Говоря о функциональных возможностях политических мифов, в научной литературе наиболее часто выделяют: интерпретацию и упрощение сложных политических процессов (когнитивная функция); интеграцию группы через оппозицию «мы – они» (интегративная функция); легитимацию или делегитимацию власти и существующего политического порядка (легитимационная функция); мобилизацию и направление коллективного действия (мобилизационная функция); закрепление ценностей и нормативных ожиданий (нормативно-ценностная функция); программирование общества, введение новых поведенческих паттернов в массовое сознание (суггестивная функция); формирование схем взаимоотношений в социуме, модели поведения людей, основываясь на прошлом опыте (функция моделирования); снижение тревожности, роль своеобразного «амортизатора» перед лицом действительности (психологическая или компенсаторная функция) [1, с. 193]. Описанный функциональный аппарат демонстрирует, что политический миф – это не просто вымысел, а сложный социальный механизм, упорядочивающий мышление и поведение социальных групп.

На современном этапе теория политического мифотворчества исходит из понимания того, что миф никуда не исчез из политики, напротив – наступила эпоха ремифологизации сознания. Исследователи отмечают кризис рационалистической картины мира, особенно проявившийся во второй половине XX века, на фоне которого возникли условия для нового всплеска политического мифотворчества [4, с. 15]. Изменения в массовой коммуникации, рост роли онлайн-СМИ и Интернета, появление социальных сетей и мессенджеров – все это породило новые формы политического мифотворчества. По сути, роль мифа осталась прежней, он все так же призван придавать смысл социальной реальности, но его содержание все больше определяется политическими нарративами вместо религиозно-культурных сюжетов прошлого. Несмотря на развитие науки и образования, мифы не покинули политическую сферу, они просто обрели новые формы, соответствующие «духу» времени. Это подчеркивал и Р. Барт,

апеллируя к тому, что миф не исчезает, а замещается новыми формами [2, с. 73]. Это подчеркивает важность исследования мифов в политике. Современная наука стремится понять, каким образом мифы функционируют внутри политического дискурса, каким образом они влияют на демократические процессы, идеологии, политическое сознание и поведение людей.

Цифровая эпоха радикально изменила способы создания и распространения политических мифов. Если раньше основными каналами мифотворчества были традиционные СМИ, то сейчас мифы циркулируют по всем каналам цифровой коммуникации: социальным сетям, блогам, мессенджерам, видеоплатформам, онлайн-СМИ, онлайн-форумам и др. Для современного общества характерен постоянный и всеобъемлющий информационный поток, в котором мифологические сюжеты могут распространяться мгновенно и без апелляции к официальным источникам. Цифровая среда позволяет объединять различные техники влияния на политическое сознание, в том числе манипулирование эмоциями, селективную подачу информации, использование лидеров общественного мнения и тиражирование ярких образов [6, с. 226].

Большинство исследователей политической мифологии выделяют несколько устойчивых сюжетных типов, среди которых наиболее распространенными являются: миф о враге, миф о «золотом веке», миф о герое-спасителе и миф об идентификационной общности [1, с. 192]. Именно в эти сюжетные конструкции вписывается большинство политических мифов. Миф о враге используется для объяснения или оправдания кризисов и неудач через деятельность врага, как внешнего, так и внутреннего. Миф о «золотом веке» описывает идеальное состояние общества в прошлом или будущем, противопоставляя его кризисному настоящему. Миф о герое-спасителе концентрируется на фигуре харизматического лидера, обладающего уникальными способностями, которые выведут общность из кризиса. Миф об идентификационной общности применяется для формирования образа «настоящего» народа, нации, класса и т. п., отделенного от «чужих» и наделенного особой миссией [1, с. 192]. Эти четыре сюжета, по своей сути, являются «вечными» политическими мифами. Они могут сочетаться и порождать гибридные нарративы, в разных культурах и эпохах эти темы наполняются специфическим содержанием, но структурно сохраняют свою узнаваемость. Именно опора на эти базовые архетипы обеспечивает политическим мифам их длительное существование и эффективность.

В цифровую эпоху эти сюжеты сохраняют свою архетипическую основу, но способы их интерпретации и распространения качественно меняются. Так, в цифровой среде миф о враге реализуется прежде всего в формах конспирологических нарративов и ксенофобских кампаний, распространяемых через социальные сети и мессенджеры. Характерным примером в этом контексте может послужить теория «великой замены» в странах Европы и Северной Америки, согласно которой политические элиты сознательно замещают коренное население мигрантами. Исследования показывают, что данный миф активно тиражируется в сетевых сообществах крайне правых партий и движений, блогах и видеоплатформах, где конструируется образ мигранта как экзистенциальной угрозы безопасности [16].

Особенностью цифрового воспроизводства мифа о враге является фрагментация источников и «распыленное» авторство. Данный миф в онлайн-пространстве создается и усиливается за счет тысяч пользовательских сообщений, мемов, «свидетельств очевидцев», что затрудняет идентификацию инициаторов и повышает доверие аудитории, так как источником информации часто являются обычные люди. В алгоритмически персонализированных лентах такие сюжеты формируют замкнутые сети взаимного подкрепления, так называемые «эхо-камеры», где любые контраргументы интерпретируются как часть того же «заговора». Интерпретация данного мифа в цифровом пространстве становится все более визуальной. Коллажи, мемы, короткие видео, сопоставляющие статистику миграции с образами «наводнения» и «осады», вызывают сильный эмоциональный отклик и закрепляют образ врага быстрее, чем сложные аналитические тексты.

Миф о «золотом веке» в цифровой среде часто артикулируется через ностальгические лозунги и хэштеги, обещающие вернуть утраченное величие. Слоган «Make America Great Again» («Сделаем Америку снова великой») в США апеллирует к неявно обозначенному прошлому, в котором страна была более сильной, единой и справедливой. Этот лозунг активно

репродуцируется в онлайн-СМИ, становясь маркером групповой идентичности сторонников соответствующего политического курса [10, р. 1]. В Европе аналогичную функцию выполнял лозунг кампании за выход Великобритании из Европейского союза «Take back control» («Вернуть себе контроль»), который в массовом сознании связывался с идеей возвращения утраченного суверенитета государства [14, р. 278–279]. В онлайн-пространстве этот миф подкреплялся визуальными образами «старой доброй Англии», отсылками к имперскому прошлому и военным победам.

В цифровом пространстве миф о «золотом веке» конструирует «великое» прошлое или «светлое» утопическое будущее не через исторический анализ или рациональное прогнозирование, а через набор легко тиражируемых символов (флаг, цвета, музыкальные цитаты, архивные фотографии и т. п.), которые раз за разом циркулируют в цифровой коммуникации. Пользователь, идентифицирующий себя с этим прошлым или будущим, через инструменты социальных сетей сам становится участником мифотворчества. Интерпретация настоящего при этом строится как резкий контраст между «тогда» и «сейчас», что повышает запрос на радикальные политические изменения.

С помощью персонализации политической коммуникации и формирования персонального политического бренда в цифровой среде усиливается миф о герое-спасителе. Хрестоматийным примером здесь является избирательная кампания Б. Обамы 2008 г., в которой немаловажную роль сыграл плакат с портретом кандидата в президенты и подписью «Hope» («Надежда»). Именно этот плакат стал тем самым вирусным символом, получившим широкое распространение в социальных сетях, блогах и послужил основой для сувенирной продукции в рамках данной избирательной кампании [15, р. 21–22]. Именно он воплощал ожидание, что этот лидер способен вывести страну из кризиса и обеспечить ей качественно другое будущее. Еще одним примером здесь может послужить конспирологическое движение QAnon, сформировавшееся в англоязычном онлайн-пространстве. В его рамках конструируется образ политического лидера, ведущего «тайную борьбу» с могущественным «глубинным государством» и призванного спасти людей от скрытого зла [8, р. 364]. Цифровые платформы здесь выступают пространством коллективной «доработки» мифа. Пользователи интерпретируют сообщения анонимного источника, создают инфографику, видеоролики, мемы, тем самым постоянно переосмысляя и укрепляя фигуру героя-спасителя. В цифровом пространстве для мифа о герое-спасителе наиболее важно визуальное присутствие, а также возможность мгновенной мобилизации сторонников. Герой не только описывается как спаситель, но и буквально присутствует в повседневной, пусть и виртуальной, жизни пользователей, что укрепляет эмоциональную связь и веру в его исключительность.

Миф об идентификационной общности в цифровой среде реализуется как конструирование границы между «нами» и «ими» через хэштеги, названия онлайн-сообществ, эмодзи и специфический сленг. Он может иметь как включающий, так и исключаящий характер. Так, с одной стороны, например, хэштег #JeSuisCharlie (#Я-Шарли) после терактов во Франции формировал чувство солидарности и принадлежности к сообществу, разделяющему ценности свободы выражения и демократических свобод [9, р. 704]. Участие в распространении этого хэштега воспринималось как символическая причастность к этому «мы» на транснациональном уровне. С другой стороны, в ряде европейских и североамериканских онлайн-сообществах крайне правого толка образ «настоящих» европейцев или американцев противопоставляется мигрантам и элитам, что прямо сочетается с мифом о «великой замене».

Важная особенность цифровой репрезентации данного мифа состоит в том, что общность воспринимается не только в территориальном или национальном смысле – она может быть сформирована и на основании других критериев. Так, регулярные обсуждения в социальных сетях и мессенджерах, совместное производство контента и другие ритуалы создают ощущение большой эмоционально заряженной социальной группы, даже если ее участники территориально находятся далеко друг от друга. Это значительно усиливает готовность принимать мифологические описания мира, исходящие от «своих», и сопротивляться внешней критике.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что классические политические мифы демонстрируют высокую устойчивость и адаптивность, полностью сохраняя свои ключевые функции. Цифровая среда способствует не только их сохранению, но и создает для них новые каналы и формы распространения, являясь благодатной почвой как для их стихийного формирования и вирусного распространения, так и целенаправленной трансляции различными политическими акторами. Она ускоряет процесс распространения мифов и расширяет их аудиторию, размывает границу между производителями и потребителями мифотворчества, усиливает визуальную составляющую мифов, а также способствует фрагментации и большей вариативности нарративов при сохранении их архетипического ядра. Именно это делает политический миф важнейшим объектом анализа в рамках исследования цифровизации политических процессов. Понимание того, как именно традиционные политические мифы репрезентируются и интерпретируются в процессе цифровой политической коммуникации, позволяет точнее оценивать риски радикализации, манипуляции общественным мнением и кризисов доверия, рассматривая политическое мифотворчество как устойчивую технологию влияния на политическое сознание и поведение современного человека.

Литература

1. *Балахонская Ю.В.* Отличительные особенности политической мифологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (67). – С. 189–194.
2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа Прогресс Универс., 1994. – 616 с.
3. *Волкова А.Е.* Особенности построения политико-мифологических конструкторов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы // *Via in Tempore. История. Политология.* – 2022. – № 49 (4). – С. 944–953.
4. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры (перевод Муравьев А.Н.). // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 3–30.
5. *Прибыткова Е.А.* Политические мифы / Личность; Общество; Государство. – СПб., 2008. – С. 36–44.
6. *Склярова Е.А.* Цифровизация и стиль политического мышления // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки. – 2022. – № 3. – С. 226–230.
7. *Bottici C.* A philosophy of political myth. – New York: Cambridge university press, 2009. – 281 p.
8. *Cover R.* The Spectre of populist leadership: qanon, emergent populism and conspiracy in the digital era // *Media and communication.* – 2022. – Volume 10. – Issue 2. – P. 361–369.
9. *De Cock B.* Pragmatic functions of hashtags starting with #jesuis: From expressing solidarity to mocking on Twitter // *Language in Society.* – 2018. – Volume 47. – Issue 5. – P. 703–727.
10. *Eddington S.M.* The Communicative constitution of hate organizations online: a semantic network analysis of «Make America Great Again». // *Social media + society.* – 2018. – Volume 4. – Issue 3. – P. 1–13.
11. *Edelman M.* Politics as symbolic action: mass arousal and quiescence. – Burlington: elsevier science, 2013. – 199 p.
12. *Flood C.* Political Myth. – Hoboken: Taylor and Francis, 2013. – 322 p.
13. *Lasswell H.D.* The theory of political propaganda // *American political science review.* – 1927. – Volume 21. – Issue 3. – Pp. 627–631.
14. *Martín de la Rosa V.* Taking back control: The role of image schemas in the Brexit discourse // *Russian journal of linguistics.* – 2023. – Volume 27. – Issue 2. – P. 276–296.
15. *Terrell-Curtis K.B.* Representative form and the visual ideograph: the Obama HOPE poster. Master's thesis. – Indiana University Indianapolis, 2012. – 67 p.
16. *The Guardian.* – URL: <https://clck.ru/3QMTg5> (дата обращения: 16.10.2025).

FROM NARRATION TO ACTION: HOW SOCIAL MEDIA SHAPES SOCIAL CONFLICT

**Charles Alfano Wiradhika Hutapea,
Fransisca**

*Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Russia
Saint Petersburg state university, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. Social media and the internet have transformed how societies interact and interpret meaning at both structural and cultural levels. These innovations enable the rapid and massive dissemination of information across geographical boundaries in extremely short periods of time. Online platforms have evolved into not only tools of communication and information exchange but also arenas for political contestation. A wide range of content circulates freely often attractively packaged to shape public narratives that may escalate into destructive actions, including social conflict, socio-political movements, and terrorism. This article examines how social media influences human psychology and constructs collective narratives with the potential to generate tension and social conflict. It also analyzes two key case studies: the socio-political movement in Indonesia during August–September 2025 and the role of social media in global radical–terrorist networks. The research employs content analysis and literature review, drawing on academic journals, articles, and digital platforms. This article concludes that social media has a significant influence on human thoughts, perceptions, and psychology, which can ultimately lead to mass movements and even acts of terrorism.

Keywords: social media, algorithm, soft power, conflict, psychology, digital communication.

Background.

Advances in technology and social media in recent years have brought significant changes that are felt directly by global society. These changes include fundamental shifts in how individuals think, interact, and understand social reality. Platforms such as X, TikTok, Instagram, and Facebook function not only as entertainment or communication tools but also as public spaces where opinions and political interests converge. However, this seemingly ideal freedom of information also opens pathways for criminal activity and threats to security. In many cases, social conflict and socio-political movements initially emerge in the digital sphere as online narratives before materializing into real-world action. Social media users' psychology becomes a primary target for actors with specific interests. Political messages are disseminated through visually appealing and emotionally provocative content designed to influence public sentiment. Within the overwhelming flow of digital information, social media algorithms play a pivotal role in determining which content users consume.

Algorithms amplify psychological responses by prioritizing content that evokes strong emotions - anger, fear, trauma, sadness, and more. This dynamic creates digital echo chambers in which users encounter only information that aligns with their existing beliefs. The result is widespread information bias and heightened societal polarization. These developments have concrete impacts, including the rise of socio-political movements and digitally fueled social unrest. Furthermore, social media has the ability to conceal the accounts of creators, disseminators, and even users of content. This is known as the "nature of anonymity," which increases the complexity of resolving the issue. Actors can very easily spread false information wrapped in compelling narratives, visuals, and audio that touch the psychology of other social media users without revealing their true identities.

This phenomenon was evident in Indonesia, where demonstrations spread across multiple cities. Likewise, transnational terrorist groups such as the Islamic State in Iraq and Syria (ISIS) use social media to disseminate propaganda, recruit followers, conduct mass communication, and seek both domestic and international legitimacy. Social media has become a central arena for psychological and informational warfare, shaping conflict dynamics in contemporary society. Understanding how social media functions as a conflict instrument therefore becomes essential.

Theoretical Framework.

Framing Theory (Snow & Benford).

Snow and Benford argue that the success of social movements relies on their ability to frame reality in ways that resonate with public experiences and emotions. They identify three framing processes:

- *diagnostic framing* – identifying problems, such as digital inequality;
- *prognostic framing* – proposing solutions, including reforms or demonstrations;
- *motivational framing* – offering moral and emotional incentives to act.

Social media accelerates these processes through hashtags, narratives, visual content, spirituality, values, solidarity, and moral empathy. Effective framing enhances relatability and influences user psychology, increasing the likelihood of collective action. (Snow, 2000).

Soft Power (Joseph Nye).

Nye conceptualizes *power* as the ability to influence others to act in accordance with one's preferences. In international relations, power extends beyond military capacity or natural resources, it includes the ability to shape the perceptions and preferences of others. Soft power is exercised not only through direct instruction but through persuasion, attraction, and narrative shaping. These strategies often rely on values, perceived benefits, aesthetics, and emotional engagement. In practice, they frequently involve manipulation and psychological influence aimed at achieving strategic objectives. (Joseph S. Nye, 2011)

Through the dissemination of information about culture, values, and influence via narratives, actors can shape the needs, preferences, and interests of other actors. In such a scenario, those affected by this soft power may act in ways that align with the intentions of the influencing actor. This tendency often occurs without the awareness of the affected individuals—their initial perspective and understanding is that they are acting to fulfill their own needs, not those of another actor. (Joseph S. Nye, 2011)

Case Study I: Social Media and Mass Demonstrations in Indonesia (August–September 2025).

A wave of dissatisfaction with economic, political, and social policies triggered a series of demonstrations across Indonesia between August and September 2025. Social media particularly Instagram, Facebook, and YouTube played a crucial role in shaping these socio-political dynamics. Posts and videos highlighting inequality and public discontent significantly influenced perceptions, contributing to widespread calls for mass mobilization. Hashtags such as [#indonesiagelap](#) and [#resetindonesia](#) circulated widely. Visual symbols also played an important role, notably the “Brave Pink and Hero Green” trend in which users adopted green and pink profile filters. Many people, including students, content creators, and influencers, both within the country and abroad, are also using this filter as a form of protest. This trend emerged after two viral incidents:

1. The death of an online motorcycle driver (associated with green uniforms) due to alleged police negligence (link number 1). Affan Kurniawan died after being run over by a POLRI Simueng tactical police vehicle. This incident successfully triggered tremendous public anger, both from people at the demonstration site to those who heard the news through social media such as YouTube, Instagram, Twitter, or Facebook. Videos of the incident spread very widely through social media. The color green is the iconic color of this online transportation company, and this color is being used as a symbol of solidarity for our brother Affan.

2. Footage of a middle-aged woman in a pink hijab bravely voicing her protest (Link number 2). In the viral photo, a middle-aged woman is seen loudly raising a flag against officers on the front line of the demonstration, facing a row of police in full riot gear. This photo became a talking point on social media, with many explaining that this woman's photo is a form of female resistance in public space, representing courage, struggle, and defiance.

Fig. 1. Middle-aged woman in a pink hijab bravely voicing her protest and the “Brave Pink and Hero Green” trend (link number 5)

Influencers amplified these narratives, turning social media into a battleground of information and psychological persuasion. Social media is flooded with content demanding reforms within government institutions, calling for strategic improvements to the various unresolved issues. Among the demands are financial transparency, sanctioning lawbreakers, reducing poverty rates, and minimizing the use of armed personnel in crowd control. Due to the global reach of digital platforms, participation extended beyond Indonesia to include members of the Indonesian diaspora and overseas student organizations. This case illustrates how digital framing shapes public psychology and perceptions of reality, ultimately catalyzing real-world demonstrations. It also demonstrates how influential online figures can significantly influence public opinion, reinforcing the centrality of social media in modern conflict dynamics. In the dynamics of this case, the role of information framing becomes crucial. How the information is shaped and how it is delivered with a compelling narrative can invite, persuade, and mobilize the public for a series of demonstration actions in their own ways, whether on the streets in the form of direct protests or through social media content.

Case Study II: Radical Islamist Narratives and Terrorist Recruitment through Social Media.

According to Indonesia’s National Counterterrorism Agency (BNPT), more than 180,000 pieces of online content containing radical, intolerant, extremist, or terrorist messages were identified in 2024. These were linked to terrorist groups such as ISIS, JAD, HTI, and JAT – which are banned organization in Indonesia and Russia. The content was found across major platforms, including Instagram (86,203 posts), Facebook (45,449 posts), and TikTok (23,595 posts), as well as on X, WhatsApp, and Telegram (Link number 5).

These organizations operate globally, engaging in recruitment, ideological dissemination, operational planning, bomb-making, and other activities that threaten national and human security. Their propaganda uses emotionally manipulative narratives, images, and videos to influence audiences. Such content ranges from mockery and threats to graphic violence and execution footage. Narratives often emphasize heroism, masculinity, sacrifice, solidarity, and honor creating the perception that terrorism is a noble or righteous act. (Prof. Budi Winarno, 2019)

Notable examples include:

- Ahmad Qadan (Sweden), who used Facebook from 2013 to 2015 to promote ISIS, posting invitations such as “Contact me to support your brothers at the front”.
- The Boston Marathon Bombing (2013), in which the Tsarnaev brothers were influenced by *Inspire*, an Al-Qaeda propaganda magazine containing a section titled “*How to Make a Bomb in Your Mother’s Kitchen.*” (Gyte, 2021).

Terrorist groups rely heavily on psychological warfare, using fear as a strategic tool. Social media greatly enhances their ability to control information flows. Their use of soft power is evident in strategies designed “to attract or to disorient rather than coerce,” reflecting contemporary methods of digital radicalization. (Kapsokolu, 2023).

Conclusion.

Social media and the internet have a profound impact on the dynamics of social conflict. These dynamics emerge through complex processes facilitated by algorithmic curation. As platforms for communication and information dissemination, social media have become arenas for political contestation in modern society. They serve as battlegrounds for psychological and narrative warfare, as evidenced by socio-political movements and terrorism-related activities – both representing concrete manifestations of social conflict in the digital age. Using framing theory and soft power theory, this article demonstrates how political interests can be crafted into compelling narratives and visuals that shape human psychology, ultimately leading to actions that disrupt social stability. (Ahluwalia, 2020) With narratives packaged in such a way through content that evokes or touches on identity (such as examples, "Islam," "The Oppressed People," "The Government," and many more), filled with visuals like images or videos, and even using touching music or sound, they can very easily enter the public's mindset. The targets in this phenomenon of terrorism or socio-political movements in the digital world are not only adults, but all groups, including young people and even small children.

References

1. *Ahluwalia V.K.* Psychological warfar: call out adversaries' designs // *CLAWS Journal*. – 2020. – Volume 13. – Issue 2. – P. 12–41.
2. *Joseph S. Nye J.* *The Future of Power*. –New York: PublicAffairs, 2011. – 300 p.
3. *Kapsokolu E.* Isis's digital jihad // *National security and the future*. – 2023. – Volume 3. – Issue 24. – Pp. 39–66.

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

**IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
СОЦИОЛОГОВ ТЮРКСКОГО МИРА**

Том 1

**ЕВРАЗИЙСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ДИНАМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Сборник научных трудов

Казань, 20–22 ноября 2025 г.

**IV INTERNATIONAL CONGRESS
OF SOCIOLOGISTS OF THE TURKIC WORLD**

Volume 1

**EURASIAN CONTEXTS OF SOCIAL DYNAMICS:
TRANSFORMATION OF SOCIETIES
IN THE AGE OF GLOBAL CHALLENGES**

Collection of scientific papers

Kazan, November 20–22, 2025

Подписано к использованию 02.02.2026.

Гарнитура «Times New Roman».

Заказ 45/2

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)